

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 1819-2785 (Print)
ISSN 2587-7275 (Online)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Theory and Practice of Forensic Science

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Scientific and Practical Journal

Том
Vol. 16

№ 1

2021

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Научно-практический журнал

«Теория и практика судебной экспертизы» – это рецензируемый научно-практический журнал, публикующий результаты фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых в виде научных статей, обзорных научных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров и исторических справок по вопросам судебно-экспертной деятельности.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Смирнова Светлана Аркадьевна*, д. юр. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Усов Александр Иванович*, д. юр. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: *Никулина Марина Вячеславовна*, к. б. н., ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ПЕРЕВОДЧИК: *Завьялова Дарья Владимировна*

ВЕРСТКА: *Мурзаев Алхан Магомедбекович*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бутырин Андрей Юрьевич, д. юр. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Герадс Зено, доктор наук, профессор, Институт судебных экспертиз Министерства юстиции Нидерландов (Гаага, Нидерланды)

Гиверц Павел, Штаб-квартира национальной полиции Израиля (Иерусалим, Израиль)

Джабир Ахмет, доктор наук, Департамент обеспечения качества Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан)

Замараева Наталия Александровна, к. юр. н., доцент, ФБУ Северо-Западный РЦСЭ Минюста России (Санкт-Петербург, Россия)

Кузнецова Алсу Минуровна, к. б. н., Университет Альберты (Эдмонтон, Канада)

Майлис Надежда Павловна, д. юр. н., профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Москва, Россия)

Микляева Ольга Васильевна, к. юр. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Моисеева Татьяна Федоровна, д. юр. н., профессор, Российский государственный университет правосудия (Москва, Россия)

Никулин Вячеслав Валентинович, д. ф.-м. н., профессор, Университет Ливерпуля (Ливерпуль, Великобритания)

Омельянюк Георгий Георгиевич, д. юр. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Павлова Татьяна Витальевна, к. ф.-м. н., Высшая школа экономики (Москва, Россия)

Россинская Елена Рафаиловна, д. юр. н., профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия)

Рубис Александр Сергеевич, д. юр. н., профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Сейтенов Калиолла Кабаевич, д. юр. н., профессор, Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (пос. Косшы, Казахстан)

Секераж Татьяна Николаевна, к. юр. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Соллиеро-Реболledo Элизабет, доктор наук, Национальный автономный университет Мексики (Мехико, Мексика)

Хазиев Шамиль Николаевич, д. юр. н., доцент, адвокатская контора «Аснис и партнеры» (Москва, Россия)

Щеглов Алексей Иванович, д. б. н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ян де Киндер, доктор наук, Национальный институт криминалистики и криминологии (Брюссель, Бельгия)

Наименование органа, зарегистрировавшего издание: Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-22228 от 28 октября 2005 г.)

ISSN: 1819-2785 (Print), 2587-7275 (Online)

Периодичность: 4 раза в год

Учредитель: Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России)

Сайт: <http://www.tipse.ru>

Адрес: 109028, Москва, Хохловский пер., 13, стр. 2

e-mail: tipse@sudexpert.ru

Подписка Каталог «Пресса России»

THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC SCIENCE

Science & Practice Journal

«Theory and Practice of Forensic Science» is a peer-reviewed academic journal that publishes the findings of fundamental and applied research conducted by Russian and foreign scientists in the form of research papers, review articles, scientific communications, literature reviews, and historical overviews on the issues of forensic science and practice. The journal is included in the List of peer-reviewed academic journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education, and is required to publish the key scientific findings of dissertations for doctoral and candidate's degrees.

The journal is listed in the system of the Russian Science Citation Index (www.elibrary.ru).

EDITOR-IN-CHIEF: *Svetlana A. Smirnova*, Doctor of Science, Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Aleksandr I. Usov*, Doctor of Science, Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

PRODUCTION EDITOR: *Marina V. Nikulina*, Candidate of Science, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

TRANSLATOR: *Dar'ya V. Zav'yalova*

DESIGNER: *Alkhan M. Murzaev*

EDITORIAL BOARD:

Andrei Yu. Butyrin, Doctor of Science, Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zeno Geradts, Doctor of Science, Professor, the Netherlands Forensic Institute (the Hague, the Netherlands)

Pavel Giverz, Israel National Police H.Q. (Jerusalem, Israel)

Jabir Ahmet, Doctor of Philosophy in Law, Quality Assurance Department of the Forensic Science Center of the Ministry of Justice of the Azerbaijan Republic (Baku, Azerbaijan)

Natal'ya A. Zamaraeva, Candidate of Science, Associate Professor, North-Western Regional Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice (Saint Petersburg, Russia)

Alsu M. Kuznetsova, Candidate of Science, the University of Alberta (Edmonton, Canada)

Nadezhda P. Mailis, Doctor of Science, Professor, V.Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of the Interior (Moscow, Russia)

Ol'ga V. Miklyaeva, Candidate of Science, Associate Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tat'yana F. Moiseeva, Doctor of Science, Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Vyacheslav V. Nikulin, Doctor of Science, Professor, the University of Liverpool (Liverpool, United Kingdom)

Georgii G. Omel'yanyuk, Doctor of Science, Associate Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tat'yana V. Pavlova, Candidate of Science, Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Elena R. Rossinskaya, Doctor of Science, Professor, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Aleksandr S. Rubis, Doctor of Science, Professor at the Department of Criminal Procedure of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Kaliolla K. Seitenov, Doctor of Science, Professor, Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Kosshu, Kazakhstan)

Tat'yana N. Sekerazh, Candidate of Science, Associate Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elizabeth Solleiro-Rebolledo, Doctor of Science, National Autonomous University of Mexico (Mexico City, Mexico)

Shamil' N. Khaziev, Doctor of Science, Associate Professor, «Asnis & Partners» Law Office (Moscow, Russia)

Aleksei I. Shcheglov, Doctor of Science, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Jan De Kinder, Doctor of Science, National Institute of Criminalistics and Criminology (Brussels, Belgium)

Registered by: The Federal Service for Monitoring Compliance with Cultural Heritage Protection Law (Registration Certificate PI № FS77-22228 issued October 28, 2005)

ISSN: 1819-2785 (Print), 2587-7275 (Online)

Frequency: 4 times a year

Established by: The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RFCFS of the Russian Ministry of Justice)

Website: <http://www.tipse.ru>

Address: 109028, Moscow, Khokhlovskii per., 13, str. 2

e-mail: tipse@sudexpert.ru

Subscription: Russian Press Subscription Catalog

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические вопросы

**С.А. Смирнова, Г.Г. Омелянюк,
И.В. Стороженко, А.А. Рыбакова,
В.В. Гулевская**

Судебная молекулярно-генетическая экспертиза объектов биологического происхождения – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России

**А.Ю. Бутырин, Е.Б. Статива,
О.А. Манухина**

Восемь законов логики для судебного эксперта-строителя

В.О. Кузнецов

Система понятий как метаязык судебной экспертологии

Г.Г. Бочаров

Основные положения комплексного судебно-экспертного исследования предметов фалеристики

И.В. Устинова

Значение пространственно-временных связей и отношений для формирования частной научной теории судебно-экспертного прогнозирования

Тема дня

**С.А. Смирнова, А.И. Усов, Н.В. Говорина,
С.А. Кузьмин**

Роль Совета Европы в международном сотрудничестве российских и европейских судебно-экспертных организаций

Методы и средства

С.М. Петров

Исследование временных маркеров цифровых сигналограмм

**О.А. Абелев, М.М. Виноградова,
М.Г. Нерсесян**

Экспертное исследование исполнения условий договора инвестиционного страхования жизни

Экспертная практика

К.В. Шулгина, А.В. Пасько

Просодия оскорбления

Т.Н. Секераж

Современные возможности судебной психологической и комплексной экспертизы при исследовании видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий

CONTENTS

Theoretical Issues

**6 Svetlana A. Smirnova,
Georgii G. Omel'yanyuk,
Irina V. Storozhenko, Anna A. Rybakova,
Viktoriya V. Gulevskaya**

Forensic Molecular-Genetic Analysis of Objects of Biological Origin – a New Direction of Forensic Activity of the Russian Ministry of Justice

**19 Andrey Yu. Butyrin, Ekaterina B. Stativa,
Olga A. Manukhina**

Eight Laws of Logic for the Forensic Construction Expert

33 Vitaly O. Kuznetsov

The System of Concepts As a Metalanguage of Forensic Science

47 Gennadii G. Bocharov

The Framework for Comprehensive Forensic Study of Phaleristic Items

54 Irina V. Ustinova

The Relevance of Spatial and Temporal Connections and Relationships for the Formation of a Subtheory of Forensic Forecasting

Topic of the Day

**59 Svetlana A. Smirnova, Aleksandr I. Usov,
Natal'ya V. Govorina, Sergei A. Kuz'min**

The Role of the Council of Europe in the International Cooperation between Russian and European Forensic Organizations

Methods and Tools

69 Sergei M. Petrov

Forensic Analysis of Time Markers of Digital Recordings

**78 Oleg A. Abelev, Marina M. Vinogradova,
Medeya G. Nersesyan**

Expert Study of the Execution of the Terms of an Investment Life Insurance Contract

Forensic Casework

92 Kristina V. Shulgina, Alexander V. Pasko

Prosody of Abuse

100 Tat'yana N. Sekerazh

Current Capacities of Forensic Psychological and Comprehensive Analysis When Examining Footage of Procedural and Non-Procedural Actions

С.А. Крутов Видеореги­стратор как объект исследования судебных экспертиз	114	Sergei A. Krutov Video Recorder as an Object of Forensic Expert Analysis
Дискуссии		Discussions
Н.В. Михалева Экспертные понятия в судебно-экологиче- ской экспертизе	124	Natal'ya V. Mikhaleva Expert Concepts in Forensic Ecology
А.Ф. Во­лын­ский Необходимость государственной системы научно-технического обеспечения уголов- ного судопроизводства	130	Alexander F. Volynskii The Need for a State System of Scientific and Technical Support for Criminal Procedure
Стандартизация и менеджмент качества		Standardization and Quality Management
Е.В. Чеснокова Формирование знаний о стандартизации в области судебно-экспертной деятельности в России	141	Elena V. Chesnokova Building of Knowledge on Standardization of Forensic Expert Activities in Russia
Персоналии и исторические очерки		Biographies and Histories
Памяти Орловой Валерии Федоровны	152	To the Memory of Orlova Valeriya Fedorovna

Судебная молекулярно-генетическая экспертиза объектов биологического происхождения – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России

 С.А. Смирнова^{1,2}, Г.Г. Омелянюк^{1,2,3}, И.В. Стороженко¹, А.А. Рыбакова¹, В.В. Гулевская^{1,3}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Россия

³ ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва 105005, Россия

Аннотация. Рассмотрены актуальность и основные предпосылки формирования в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России нового направления судебно-экспертной деятельности – молекулярно-генетической экспертизы объектов биологического происхождения. Описаны преимущества метода исследования ДНК, который является одним из самых современных и эффективных инструментов при расследовании уголовных дел. Показаны возможности применения различных методов ДНК-анализа при производстве судебных экспертиз. Кратко изложена история возникновения судебной молекулярно-генетической экспертизы в Российской Федерации и особенности ее производства при исследовании биоматериала человека, животных, растений. Представлены определения объекта, предмета молекулярно-генетической экспертизы объектов биологического происхождения, сформулированы типовые задачи и составлен примерный перечень вопросов, ставящихся на разрешение данной экспертизы.

Ключевые слова: молекулярно-генетическая экспертиза, объекты биологического происхождения, ДНК, идентификация личности, судебная экспертиза, охраняемые виды животных и растений

Для цитирования: Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Стороженко И.В., Рыбакова А.А., Гулевская В.В. Судебная молекулярно-генетическая экспертиза объектов биологического происхождения – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-6-18>

Forensic Molecular-Genetic Analysis of Objects of Biological Origin – a New Direction of Forensic Activity of the Russian Ministry of Justice

 Svetlana A. Smirnova^{1,2}, Georgii G. Omel'yanyuk^{1,2,3}, Irina V. Storozhenko¹,

 Anna A. Rybakova¹, Viktoriya V. Gulevskaya^{1,3}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russia

³ Bauman Moscow State Technical University (BMSTU), Moscow 105055, Russia

Abstract. The article addresses the importance and basic preconditions for the forming a new direction of forensic activity in the system of forensic institutions of the Russian Ministry of Justice a new direction of forensic activity - molecular-genetic analysis of the objects of biological origin. The authors present the advantages of DNA analysis - one of the most modern and efficient methods in investigating criminal cases. The article also demonstrates the potential of different methods of DNA-analysis for forensic investigations. The history of forensic DNA-analysis development in Russia and its features when examining the human, animal, and plant biomaterials are briefly discussed. The authors propose the definitions for the molecular-genetic examinations' object and subject, formulate the model tasks, and suggest a list of sample questions for this study.

Keywords: molecular-genetic analysis, objects of biological origin, DNA, identification of an individual, forensic examination, protected plants and animals species

For citation: Smirnova S.A., Omel'yanyuk G.G., Storozhenko I.V., Rybakova A.A., Gulevskaya V.V. Forensic Molecular-Genetic Analysis of Objects of Biological Origin – a New Direction of Forensic Activity of the Russian Ministry of Justice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 6–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-6-18>

Введение

В настоящее время при исследовании объектов биологического происхождения увеличиваются объемы производства наиболее востребованных видов экспертиз, сопровождающихся необходимостью использования молекулярно-генетических методов, что обусловлено практикой борьбы с преступлениями против человека, дикой флоры и фауны. Данные методы особенно актуальны в условиях постоянного роста количества особо тяжких преступлений против личности, в том числе заказных, хорошо спланированных и организованных убийств, а также противоправных действий, направленных на уничтожение диких животных и дикорастущих растений, включая браконьерство и контрабанду. Наиболее часто следы биологического происхождения исследуют в связи с преступлениями против жизни и здоровья человека, особенно половыми преступлениями.

Новым направлением развития судебно-экспертного ДНК-анализа во всем мире является молекулярно-генетическая идентификация биологических образцов животного и растительного происхождения [1].

Молекулярно-генетическая экспертиза – преимущества и востребованность

Использование технологии исследования дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) в судебной экспертизе в свое время произвело настоящую революцию в раскрытии преступлений, так как позволило найти связь между ДНК конкретного человека и биологическими следами, оставленными на месте преступления [2, 3].

Современные методы анализа ДНК подразумевают выявление полиморфизма участков кодирующей и некодирующей ДНК, локализованной в ядре, митохондриях и других органеллах клетки. Выявленные участки называются ДНК-маркерами (генетическими маркерами). Наиболее широко используемые маркеры – это короткие tandemные повторы (Short Tandem Repeat, STR).

Молекулярно-генетическая экспертиза является одним из наиболее наукоемких и перспективных видов исследований. В

ДНК-идентификации используют методы различных наук: молекулярной и популяционной генетики, биохимии, математики, информатики и других, но все эти методы преломляются через призму решения судебно-экспертных задач [4].

В современной научной литературе сформулированы свойства ДНК, которые позволяют использовать ее для решения идентификационных и классификационных задач судебной экспертизы, в том числе с целью установления индивидуально-конкретного тождества человека/животного, установления таксономической принадлежности животных/растений.

1. Индивидуальность, то есть уникальность ДНК. Каждый живой организм, в том числе человек, животное или растение (далее – объекты биологического происхождения, ОБП), генетически индивидуален.

2. Стабильность и устойчивость к воздействию внешних факторов, то есть ДНК не изменяется в течение длительного времени. Это свойство ДНК имеет особую ценность для судебных экспертов, поскольку оно позволяет провести идентификацию человека или установить таксономическую принадлежность ОБП даже через значительный период времени после совершения противоправного действия, когда следы биологического происхождения не могут быть установлены никакими другими способами. Кроме того, генетическая информация, в отличие от состава белков или жиров, не изменяется во время жизни организма, а также не зависит от типа клеток, из которых была выделена ДНК.

3. Чувствительность, то есть возможность получения результата исследования по минимальному количеству биологического материала. Чувствительность метода ДНК-анализа такова, что теоретически минимальной величиной объекта, пригодного для исследования, может быть лишь одна клетка. Например, 1 мкл цельной крови (1/30 величины минимальной по размерам капли) содержит около 50 нг ядерной ДНК, что в 50 раз превышает количество ДНК, необходимое для проведения генетического исследования.

Исследование ДНК проводится в короткие сроки, с высокой точностью и в большинстве случаев позволяет полностью идентифицировать биологический объект, сформулировав вывод в категоричной форме, что, несомненно, важно для следственных и судебных органов. Американские исследователи Майкл Сакс (M.J. Saks) и Джонатан Келер (J.J. Koehler) дали методу исследования ДНК название «золотой стандарт в идентификации». С каждым годом метод совершенствуется и становится все более востребованным в процессе раскрытия и расследования преступлений против личности [5].

В настоящее время молекулярно-генетическая экспертиза, основанная на исследовании ДНК, – один из самых современных и эффективных инструментов при расследовании уголовных дел, возбужденных по факту преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности граждан, при установлении личности неопознанных трупов, при рассмотрении гражданских дел, связанных с установлением родственных отношений. Зачастую заключение эксперта по молекулярно-генетической экспертизе является основой доказательной базы. Высока роль данной экспертизы и при расследовании уголовных дел террористической направленности, а также краж, грабежей, угонов транспортных средств, мошенничества. В современных условиях все больше внимания уделяется развитию молекулярно-генетических исследований животных и растений.

Указанный способ идентификации человека во всем мире является наиболее многофункциональным, эффективным и надежным. Молекулярно-генетическая экспертиза интересна еще одним свойством – возможностью хранения и использования информации о признаках ДНК в электронном виде, что определяет основу формирования баз данных ДНК.

Освоение и внедрение методов ДНК-анализа в каждодневную деятельность следственных и судебных органов особенно актуально в условиях глобализации, открытости межгосударственных границ, ослаблении контроля за миграцией населения, при повсеместном росте противозаконной деятельности, в том числе террористических и религиозных организаций, представляющих наибольшую угрозу общественной безопасности. Все чаще происходят крупномасштабные техногенные катастрофы,

аварии, природные катаклизмы, вследствие чего проблема увеличения количества неидентифицированных граждан приобрела особую остроту. Молекулярно-генетическая экспертиза признана наиболее универсальным, эффективным и достоверным способом идентификации человека/животного или установления таксономической принадлежности ОБП. Судебная молекулярно-генетическая экспертиза широко применяется и в гражданском судопроизводстве, в том числе для установления родственных связей по делам о спорном происхождении детей (оспаривании отцовства/материнства или подмене детей).

Молекулярно-генетическому исследованию может быть подвергнут практически весь спектр ОБП. На сегодняшний день имеется возможность исследовать микрообъекты биологического происхождения и объекты с сильно разрушенной ДНК, такие как обгоревшие костные фрагменты, единичные волосы, следы потожировых выделений, перхоть, микроколичества спермы, слюны и крови [6]. Эффективность подобных исследований доказана более чем 35-летним опытом их практического использования в целях раскрытия и расследования преступлений [7].

Развитие инструментов и методов масштабного исследования генома, в первую очередь технологий массового параллельного секвенирования (Massive Parallel Sequencing, MPS), на порядок увеличивает доступность генетических данных, которые можно использовать в качестве доказательств в раскрытии и расследовании преступлений. С их помощью можно анализировать одновременно очень большое число молекулярно-генетических маркеров: STR, митохондриальной ДНК и однонуклеотидных полиморфизмов (Single Nucleotide Polymorphism, SNP), что в частности позволяет эффективно работать с деградированной ДНК, а также определять возраст, фенотипические признаки и биогеографическое происхождение человека; идентифицировать различные типы биологических тканей человека.

Кроме традиционных методов ДНК-анализа в последние годы получили развитие такие судебно-экспертные направления, как фенотипирование ДНК (Forensic DNA Phenotyping) и экспресс-анализ STR-маркеров (Rapid DNA).

В ноябре 2018 года британские исследователи в рамках европейского проекта

VISAGE опубликовали доклад «Нормативное правовое регулирование судебного фенотипирования ДНК в Европе», где рассмотрены нормативные и правовые основы фенотипирования в 8 государствах – членах ЕС, участвующих в проекте [8]. Фенотипирование ДНК – это инструмент, который позволяет определить возраст, внешний вид (рост, цвет глаз, волос и кожи) и биогеографическое происхождение индивидуума по его образцу ДНК. Результаты фенотипирования являются вероятностными, то есть они могут только вывести определенный фенотипический признак с определенной степенью вероятности.

Хотя судебно-экспертное ДНК-фенотипирование не может быть таким же рутинным исследованием, как традиционный ДНК-анализ, в ряде случаев оно позволяет получить необходимую дополнительную идентификационную информацию. Однако существует ряд этических и социальных соображений, которые препятствуют широкому применению данного метода.

Информация об использовании экспресс-анализа STR-маркеров опубликована в отчете Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI) за 2019 год¹. Системы экспресс-анализа позволяют получить профиль ДНК менее чем за два часа. Используя данный метод, можно исследовать не только образцы биологического материала от живых лиц, но и следы биологического происхождения с места преступления. Метод имеет ограничения, но все более широко применяется следственными органами для раскрытия преступлений по горячим следам: получение оперативной информации по профилю ДНК в реальном времени и быстрая проверка подозреваемых по базе данных ДНК позволяют раскрывать преступления за несколько часов. Актуально применение метода при идентификации жертв катастроф, так как есть возможность проводить исследования в полевых условиях, при пограничном контроле для противодействия незаконной миграции, торговле людьми.

Интерпол каждые два года проводит мониторинговое исследование по использованию метода ДНК-анализа и баз данных ДНК в странах – членах Интерпола. В опросе за 2019 год участвовали не все страны – данные предоставили 57,0 % из 194 на-

циональных центральных бюро Интерпола. Согласно последнему обзору (Interpol Global DNA Profiling Survey, 2019), в январе 2019 года 89 стран применяли ДНК-анализ в ходе уголовного расследования, 70 стран имели национальную базу данных ДНК, 83 страны проводили Y-STR-анализ, 34 страны – исследование митохондриальной ДНК. Общее число ДНК-профилей в этих странах составило 14 819 441².

У метода ДНК-анализа есть еще одно применение: в проекте «Невиновность», основанном в 1992 году адвокатами из Нью-Йорка Барри Шеком (Barry Scheck) и Питером Нойфельдом (Peter Neufeld), исследования ДНК используют для оправдания людей, ошибочно обвиненных в совершении тяжких преступлений, в первую очередь таких, как изнасилование и убийство. На сегодняшний день в Соединенных Штатах с помощью анализа ДНК оправдали 375 человек, в том числе 21, отбывавших срок заключения в камере смертников³.

Так, Эдди Ли Говард (Eddie Lee Howard) был оправдан 8 января 2021 года, что ознаменовало конец его 26-летней борьбы за невиновность. Мистер Говард, чернокожий мужчина, был приговорен к смертной казни в 1994 году за убийство пожилой белой женщины в Колумбусе, штат Миссисипи. Новое исследование – анализ ДНК биологических объектов с места преступления, включая кровь и следы с орудия убийства, – исключило мистера Говарда из числа подозреваемых, доказав его невиновность⁴.

В нашей стране исследования ДНК в целях идентификации личности были начаты в 1987 году в Институте молекулярной биологии имени В.А. Энгельгардта Академии наук СССР в лаборатории академика Г.П. Георгиева. Группой ученых под руководством доктора биологических наук А.П. Рыскова был получен целый ряд приоритетных результатов и разработан первый отечественный метод мультилокусного типирования ДНК. В декабре 1988 года на базе Института молекулярной биологии и Бюро главной судебно-медицинской экс-

² Interpol / DNA. <https://www.interpol.int/How-we-work/Forensics/DNA> (дата обращения: 10.02.2021).

³ The Innocence Project / Exonerate the Innocent. <https://innocenceproject.org/exonerate/> (дата обращения: 10.02.2021).

⁴ The Innocence Project / Eddie Lee Howard Is Exonerated After 26 Years on Mississippi Death Row. <https://innocenceproject.org/eddie-lee-howard-is-exonerated-after-26-years-on-mississippi-death-row/> (дата обращения: 10.02.2021).

¹ ENFSI Annual Report 2019. https://enfsi.eu/wp-content/uploads/2020/08/ENFSI_Annual_Report_2019_WEB.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

пертизы Минздрава РСФСР П.Л. Ивановым была проведена первая в нашей стране молекулярно-генетическая экспертиза, позволившая установить личность особо опасного маньяка-убийцы [9]. В 1989 году в Бюро была организована первая в СССР лаборатория геномной идентификации⁵, основная задача которой – изучение возможностей и внедрение молекулярно-генетических методов в производство судебно-медицинской экспертизы. В 1988 году Государственным комитетом СССР по науке и технике было принято решение об организации лаборатории генотипоскопии на базе Всесоюзного научно-криминалистического центра МВД СССР⁶, а первая генотипоскопическая экспертиза в этом учреждении была проведена в 1990 году [10].

Известно, что эксперт может сделать вывод о происхождении представленного на исследование объекта от конкретного лица лишь в случае, если это лицо проходит по уголовному делу в качестве подозреваемого или обвиняемого. Наличие же базы данных ДНК позволяет производить поиск источника происхождения биологического объекта, интересующего следствие при отсутствии подозреваемых/обвиняемых. В России в соответствии с Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» уже более 10 лет функционирует федеральная база данных геномной информации. При этом идентификация личности методом ДНК-анализа и создание национальной базы данных ДНК в России являются одними из перспективных направлений использования научно-технических достижений в правоохранительной деятельности [11].

В различных федеральных органах имеются лаборатории ДНК-анализа, оснащенные современным оборудованием. Молекулярно-генетические экспертные исследования проводят в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России, Следственного комитета России,

Минздрава России, Минобороны России, ФСБ России.

В указанных лабораториях, за редким исключением, исследуют биологические объекты, произошедшие от человека. При этом экспертно-криминалистические подразделения Минобороны и ФСБ России обслуживают только свои ведомства. Остальные судебно-экспертные подразделения, даже имея обширную сеть ДНК-лабораторий по всей стране, не могут полностью обеспечить сопровождение раскрытия и расследования преступлений в части производства молекулярно-генетических экспертных исследований биологических следов человека. Так, по данным МВД России в январе-декабре 2019 года в стране всего было зарегистрировано 2 024 337 преступлений, из них преступлений против личности – 270 292, против собственности – 1 172 290, террористического характера – 1 806, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ – 190 197, связанных с незаконным оборотом оружия – 26 557⁷. И при расследовании практически каждого из указанных видов преступлений необходимо производство судебной молекулярно-генетической экспертизы, так как на месте преступления являются биологические следы человека.

На сегодняшний день в Российской Федерации функционирует большое количество негосударственных судебно-экспертных учреждений (СЭУ) и неэкспертных организаций, в которых проводятся судебные молекулярно-генетические экспертизы. Специализация таких центров – проведение различных лабораторных исследований, в том числе установление родственных связей. Кроме того, существует большое количество центров ветеринарной генетики, где проводятся молекулярно-генетические исследования домашних животных (породные комплексы, наследственные заболевания, морфологические признаки, генетический паспорт, установление родства).

Применение молекулярно-генетической экспертизы для исследования объектов флоры и фауны

Теоретические и практические методики, лежащие в основе судебной молекуляр-

⁵ Сегодня это отдел молекулярно-генетических экспертиз (исследований) ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Министерства здравоохранения Российской Федерации. <http://www.rc-sme.ru/About/structure.php> (дата обращения: 10.02.2021).

⁶ Сейчас это Федеральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации. https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/JEkspertno_kriminalisticheskij_centr (дата обращения: 10.02.2021).

⁷ Министерство внутренних дел Российской Федерации / Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 10.02.2021).

но-генетической экспертизы, постоянно совершенствуются, что открывает новые возможности для применения ДНК-анализа в экспертной практике.

Запреты и усиление правоохранительных мер по защите дикой фауны со стороны государства не приводят к значительному снижению уровня незаконной охоты и вылова животных. Не останавливает нелегальных добытчиков и ответственность за посягательство на объекты животного мира, предусмотренная Уголовным кодексом Российской Федерации. Создание аквакультурных хозяйств по разведению осетровых рыб с целью реализации их в торговой сети, к сожалению, также не способствует полному исчезновению браконьерской икры в России.

Правонарушения данного рода являются сложно доказуемыми. После совершения преступления злоумышленники пытаются скрыть факт убийства животного. Браконьеры разделяют тушу животного, делая невозможным его видовое определение по морфологическим признакам. В таком случае следы биологического материала, оставленные на месте происшествия, одежде и обуви браконьеров, на орудиях преступления, транспортных средствах, могли бы стать принципиально новой доказательственной информацией в расследовании дел о незаконной охоте и добыче водных ресурсов. Для расследования преступлений против дикой природы судебные и следственные органы нуждаются в принципиально новой доказательственной информации, полученной новыми экспертными средствами исследования вещественных доказательств, до сих пор не задействованной в расследовании [12].

Информация подобного рода содержится в многочисленных объектах, присутствующих на разных этапах правонарушения. Биологические следы, обнаруженные на месте отстрела животного, на месте разделки туши, на орудиях убийства или орудиях разделки, на транспортных средствах, использованных для перемещения туши, на поверхности одежды и обуви участников охоты (или разделки), а также в местах хранения мясопродуктов – в случае доказательства их происхождения от одной и той же особи животного, – дают информацию, позволяющую восполнить существенную часть недостающих сведений о материальной структуре преступления – незаконной охоте.

Молекулярно-генетическое исследование биологических образцов животного и растительного происхождения является новым направлением развития судебно-экспертного ДНК-анализа во всем мире. Тем не менее на данный момент:

- определены основные гены, по которым происходит установление видов либо особей, микросателлитные повторы ядерной и органелльной ДНК;
- разработаны методики успешного выделения ДНК из биологических объектов;
- созданы коммерческие наборы, содержащие реактивы для выделения и очистки ДНК, проведения полимеразной цепной реакции, секвенирования амплифицированных участков ДНК, рестрикционного и фрагментного анализа;
- имеющиеся нуклеотидные последовательности для растений, животных, других организмов включены в международные базы данных⁸.

Джон Батлер (John M. Butler), ведущий эксперт в области исследования ДНК, уделил большое внимание анализу возможностей данного метода применительно к животным [13]. Он и другие авторы отмечают, что в то время как подавляющее большинство судебно-генетических экспертиз, выполняемых для уголовного расследования, включают в исследование ДНК человека, это не единственный источник ДНК, который может быть полезен для доказательства вины или невиновности лица, подозреваемого в совершении преступления [14].

В лаборатории ветеринарной генетики Калифорнийского университета в Дэвисе судебно-экспертные исследования ДНК животных проводят с 1996 года⁹. Исследователи отмечают, что существуют три типа доказательств ДНК животных: животное как жертва, животное как преступник и животное как свидетель.

Анализ ДНК животных успешно используется и для привязки подозреваемых к местам преступлений. Исследование переноса шерсти животных при моделировании преступного поведения показало, что из дома жертвы на грабителя или агрессора могут переноситься сотни кошачьих или собачьих волос [15]. На самом деле количество обнаруживаемых волос настолько велико, что авторы исследования посчита-

⁸ The National Center for Biotechnology Information. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/> (дата обращения: 15.02.2021).

⁹ The Veterinary Genetics Laboratory / Forensic Section/ <http://www.vgl.ucdavis.edu/forensics> (дата обращения: 10.02.2021).

ли, что практически невозможно выйти из дома, где живет домашнее животное, не будучи «загрязненным» шерстью кошки и/или собаки.

Еще до недавнего времени проблема установления таксономической принадлежности следов объектов животного происхождения казалась трудно решаемой, однако исследования в области молекулярной и популяционной генетики способствовали определению диагностических маркеров для установления видовой принадлежности животных.

Таким образом, в настоящее время в большинстве стран проводятся молекулярно-генетические исследования диких и домашних животных в целях установления индивидуально-конкретного тождества либо таксономической принадлежности. Кроме того, метод ДНК-анализа широко востребован в селекционной работе.

В Республике Беларусь молекулярно-генетические исследования биологических следов животных применяются в первую очередь при расследовании дел, связанных с незаконной охотой, главными объектами которых являются парнокопытные (лось, олень, косуля, кабан). В Научно-практическом центре Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь в основу разработок подходов к ДНК-идентификации объектов незаконной охоты был положен постулат о максимальном соответствии разрабатываемых методов традиционным для молекулярно-генетических лабораторий технологиям и оборудованию [16]. В структуре комитета создан сектор исследований и учетов объектов животного происхождения, где в год проводится более 200 экспертиз по фактам незаконной охоты или кражам сельскохозяйственных животных [17]. Было разработано девять методик генетической экспертизы объектов животного происхождения¹⁰.

В России такого рода исследования проводят различные научные организации. В частности, отделом молекулярной генетики Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (Москва) за 8 лет были изучены геномы 3 821 особи осетровых рыб с целью выявления STR-локусов ДНК для уста-

новления видовой принадлежности [18]. Работники института проводят генетическую паспортизацию особей, являющихся производителями ремонтно-маточных стад осетровых, разрабатывают генетические паспорта пород объектов искусственного воспроизводства, поддерживают и расширяют российскую национальную коллекцию эталонных генетических материалов рыб. Таким образом, создаются теоретическая основа и практические инновационные технологии, которые позволяют дифференцировать различные виды осетровых рыб, а также устанавливать факт их происхождения из дикой природы.

В лаборатории Института проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова РАН (Москва) используются различные направления анализа ДНК. На основе длительных исследований ученые создали базу данных по 11 микросателлитам для переднеазиатского и дальневосточного леопарда из природных популяций, зоопарков и музейных экземпляров из Российской Федерации, Республики Армения, Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран и Туркменистана, что позволило выявить набор характерных аллелей определенных локусов с целью подвидовой принадлежности животных неизвестного происхождения [19, 20]. Исследования объектов, полученных от амурского тигра из дикой природы, других подвидов тигра из коллекции Зоологического музея МГУ имени М.В. Ломоносова, животных из зоопарков, помогли подобрать новые и задействовать уже известные митохондриальные маркеры для выявления животных, имеющих гибридное происхождение [21, 22]. Описываемые методы использовали при проведении многочисленных экспертиз по уголовным делам, связанным с подвидовой и индивидуальной идентификацией крупных кошек, занесенных в Красную книгу Российской Федерации.

Молекулярно-генетическое исследование лошадей по микросателлитным локусам проводится с 2006 года благодаря организации ДНК-лаборатории во Всероссийском научно-исследовательском институте коневодства. К настоящему времени протестировано около 30 тыс. голов лошадей различных заводских и локальных пород, разводимых в нашей стране. Метод широко используют при генетической идентификации лошадей, установлении родства, а также для разрешения споров при подозрении на

¹⁰ Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь / Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности. <https://sudexpert.gov.by/ru/registry-materials.html> (дата обращения: 10.02.2021).

умышленную фальсификацию происхождения племенных и спортивных лошадей [23].

Исследование растений и их частей в последние годы признано важным инструментом в судебно-экспертном сопровождении расследования уголовных дел, связанных с насильственными преступлениями против человека. Например, фактические обстоятельства нахождения подозреваемого/потерпевшего на месте преступления могут быть установлены путем сравнения растений с места рассматриваемого события с частями растений, обнаруженными на теле и/или на одежде, обуви и других вещах. В случаях предполагаемых преступлений против объектов дикой флоры молекулярно-генетические методы исследования могут оказать помощь при решении вопросов отнесения растения к определенному таксону [24].

Ценным ресурсом в судебной экспертизе является анализ почвы. Классический судебно-биологический почвенный анализ включает изучение ее физических характеристик и химического состава, таких как тип почвы, цвет, размер частиц, их форма, кислотность, элементное, минеральное и органическое содержание. Однако ограниченная изменчивость этих параметров не всегда позволяет адекватно различать образцы почвы. Поскольку почвенная среда поддерживает чрезвычайно разнообразие микроорганизмов и эукариотических сообществ, было предложено применять молекулярно-генетические методы исследования ДНК метагенома, в том числе секвенирование и поиск в базе данных [25].

Молекулярно-генетическая экспертиза объектов биологического происхождения в СЭУ системы Минюста России

В настоящее время в целях совершенствования имеющихся в распоряжении государственных судебных экспертов методических материалов для исследования ОБП, в том числе охраняемых видов растений, животных, их частей и дериватов, а также в связи с постоянно возрастающими потребностями следственных органов и судов в производстве молекулярно-генетических исследований, в СЭУ системы Минюста России начинается формирование данного рода судебных экспертиз.

ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России выполняет роль головного СЭУ по научно-методическому обеспечению производства

судебной экспертизы и активно внедряет в судебно-экспертную деятельность инновационные механизмы ее совершенствования, в том числе сертификацию, валидацию и верификацию судебно-экспертных методик, межлабораторное профессиональное тестирование. Внедрение в практическую судебно-экспертную деятельность вышеуказанных механизмов позволило организации пройти аккредитацию в соответствии со стандартом ГОСТ ISO/IEC 17025-2019. Одним из важных результатов аккредитации является возможность использования заключений эксперта в зарубежных и международных судах¹¹. В ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России можно будет проводить наиболее сложные и повторные судебные молекулярно-генетические экспертизы биологических объектов, в том числе судебные экспертизы по резонансным делам, по делам, затрагивающим интересы различных стран, а также судебные экспертизы, в которых одновременно необходимо проведение исследований ДНК биологических объектов различного происхождения (растительного и/или животного происхождения, их частей и дериватов, а также тканей и выделений человека).

Следует отметить, что нет ни одной ДНК-лаборатории в государственном, а также в негосударственном СЭУ, которая могла бы обеспечить молекулярно-генетические исследования всего спектра биологических объектов: тканей и выделений человека, объектов растительного и животного происхождения, их частей и дериватов. Исследования отдельных групп объектов проводятся в различных научно-исследовательских институтах, но даже в научных учреждениях нет лаборатории, которая могла бы проводить исследование ДНК по всему спектру биологических объектов. Таким образом, создание ДНК-лаборатории в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, которая сможет проводить молекулярно-генетические исследования всех биологических объектов, произошедших не только от человека, но и от объектов флоры и фауны, является актуальной задачей.

Судебная экспертиза вещественных доказательств биологического происхождения

¹¹ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации / Судебно-экспертное обеспечение защиты российских спортсменов перед дисциплинарной комиссией МОК и в спортивном арбитражном суде. <http://www.sudexpert.ru/news/opendial.php> (дата обращения: 10.02.2021).

ния методом ДНК-анализа проводится для установления природы объекта, его таксономической принадлежности, половой специфичности, а также идентификации конкретного человека, животного, растения или другого организма по микроколичеству исследуемого вещества. Основываясь на возможностях данного метода, актуальным будет расширение круга биологических объектов, исследуемых при производстве молекулярно-генетической экспертизы.

Методическое обеспечение по делам о преступных посягательствах на дикую флору и фауну делится на два блока:

- методы, используемые для установления видов и определения их происхождения;

- методы, позволяющие обнаружить преступление, установить личность преступника и изучить обстоятельства совершенного преступления.

При этом исследование ДНК человека может быть проведено как отдельно, так и в комплексе исследований по указанным пунктам в части идентификации преступника. Например, на частях тела подозреваемого, одежде, обуви, в транспортных средствах и помещениях может содержаться кровь животного, при исследовании которой применяется ДНК-анализ для решения вопроса о таксономической принадлежности животного или его идентификации. В свою очередь человек, совершая преступление, также оставляет биологические следы; если отпечатки (следы) пальцев или объекты, пригодные для генетического исследования, оставлены на месте преступления, то также применяются методы ДНК-анализа с целью решения вопроса о принадлежности биологических следов конкретному человеку. Таким образом, в одном экспертном исследовании с помощью метода ДНК-анализа можно решить оба вопроса, при этом эксперт использует одно и то же лабораторное оборудование, но разные реагенты для исследования различных биологических объектов.

Судебная молекулярно-генетическая экспертиза объектов биологического происхождения – процессуальное действие, осуществляемое лицами, обладающими специальными знаниями в области генетики, которые проводят исследование и дают заключение об ОБП.

Предмет судебной молекулярно-генетической экспертизы объектов биологического происхождения – обстоятельства (фак-

тические данные), имеющие значение для судопроизводства и устанавливаемые на основе специальных знаний в области генетики в отношении ОБП.

Объектами судебной молекулярно-генетической экспертизы объектов биологического происхождения могут быть ткани и выделения человека (волосы, эпителий, кровь, кости, мышцы либо другие ткани), живое или неживое животное, живое или неживое растение, части растений или животных, дериваты растений или животных (например, семена, икра), а также образцы для сравнительного исследования, полученные в установленном законом порядке.

Данная экспертиза сможет решать следующие основные задачи:

- установление происхождения биологических следов человека от конкретного лица;

- установление биологического родства между проверяемым лицом и предполагаемым биологическим родителем / родительской парой;

- установление родства на уровне единокровных и двоюродных братьев, сестер, внуков, племянников и др.;

- установление родственных отношений по материнской и/или отцовской линии;

- определение таксономической принадлежности объектов растительного и/или животного происхождения, в том числе путем исследования их частей или дериватов;
- отнесение объектов к дериватам объектов растительного и/или животного происхождения;

- отнесение объектов растительного и/или животного происхождения к гибридам;

- определение генетических признаков объектов растительного и/или животного происхождения в составе представленных на исследование продуктов переработки растений и/или животных;

- определение общего источника происхождения или общей групповой принадлежности объектов растительного происхождения (их частей, дериватов);

- определение родственных связей между животным, которому принадлежат представленные на исследование объекты животного происхождения, и конкретными самкой и/или самцом, родительской парой.

В рамках проведения судебной молекулярно-генетической экспертизы ОБП возможно решение следующих вопросов.

1. Имеются ли на предметах-носителях (одежде подозреваемого и/или орудии

преступления), предоставленных на исследование, следы биологического происхождения (например, кровь, волосы, эпителий, выделения), пригодные для молекулярно-генетического исследования?

2. Происходит ли биологический объект от конкретного лица, биологический образец которого предоставлен на исследование?

3. Происходит ли биологический объект от лица мужского/женского генетического пола?

4. Является ли предполагаемый родитель /родительская пара биологическим родителем/родителями проверяемого лица?

5. Какова таксономическая принадлежность животного, от которого произошли представленные на исследование объекты? Не является ли данное животное объектом гибридного происхождения?

6. Какова таксономическая принадлежность растения, от которого произошли представленные на исследование объекты? Не является ли данное растение объектом гибридного происхождения?

7. Являются ли представленные на экспертизу кровь, кости, волосы, мышцы либо другие ткани объектами биологического происхождения от конкретного животного,

образцы которого представлены для сравнительного исследования?

8. Являются ли фрагменты или микрочастицы объектами, происходящими от конкретного растения, фрагменты или микрочастицы которого представлены для сравнительного исследования?

9. Имеется ли в составе продуктов переработки объектов растительного и/или животного происхождения биологический материал, относящийся к охраняемым видам растений и/или животных?

10. Каков генетический пол животного, от которого произошли представленные на исследование объекты?

11. Имеются ли родственные связи между животным, от которого произошли представленные на исследование объекты, и конкретными самкой и/или самцом, родительской парой?

Внедрение в деятельность СЭУ Минюста России нового направления – судебной молекулярно-генетической экспертизы ОБП – позволит на качественно новом уровне оказывать содействие правоохранительным органам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Linacre A., Gusmão L., Hecht W., Hellmann A.P., Mayr W.R., Parson W., Prinz M., Schneider P.M., Morling N. ISFG: Recommendations Regarding the Use of Non-human (Animal) DNA in Forensic Genetic Investigations // *Forensic Science International: Genetics*. 2011. Vol. 5. No. 5. P. 501–505.
<https://doi.org/10.1016/j.fsigen.2010.10.017>
2. Jeffreys A.J., Wilson V., Thein S.L. Individual-specific “Fingerprints” of Human DNA // *Nature*. 1985. Vol. 316. P. 76–79.
<https://doi.org/10.1038/316076a0>
3. Gill P., Jeffreys A.J., Werrett D.J. Forensic Application of DNA “Fingerprints” // *Nature*. 1985. Vol. 318. P. 577–579.
<https://doi.org/10.1038/318577a0>
4. Перепечина И.О. О разработке на юридическом факультете МГУ программы дополнительного профессионального образования «Криминалистическая ДНК-идентификация: базовый курс (для экспертов-криминалистов)» // *Вестник Московского университета МВД России*. 2016. № 5. С. 69–72.
5. Saks M.J., Koehler J.J. What DNA “Fingerprinting” Can Teach the Law about the Rest of Forensic Science // *Cardozo Law Review*. 1991. Vol. 13. P. 361–372.
6. Культин А.Ю., Стороженко И.В., Пименов М.Г., Кондрашов С.А. Криминалистическое исследование STR-локусов ДНК костных останков

REFERENCES

1. Linacre A., Gusmão L., Hecht W., Hellmann A.P., Mayr W.R., Parson W., Prinz M., Schneider P.M., Morling N. ISFG: Recommendations Regarding the Use of Non-human (Animal) DNA in Forensic Genetic Investigations. *Forensic Science International: Genetics*. 2011. Vol. 5. No. 5. P. 501–505.
<https://doi.org/10.1016/j.fsigen.2010.10.017>
2. Jeffreys A.J., Wilson V., Thein S.L. Individual-specific “Fingerprints” of Human DNA. *Nature*. 1985. Vol. 316. P. 76–79.
<https://doi.org/10.1038/316076a0>
3. Gill P., Jeffreys A.J., Werrett D.J. Forensic Application of DNA “Fingerprints”. *Nature*. 1985. Vol. 318. P. 577–579.
<https://doi.org/10.1038/318577a0>
4. Perepechina I.O. On The Development on the Faculty of Law of MSU of the Program of Additional Professional Education “Forensic DNA Identification: A Basic Course (for Forensic Experts)”. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 5. P. 69–72. (In Russ.)
5. Saks M.J., Koehler J.J. What DNA “Fingerprinting” Can Teach the Law about the Rest of Forensic Science. *Cardozo Law Review*. 1991. Vol. 13. P. 361–372.
6. Kul'tin A.Yu., Storozhenko I.V., Pimenov M.G., Kondrashov S.A. *Criminalistic Analysis of STR-loci of Human Bones Remains' DNA for*

- человека в целях идентификации личности. Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2002. 54 с.
7. Storozhenko I.V., Kul'tin A.Yu., Mel'nikov A.V. Исследование ДНК тканей и выделений человека на автоматизированных системах. Учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2008. 148 с.
 8. Samuel G., Prainsack B. The Regulatory Landscape of Forensic DNA Phenotyping in Europe. *VISAGE*. 2018. 119 p. http://www.visage-h2020.eu/Report_regulatory_landscape_FDP_in_Europe2.pdf
 9. Иванов П.Л. Индивидуализация человека и идентификация личности: молекулярная биология в судебной экспертизе // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 12. С. 1085–1097.
 10. Pimenov M.G., Kul'tin A.Yu., Kondrashov S.A. Научные и практические аспекты криминалистического ДНК-анализа. Учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2001. 144 с.
 11. Storozhenko I.V., Kul'tin A.Yu., Koroleva E.Yu., Khomyakov N.V. Методические основы получения и обработки данных ДНК для формирования федеральной базы данных геномной информации. Учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2016. 152 с.
 12. Omel'yanyuk G.G., Gradusova O.B., Nikulina M.V. Международная научно-практическая конференция «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Совершенствование судебно-экспертной деятельности как фактор обеспечения экологической безопасности и сохранения биоразнообразия» // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 119–126. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-119-126>
 13. Butler J.M. Non-human DNA. In: Butler J.M. (ed). *Advanced Topics in Forensic DNA Typing: Methodology*. Academic Press, 2011. P. 473–495. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-374513-2.00016-6>
 14. Sensabaugh G., Kaye D.H. Non-human DNA Evidence. *Jurimetrics*. 1998. Vol. 38. No. 1. P. 1–16. <http://www.jstor.org/stable/29762581>
 15. D'Andrea F., Fridez F., Coquoz R. Preliminary Experiments on the Transfer of Animal Hair During Simulated Criminal Behavior // *Journal of Forensic Sciences*. 1998. Vol. 43. No. 6. P. 1257–1258. <https://doi.org/10.1520/JFS14399J>
 16. Цыбовский И.С., Котова С.А., Забавская Т.В., Спивак Е.А., Лукашкова О.Н. Молекулярно-генетическая идентификация биологических следов диких животных при расследовании дел о незаконной охоте в Республике Беларусь // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 116–123. <https://doi.org/10.30764/10.30764/1819-2785-2018-13-4-116-123>
 17. Цыбовский И.С., Бородич А.В., Котова С.А. Новые экспертные технологии для экспертного сопровождения уголовных и административных дел о незаконной охоте в *Identification Purposes. Methodical Recommendations*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 2002. 54 p. (In Russ.)
 7. Storozhenko I.V., Kul'tin A.Yu., Mel'nikov A.V. *Analysis of the DNA of Human Tissue and Secretions on Automated Systems. Textbook*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 2008. 148 p. (In Russ.)
 8. Samuel G., Prainsack B. The Regulatory Landscape of Forensic DNA Phenotyping in Europe. *VISAGE*. 2018. 119 p. http://www.visage-h2020.eu/Report_regulatory_landscape_FDP_in_Europe2.pdf
 9. Ivanov P.L. Human Individualization and Personal Identification: Molecular Biology in Forensic Medicine. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2003. Vol. 73. No. 12. P. 1085–1097. (In Russ.)
 10. Pimenov M.G., Kul'tin A.Yu., Kondrashov S.A. *Scientific and Practical Aspects of Forensic DNA-analysis. Textbook*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 2001. 144 p. (In Russ.)
 11. Storozhenko I.V., Kul'tin A.Yu., Koroleva E.Yu., Khomyakov N.V. *Methodical Framework for Acquisition and Analysis of DNA Data to Establish the Federal Database of Genome Information. Textbook*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 2016. 152 p. (In Russ.)
 12. Omel'yanyuk G.G., Gradusova O.B., Nikulina M.V. International Science & Practice Conference «East-West: Partnership in Forensic Science. Improving Forensic Services as a Factor Ensuring Ecological Security and Biodiversity Conservation». *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 2. P. 119–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-119-126>
 13. Butler J.M. Non-human DNA. In: Butler J.M. (ed). *Advanced Topics in Forensic DNA Typing: Methodology*. Academic Press, 2011. P. 473–495. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-374513-2.00016-6>
 14. Sensabaugh G., Kaye D.H. Non-human DNA Evidence. *Jurimetrics*. 1998. Vol. 38. No. 1. P. 1–16. <http://www.jstor.org/stable/29762581>
 15. D'Andrea F., Fridez F., Coquoz R. Preliminary Experiments on the Transfer of Animal Hair during Simulated Criminal Behavior. *Journal of Forensic Sciences*. 1998. Vol. 43. No. 6. P. 1257–1258. <https://doi.org/10.1520/JFS14399J>
 16. Tsybovskiy I.S., Kotova S.A., Zabavskaya T.V., Spivak E.A., Lukashkova O.N. DNA Identification of Biological Traces in Forensic Casework for Investigation of Illegal Hunting in Belarus. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 116–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/10.30764/1819-2785-2018-13-4-116-123>
 17. Tsybovskii I.S., Borodich A.V., Kotova S.A. New Expert Technologies for Forensic Support of Criminal and Administrative Cases on Unlawful Hunt in the Republic of Belarus.

- Республике Беларусь // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2013. № 2 (34). С. 112–117.
18. Barmintseva A.E., Muge N.S. The Use of Microsatellite Loci for Identification of Sturgeon Species (Acipenseridae) and Hybrid Forms // *Russian Journal of Genetics*. 2013. Vol. 49. P. 950–961.
<https://doi.org/10.1134/S1022795413090032>
 19. Рожнов В.В., Пищулина С.Л., Мещерский И.Г., Симакин Л.В. О соотношении фенотипа и генотипа соболя и лесной куницы в зоне симпатрии на северном Урале // *Вестник Московского университета. Серия 16. Биология*. 2013. № 3. С. 23–26.
 20. Rozhnov V.V., Lukarevskiy V.S., Sorokin P.A. Application of Molecular Genetic Characteristics for Reintroduction of the Leopard (*Panthera pardus* L., 1758) in the Caucasus // *Doklady Biological Sciences*. 2011. Vol. 437. P. 97–102.
<https://doi.org/10.1134/S0012496611020062>
 21. Rozhnov V.V., Sorokin P.A., Naidenko S.V., Lukarevskiy V.S., Hernandez-Blanco H.A., Litvinov M.N., Kotlyar A.K., Yudin V.G. Noninvasive Individual Identification of the Amur Tiger (*Panthera tigris altaica*) by Molecular-Genetic Methods // *Doklady Biological Sciences*. 2009. Vol. 429. No. 1. P. 518–522.
 22. Luo S.-J., Kim J.-H., Johnson W.E., Van der Walt J., Martenson J., Yuhki N., Miquelle D.G., et al. Phylogeography and Genetic Ancestry of Tigers (*Panthera tigris*) // *PLoS Biol*. 2004. Vol. 2. Issue 12. P. 2275–2293.
<https://doi.org/10.1371/journal.pbio.0020442>
 23. Храброва Л.А., Зайцева М.А., Калинкова Л.В. Генетическая дифференциация чистокровных пород лошадей по микросателлитным локусам // *Сельскохозяйственная биология*. 2008. № 2. С. 31–34.
 24. Beiglböck C., Walzer C. *Handbook on Standard Operating Procedures (SOP) in Forensic Investigations of Suspected Illegal Killing of Wildlife*. Research Institute of Wildlife Ecology (FIWI) of the University of Veterinary Medicine Vienna, Austria / Alpionet 2030 project, 2019, 126 p.
 25. Lilje L., Lillsaar T., Rätsep R., Simm J., Aaspõllu A. Soil Sample Metagenome NGS Data Management for Forensic Investigation // *Forensic Science International. Genetics Supplement Series*. 2013. Vol. 4. No. 1. P. e35–e36.
<https://doi.org/10.1016/j.fsigss.2013.10.017>
 18. Barmintseva A.E., Muge N.S. The Use of Microsatellite Loci for Identification of Sturgeon Species (Acipenseridae) and Hybrid Forms. *Russian Journal of Genetics*. 2013. Vol. 49. P. 950–961.
<https://doi.org/10.1134/S1022795413090032>
 19. Rozhnov V.V., Pishchulina S.L., Meschersky I.G., Simakin L.V. On the Phenotype and Genotype Correlation of Sable and Pine Marten in Sympatric Zone in the Northern Urals. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 16. Biologiya*. 2013. No. 3. P. 23–26. (In Russ.)
 20. Rozhnov V.V., Lukarevskiy V.S., Sorokin P.A. Application of Molecular Genetic Characteristics for Reintroduction of the Leopard (*Panthera pardus* L., 1758) in the Caucasus. *Doklady Biological Sciences*. 2011. Vol. 437. P. 97–102.
<https://doi.org/10.1134/S0012496611020062>
 21. Rozhnov V.V., Sorokin P.A., Naidenko S.V., Lukarevskiy V.S., Hernandez-Blanco H.A., Litvinov M.N., Kotlyar A.K., Yudin V.G. Noninvasive Individual Identification of the Amur Tiger (*Panthera tigris altaica*) by Molecular-Genetic Methods. *Doklady Biological Sciences*. 2009. Vol. 429. No. 1. P. 518–522.
 22. Luo S.-J., Kim J.-H., Johnson W.E., Van der Walt J., Martenson J., Yuhki N., Miquelle D.G., et al. Phylogeography and Genetic Ancestry of Tigers (*Panthera tigris*). *PLoS Biol*. 2004. Vol. 2. Issue 12. P. 2275–2293.
<https://doi.org/10.1371/journal.pbio.0020442>
 23. Khrabrova L.A., Zaitseva M.A., Kalinkova L.V. Genetic Differentiation of Thoroughbred Horses on Microsatellite Loci. *Agricultural Biology*. 2008. No. 2. P. 31–34. (In Russ.)
 24. Beiglböck C., Walzer C. *Handbook on Standard Operating Procedures (SOP) in Forensic Investigations of Suspected Illegal Killing of Wildlife*. Research Institute of Wildlife Ecology (FIWI) of the University of Veterinary Medicine Vienna, Austria / Alpionet 2030 project, 2019, 126 p.
 25. Lilje L., Lillsaar T., Rätsep R., Simm J., Aaspõllu A. Soil Sample Metagenome NGS Data Management for Forensic Investigation. *Forensic Science International. Genetics Supplement Series*. 2013. Vol. 4. No. 1. P. e35–e36.
<https://doi.org/10.1016/j.fsigss.2013.10.017>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова Светлана Аркадьевна – д. юр. н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, заведующая кафедрой судебно-экспертной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: info@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHORS

Smirnova Svetlana Arkad'evna – Doctor of Law, Full Professor, Distinguished Lawyer of the Russian Federation, Distinguished Scholar of the Russian Federation, Director of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Head of the Department of Forensic Activities of RUDN University; e-mail: info@sudexpert.ru

Омельянюк Георгий Георгиевич – д. юр. н., доцент, заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО РУДН, профессор кафедры цифровой криминалистики МГТУ им. Н.Э. Баумана; e-mail: g.omelyanyuk@sudexpert.ru

Стороженко Ирина Владиленовна – к. б. н., ведущий научный сотрудник отдела инноваций судебно-экспертной деятельности ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: irinastor@rambler.ru

Рыбакова Анна Анатольевна – ведущий научный сотрудник отдела инноваций судебно-экспертной деятельности ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: rybkaa@rambler.ru

Гулевская Виктория Владимировна – к. юр. н., заместитель заведующего отдела инноваций судебно-экспертной деятельности ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, доцент кафедры цифровой криминалистики МГТУ им. Н.Э. Баумана; e-mail: vika-gulevskaja@rambler.ru

Omel'yanyuk Georgii Georgievich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Professor of the Department of Forensic Activities, Institute of Law, RUDN University; Professor of the Digital Forensics Department of the Bauman Moscow State Technical University e-mail: g.omelyanyuk@sudexpert.ru

Storozhenko Irina Vladilenovna – Candidate of Biology, Leading Researcher in the Department of Innovation in Forensic Activities of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: irinastor@rambler.ru

Rybakova Anna Anatol'evna – Leading Researcher in the Department of Innovation in Forensic Activities of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: rybkaa@rambler.ru

Gulevskaya Viktoriya Vladimirovna – Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Innovations in Forensic Activities of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; Associate Professor of the Digital Forensics Department of the Bauman Moscow State Technical University; e-mail: vika-gylevskaya@rambler.ru

*Статья поступила: 12.01.2021
После доработки: 13.02.2021
Принята к печати: 20.02.2021*

*Received: January 12, 2021
Revised: February 13, 2021
Accepted: February 20, 2021*

Восемь законов логики для судебного эксперта-строителя

 А.Ю. Бутырин^{1,2}, Е.Б. Статива^{1,2}, О.А. Манухина¹

¹ ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», Москва 129337, Россия

² Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Базовое и дополнительное профессиональное образование судебных экспертов не включает такую дисциплину, как логика. Вместе с тем знание логики необходимо на всех стадиях производства экспертизы. Восполняя этот пробел, авторы статьи раскрывают содержание основных законов логики, их значение в познавательной деятельности сведущих лиц, реализующих свои специальные (прежде всего строительно-технические) знания в судопроизводстве. Применительно к различным следственно- и судебно-экспертным ситуациям последовательно рассмотрены закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего, закон достаточного основания, закон двойного отрицания, закон Клавия, закон контрапозиции и законы деления (дихотомии логики). Проекция указанных законов логики на мыслительные операции, выполняемые экспертами, позволит с точки зрения авторов сделать процесс производства судебных экспертиз более четким и последовательным, что повысит его эффективность и качество. Логически выверенные подходы к работе позволят сократить временные и финансовые затраты.

Ключевые слова: законы логики, судебно-экспертная деятельность, судебная строительно-техническая экспертиза, специальные знания

Для цитирования: Бутырин А.Ю., Статива Е.Б., Манухина О.А. Восемь законов логики для судебного эксперта-строителя // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 19–32.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-19-32>

Eight Laws of Logic for the Forensic Construction Expert

 Andrey Yu. Butyrin^{1,2}, Ekaterina B. Stativa^{1,2}, Olga A. Manukhina¹

¹ National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow 129337, Russia

² The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. Forensic experts' primary and additional professional education does not include such a subject as logic. At the same time, knowledge of logic is crucial at all stages of the examination process. Filling this gap, the authors of this article reveal the content of the fundamental laws of logic and demonstrate their role in the cognitive activity of knowledgeable persons who implement their specialized (primarily construction and technical) knowledge in court proceedings. This paper deals successively with such laws of logic as the law of identity, the law of contradiction, the law of the excluded middle, the law of sufficient reason, the law of double negation, Clavius's law, the law of contraposition, and laws of division (the dichotomy of logic) concerning various investigative and forensic situations. The projection of these laws of logic on the intellectual operations performed by experts will allow, from the authors' point of view, to give the process of forensic examinations greater clarity and consistency, which, ultimately, should ensure an increase in its efficiency and quality of results. Logically verified approaches to work will also reduce time and financial costs.

Keywords: laws of logic, forensic expert activity, construction forensics, specialized knowledge

For citation: Butyrin A.Yu., Stativa E.B., Manukhina O.A. Eight Laws of Logic for the Forensic Construction Expert. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 19–32. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-19-32>

Введение

В базовом образовании подавляющего большинства судебных экспертов отсутствует такая дисциплина, как логика; данный пробел в профессиональной подготовке сведущих лиц, реализующих свои специальные знания в судопроизводстве, накладывает отпечаток на многие заключения эксперта.

Для судебно-экспертной деятельности, имеющей процессуальный (т. е. процедурный, строго формальный) характер [1], логика привлекательна как наука о корректных рассуждениях [2, 3], где существенное значение имеет форма. Нельзя не коснуться и содержательной стороны этой дисциплины, поскольку судебная экспертиза включает как познавательное-удостоверительное, так и аргументационно-логический аспект доказывания¹.

Не ставя задачи популяризировать логику, мы попытаемся показать многообразие форм действия ее законов на повседневную практику судебного эксперта-строителя. Рассмотрим основные законы логики, интерпретировав их применительно к работе судебного эксперта.

1. Закон тождества

Этот закон утверждает, что любая мысль (положение, суждение) должна быть тождественна сама себе. Аристотель в трактате «Метафизика» описал этот закон следующим образом: «...иметь не одно значение – значит не иметь ни одного значения; если же у слов нет значений, тогда утрачена всякая возможность рассуждать друг с другом, а в действительности – и с самим собой; ибо невозможно ничего мыслить, если не мыслить что-нибудь одно» [4, с. 415]. Это означает, что любое высказывание, претендующее на убедительность, должно быть ясным, определенным и недвусмысленным. Все эти требования закон тождества предъявляет к заключению эксперта в целом и к выводам в этом заключении в частности. Однако составлением заключения работа эксперта по делу не ограничивается. Так, на судебном заседании при допросе эксперта относительно данного им заключения он может попасть в многочисленные риторические ловушки оппонентов: адвокатов, специалистов и представителей сторон по

делу. Многие из этих ловушек построены на софизмах – преднамеренных логических ошибках, в том числе нарушающих упомянутый закон тождества [5]. Частный случай такого нарушения – словесное жонглирование одинаковыми по звучанию и написанию, но различными (в силу контекста) по смыслу терминами. Эти различия, как правило, не общеизвестны не только на житейско-бытовом, но и на профессиональном судебно-экспертном уровне.

Например, существенно различаются понятийные аппараты судебного эксперта и оценщика: термин «вероятность» толкуется ими неодинаково. Так, для оценщика – это наиболее *вероятная* цена, по которой объект оценки *может* быть отчужден на открытом рынке². Судебный эксперт дает *вероятный* вывод в случаях, когда он *не может* дать ответ на поставленный перед ним вопрос в категорической форме. Традиционно к вероятным выводам³ относятся негативно, т. к. они приносят неопределенность в суждения эксперта, а для органа (лица), назначившего экспертизу, всегда предпочтительнее определенность, позволяющая устойчиво выстраивать процесс доказывания по делу [6, с. 71–79]. Заключение эксперта с вероятными выводами не может быть положено в основу приговора: сложно назвать справедливым приговор, базирующийся на неких предположениях. Это же касается и гражданских дел. Очевидные сомнения в суждениях эксперта (он не говорит ни «да», ни «нет») определяют невысокую значимость *вероятного* заключения в процессе доказывания [7, 8].

Оценщик в своих вероятных суждениях всегда говорит «да», имея в виду, что объект оценки хоть что-то да стоит. Вероятность здесь распространяется на точность определяемой стоимости и представлена диапазоном возможных ее величин.

На практике это отличие проявляется на судебном заседании при допросе эксперта по данному им заключению, когда оппонент эксперта, владеющий рассматриваемым вопросом, преднамеренно нарушая логический закон тождества, поставит знак равенства между вероятным выводом и выводом эксперта о наиболее вероятной стоимости, полученной им в результате проведенных исследований. Далее оппонент заявит о

¹ Орлов Ю.К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании (уголовно-процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы). Дисс. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1985. 387 с. (С. 335–337).

² Ст. 3 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

³ Иногда в специальной литературе они именуется как «вероятностные».

том, что полученный результат, как следствие, не может быть положен в основу итогового решения суда. Получается, что какую бы работу эксперт не провел, ее результаты никогда не будут использованы в процессе доказывания по делу. Очевидно, что это риторико-демагогическая уловка, подмена понятий, софизм, с помощью которого можно при определенных условиях разрушить заранее выстроенную аргументацию эксперта. Только знающий законы логики эксперт поймет разницу между вероятным выводом (который в этой ситуации отсутствует) и имеющим место здесь *категорическим* выводом эксперта, в котором представлена *исчисленная* величина рыночной стоимости объекта. При этом расчеты учитывают природу рынка и рыночной стоимости, которые характеризуются не точечными, а диапазонными стоимостными показателями.

2. Закон противоречия (непротиворечия)

Если одно суждение утверждает, а другое – отрицает нечто об одном и том же предмете в одно и то же время и в одном и том же отношении, то эти два суждения не могут быть одновременно истинными. Нарушения рассматриваемого закона являются основаниями для назначения повторной экспертизы (ч. 2 ст. 207 УПК РФ, ч. 2 ст. 87 ГПК РФ, ч. 2 ст. 87 АПК РФ), что часто лишает заключение эксперта статуса доказательств по делу. При этом процессуальные нормы указывают на противоречия в выводах эксперта – итоговой части его работы.

Таким образом, законодатель сконцентрировал свое внимание на *явных* противоречиях в *последнем* звене цепочки суждений эксперта. Попробуем посмотреть на эту ситуацию несколько шире, обратив внимание на самое начало судебно-экспертного исследования, где скрываются *неявные* противоречия, сбивающие эксперта с правильного исследовательского пути.

Такие противоречия заложены во взаимоотношениях по смыслу фрагментах Гражданского кодекса Российской Федерации, поясняющих понятие «недвижимость». Трактовка этого понятия является отправной точкой (посылком) при исследовании судебным экспертом строительного объекта с целью установления наличия (отсутствия) ряда признаков, что позволит в конечном итоге суду отнести объект к множеству движимых или недвижимых. Правильный (в данном контексте – лишен-

ный противоречий) посыл (при отсутствии ошибок в исследованиях) обеспечивает достоверный результат. Рассматриваемое же толкование термина в ГК РФ не может претендовать на непротиворечивость.

I. *К недвижимым вещам относятся объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно*⁴. Законодатель, очевидно, имел в виду немобильные, громоздкие, представляющее собой неразборное единое целое объекты, каковыми являются, например, капитальные здания. И при таком понимании этого фрагмента характеристика объекта воспринимается вполне определенно. Однако если мы представим собранную туристическую палатку и при этом допустим, что она была забыта в лесу на многие зимы и достигла предельного состояния ветхости, то это снаряжение тоже попадает под определение объекта, «перемещение которого невозможно без несоразмерного ущерба его назначению», то есть объекта недвижимого. Здесь налицо неявное скрытое противоречие: мобильный атрибут туриста, достигая ветхости, вырастает в землю и приобретает признак недвижимости. Это противоречие проявляется только в определенных ситуациях и демонстрирует несостоятельность претендующей на универсальность формулировки, отраженной в законе, которая служит эксперту ложным посылом. Отталкиваясь от него, сложно прийти к правильному выводу.

II. *К недвижимым вещам относятся подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда*⁵. В этом фрагменте имеет место очевидное сущностное противоречие. Объекты, созданные для движения по воздуху и воде, признаются недвижимостью. Это все равно, что назвать черное – белым, горячее – холодным, при том что цель такого положения – внести определенность в систему имущественных отношений. Отмеченное противоречие представляется неприемлемым с точки зрения здравого смысла и воспринимается как некий парадокс наряду с такими, как, например, «окружность со многими тупыми углами».

3. Закон исключенного третьего

Этот закон похож на закон противоречий, отличаясь уточнением: суждения бывают как противоположные, так и противоречащие.

⁴ П. 1 ст. 130 ГК РФ.

⁵ Там же.

Противоположные предполагают наличие промежуточных суждений: песок как строительный материал по фракциям может быть классифицирован не только как крупный или мелкий, но и средний. *Противоречащие* суждения исключают промежуточный вариант, например: строительные объекты могут быть только капитальными и некапитальными (полукапитальными быть не может). Так как у противоположных суждений допускается промежуточное значение, они могут быть одновременно ложными: определение песка средней крупности как мелкого или крупного будет ошибочным. При этом на практике эксперты достаточно часто допускают такие суждения, выходя за рамки нормативно-технических исследований. В упрощенной схематической форме их можно представить следующим образом: это здание не новое, но и не старое; это помещение не темное, но и не светлое; наружная отделка сооружения не дешевая, но и не дорогая, и пр. В подобных ситуациях правильно будет находить средний, промежуточный вариант оценочного суждения, обеспечивающий его определенность.

Противоречащие суждения, исключая третий (промежуточный) их вариант, не могут быть одинаково ошибочными. Именно для них и существует закон исключенного третьего: если одно суждение утверждает, а другое – отрицает нечто об одном и том же предмете в одно и то же время и в одном и том же отношении, то эти два суждения не могут быть одновременно ложными [9]. То есть если один эксперт определит строительный объект как капитальный, а другой – как некапитальный, то оба они ошибаться не могут, один из них будет прав.

В зависимости от специфики складывающихся судебно-экспертных ситуаций и содержания вопросов, ставящихся на разрешение эксперта, необходимо определить, допустимы ли промежуточные суждения в ответах (выводах) эксперта либо нужно действовать в рамках закона исключенного третьего, не подменяя его исполнение противоположными суждениями.

На вопрос «Окончен ли объект строительством?» может быть лишь два варианта ответа: либо да, либо нет. Промежуточные варианты типа «объект готов к эксплуатации наполовину» или «правила соблюдались частично» будут, разумеется, неуместны. Здесь противоречащие суждения будут выдаваться за противоположные, что недопустимо.

4. Закон достаточного основания

Данный логический закон говорит о том, что любая претендующая на убедительность мысль должна быть обоснованной, и эта обоснованность должна быть достаточной. Обоснование является достаточным, когда исходная мысль (тезис) следует из основания с достоверностью (вытекает из него на 100 %) [9]. Достаточность выводов эксперта обеспечивается полнотой и всесторонностью исследования объектов экспертизы [10, с. 78–84]. Например, основанное на результате таких исследований суждение эксперта, что влага попала в помещение весной через отверстия в кровельном покрытии, потому что кровля была ветхой и негерметичной, а при плюсовой температуре неубранный зимой снег начал таять, является достаточно обоснованным, а вывод о том, что данный проект соответствует действующим нормам и правилам, потому что он прошел государственную экспертизу, – недостаточно обоснованным (проект мог быть «пропущен» к реализации с ошибками).

Этот закон утверждает, что ничего нельзя принимать на веру. А на судебных экспертов (прежде всего начинающих) порой производят впечатление официальные документы, скрепленные подписями и печатями. Наличие этих атрибутов вызывает доверие, порой излишнее, к их содержанию. На практике наиболее часто судебного эксперта таким образом «сбивают» документы, в которых отражены результаты различного рода несудебных экспертиз, которые, в отличие от судебных, регламентируются соответствующими законами и подзаконными актами, в частности Постановлениями Правительства Российской Федерации от 05.03.2007 № 145 «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий», от 16.09.2020 № 1477 «О лицензировании деятельности по проведению экспертизы промышленной безопасности», от 31.03.2012 № 272 «Об утверждении положения об организации и проведении негосударственной экспертизы проектной документации и (или) результатов инженерных изысканий», от 15.07.2009 № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе».

К данным, полученным другими лицами и отраженным в документах, приобретенных

к материалам дела, следует относиться критически и в обязательном порядке проверять [11]. На это указывает и процессуальное законодательство: эксперт дает заключение от своего имени и несет за него личную, в том числе уголовную, ответственность.

5. Закон двойного отрицания

Данный закон постулирует: если неверным считается то, что неверно А, то, следовательно, А – верно. Альтернативное название закона – закон снятия двойного отрицания. Представляется, что с точки зрения судебной строительно-технической экспертизы этот закон можно применить как к проводимым исследованиям, так и к терминологии, используемой при подготовке заключения эксперта.

Действие закона сводится к несогласию с отрицанием, которое достаточно часто составляет основу исковых требований заказчика строительства к подрядчику: предусмотренные договором подряда работы *не выполнены*, а если выполнены, то *не обеспечено* их надлежащее (предусмотренное строительными нормами и правилами) качество, либо сроки строительства, предусмотренные тем же договором, *не соблюдены*. Подрядчик, разумеется, утверждает обратное.

Эксперт, проведя исследования, в одних судебно-экспертных ситуациях подтверждает обоснованность иска, в других – опровергает. Такое опровержение и есть отрицание отрицания заказчиком утверждения подрядчика, что все работы, предусмотренные договором, выполнены в полном объеме, качественно и точно в срок.

Частным (но весьма распространенным на практике) случаем действия указанного закона следует считать ситуацию, когда подрядчик отрицает наличие причинной связи между выполнением им определенным образом производственной операции и получением бракованной продукции строительного производства. Кроме вполне естественного нежелания признать допущенные ошибки такое отрицание обусловлено тем, что, согласно ч. 5 ст. 720 ГК РФ, оплата экспертизы, проводимой при разрешении спора между заказчиком строительства и подрядчиком, возлагается на последнего за исключением случаев, когда экспертизой установлено отсутствие причинной связи между действиями подрядчика и обнаруженными недостатками. Эксперт

будет исходить из того, что для установления причинно-следственной связи между событиями необходима оценка таких факторов, как их последовательность; доказывание, что это то самое событие (действие), принимаемое за причину неизбежности наступления последствий – производства некачественной продукции. Если в результате будет установлено наличие прямой или непосредственной причинной связи⁶ между ненадлежащими действиями (либо бездействием при объективной необходимости их выполнения) подрядчика и допущенным браком, то это и будет результат реализации закона двойного отрицания – эксперт опровергает отрицание подрядчиком указанной причинной связи.

Все это относится к исследованиям эксперта, их роли и значению в ходе доказывания по делу. Что же касается терминологии судебного эксперта, рассматриваемой через призму закона двойного отрицания, то здесь следует обратить внимание на следующее.

1. Словесные конструкции типа «никаких признаков деструкции нет», «никогда такие действия не приводили к таким последствиям», «никто произошедшего события не видел» не относятся к двойному отрицанию. Такие слова, как «никто», «ничего», «никогда», только усиливают отрицание.

2. Словосочетания, включающие двойное отрицание, следует выстраивать только по отношению к терминам, у которых частица «не» является устойчивой в употреблении, либо терминам, закрепленным в специальных или нормативных источниках, которые включают их толкование. Примером могут служить такие термины, как «недвижимость», «непосредственное прикосновение» (например, к оголенным электропроводам), «несоразмерный ущерб» и пр.

3. Использование в тексте заключения эксперта словесных конструкций, содержащих двойное отрицание, должно быть уместным. Излишними будут такие выражения, как «нельзя не отметить», «не могу не заметить», «невозможно не сказать». Они утяжеляют текст, придают ему ненужную витиеватость и могут даже сбить с толку адресата заключения. Употребление такого рода

⁶ *Непосредственная* причинная связь предполагает неизбежное следование одного события за другим без каких-либо промежуточных звеньев; *прямая* причинная связь, в отличие от непосредственной, включает промежуточные звенья (события, явления), однако исключает какое-либо внешнее воздействие, предполагает переход одного события в другое в силу внутренних закономерностей.

«сорных» выражений, на наш взгляд, противоречит принципу доступности изложения хода и результатов экспертного исследования для всех субъектов и участников судебного процесса.

6. Закон Клавия

Закон Клавия⁷: если некоторое утверждение является следствием своего отрицания, то оно (данное утверждение) является истинным⁸.

Этот закон объединяет отрицание и импликацию (которая выражается формулировкой «если, то»), является одним из случаев общей схемы косвенного доказательства: из отрицания утверждения выводится само это утверждение, вместе с отрицанием оно составляет логическое противоречие. Это означает, что отрицание ложно, а верным является само утверждение.

При расследовании уголовных дел, связанных с несчастными случаями, произошедшими в ходе производства строительных работ, эксперт сначала устанавливает отступления от требований специальных правил, регламентирующих вопросы безопасности труда, а затем определяет наличие причинной связи между этими отступлениями и произошедшим травматическим событием [12]. В судебном заседании адвокаты обвиняемых – лиц, ответственных за обеспечение безопасных условий труда, достаточно часто отрицают наличие указанной причинной связи, признавая тот факт, что нарушения правил техники безопасности имели место. Детальная аргументация экспертом своей позиции, доказывающая существование в момент происшествия оспариваемой причинной связи, будет иметь дополнительное и весьма весомое обоснование, если им будет указано, что если бы этой связи не было, то и несчастного случая не произошло [13]. Данное обоснование и есть демонстрация закона Клавия, соединяющего отрицание и импликацию – «если, то».

В гражданском судопроизводстве объектом судебной строительно-технической экспертизы достаточно часто становятся земельные участки, функционально связанные со строительными объектами. К ним можно отнести так называемые приусадебные участки – элементы домовладе-

ний. Судебные споры связаны в том числе с «захватом» одним собственником домовладения части земельного участка другого собственника – владельца соседнего участка. Сопоставив документальные данные и данные, полученные в ходе проведения натурных исследований (замеров), проведя необходимые расчеты и графические построения, эксперт в ряде случаев приходит к выводу, что исковые требования «обделенного» соседа обоснованы. При этом учитывается и то, что общая граница, разделяющая спорные земельные участки, – единственное место, где имелась возможность «сдвинуть» границу, точнее то, что ее обозначает, например забор, ограждение. Иные границы могут быть жестко зафиксированы автомобильной трассой, проселочной дорогой, берегом водоема и пр.

Доказывание экспертом бесспорности своих суждений будет основываться на расчетах. Кроме того, им будет отмечено, что все границы (кроме одной) спорного земельного участка никогда не подвигались. Это будет убедительно подкреплено озвученной в судебном заседании мыслью о том, что если бы указанная граница не была подвинута, то земельный участок соседа не уменьшился бы по отношению к той его площади, которая отражена в соответствующих правоустанавливающих и правоподтверждающих документах.

Таким образом, логический закон Клавия может служить либо общим логическим посылом в суждениях эксперта, за которым следует детализация его обоснованности, или финальным суждением, обобщающим все детали проведенного исследования и ставящим точку в споре с оппонентами, пытающимися опровергнуть аргументацию сведущего лица, отстаивающего безошибочность своих выводов в процессе судебного доказывания по делу [14, с. 276–288].

7. Закон контрапозиции

Закон контрапозиции – общее название нескольких законов логики, применяя которые можно менять местами основание и следствие условного суждения.

Первый закон контрапозиции сформулирован так: если первое влечет второе, то отрицание второго влечет отрицание первого. Пример: если кирпичный дом с физическим износом менее 70 % является делимым, то есть подлежит реальному разделу между совладельцами при соблюдении иных обязательных условий, то не подлежит реаль-

⁷ Клавий Христофор – немецкий математик и астроном (1538–1612).

⁸ Евклид в свое время доказал одну из своих теорем, допустив, что она неверна.

ному разделу кирпичный дом при тех же условиях, но с физическим износом более 70 %.

Второй закон контрапозиции гласит: если верно, что если не первое, то не второе, то верно, что если второе, то первое. Например, если верно, что заключение эксперта, не получив положительную оценку судом по критериям, предусмотренным процессуальным законодательством, не приобщается к материалам дела в качестве доказательства, то приобщенное к делу заключение эксперта такую оценку судом получило. Другой пример: если на металлических деталях эксплуатируемой железобетонной конструкции нет ржавчины, когда к ним нет доступа влаги и кислорода, то при условии, что ситуация полностью противоположна (влаги и кислород контактирует с деталями), образуется ржавчина.

Третий закон контрапозиции: если дело обстоит так, что если А, то не Б, то если Б, то не А. Например, если постройка является временной, то она некапитальная, а капитальное здание не является временной постройкой. Или: объект недвижимости, исходя из содержания статьи 130 ГК РФ, не является движимым имуществом, и наоборот: движимое имущество нельзя признать недвижимостью. Эти вполне простые логические построения на практике порождают много споров, т. к. содержание понятий «капитальный строительный объект» и «недвижимость», отраженные в специальных и нормативных источниках, как было отмечено выше, не совершенны и не включают всего многообразия технических характеристик строительных объектов, вовлекаемых в сферу судебного разбирательства. Судебному эксперту-строителю приходится на основе специальных знаний восполнять имеющиеся пробелы в толкованиях этих понятий и относить спорные объекты к той или иной категории, предвосхищая тем самым решение суда, определяющего судьбу этих объектов как в части налогообложения, так и более радикально – оставлять их для дальнейшей эксплуатации или сносить как не отвечающие требованиям действующего законодательства.

Четвертый закон контрапозиции гласит: если верно, что если не А, то Б, то если не Б, то А. Например: если необоснованные и вызывающие сомнения в правильности суждения, отраженные в заключении эксперта, являются основанием для назначения повторной экспертизы, то обоснованные и

очевидные промежуточные и окончательные выводы эксперта не дают законных оснований для ее назначения.

При всей очевидности и простоте этой логической конструкции на практике судьи далеко не всегда ее придерживаются: повторные экспертизы назначаются по различным, но далеким от предусмотренных процессуальным законодательством основаниям, например в связи с тем, что исследования проведены не в полном объеме, поскольку в распоряжение эксперта не были предоставлены все необходимые для работы документы или не был обеспечен доступ эксперта к спорному строительному объекту и не была предоставлена возможность его непосредственного исследования⁹.

Порой повторная экспертиза назначается только на основании того, что она является последующей после первичной экспертизы. Неправильность такого рода действий обосновывается как обращением к законодательству, регламентирующему судебную-экспертную деятельность и четко определяющему основания для назначения повторных экспертиз, так и к законам логики, в частности к закону контрапозиции.

8. Закон деления (дихотомия логики)

Этот закон включает в себя упорядочивающее деление понятий, предметов, явлений, действий и процессов. Деление понятий – это логическая операция, посредством которой объем делимого понятия распределяется по объемам новых понятий, каждое из которых представляет частный случай исходного понятия. Понятия разделяются, исходя из существенного признака, который может изменяться по определенному принципу или правилу. Деление понятий – частный случай логических законов деления, используемых для эффективной систематизации и соответствующей классификации различных идеальных категорий и материальных объектов.

Как и в познавательной деятельности иных направлений [15–18], при разработке теоретических положений, методических рекомендаций и в каждодневной практике производства судебной строительно-технической экспертизы указанные законы

⁹ См. ст. 10 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

(правила) используются достаточно широко.

Систематизирующие и классифицирующие действия выполняются практически на всех этапах производства экспертизы:

– при упорядочивании массива технической и договорной документации, часто приобщенной к материалам дела хаотично, – ее количество в арбитражных процессах может измеряться кубометрами;

– при подготовке эксперта к проведению натурных исследований строительного объекта, вовлеченного в сферу уголовного расследования либо судебного разбирательства: для практики характерны сложные, многофункциональные здания, сооружения, а также их комплексы, что требует предварительной систематизации (своего рода прогноза) с целью максимальной оптимизации проведения планируемого осмотра;

– в ходе проведения натурных исследований – здесь систематизации требуют значительно отличающиеся друг от друга сведения об осматриваемом строительном объекте;

– на этапе камеральной обработки – упорядочиванию подлежит значительно увеличившийся объем данных, включающий совокупность данных по результатам проведенного осмотра и полученных из представленных эксперту документов;

– при подготовке заключения эксперта – материал последовательно систематизируется с учетом требований, предъявляемых к структуре и содержанию этого документа, а также специфики судебно-экспертного исследования исходя из того, что заключение эксперта – это единственное доказательство, которое формируется не посредством простого восприятия и фиксации полезных сведений, а более сложным порядком, предполагающим собственные аргументационно-логические операции, выполняемые экспертом [4];

– при допросе эксперта в суде по данному им заключению – ответы на поставленные вопросы должны быть не только четкими, лаконичными и правильными по сути, но и представлять собой стройную речевую конструкцию, элементы которой последовательно разделены интонационно, уместной жестикულიацией, а также иными сложившимися на практике ораторскими приемами [19].

На каждом этапе производства экспертизы следует соблюдать определенные ло-

гические правила деления. Рассмотрим их подробнее.

А. Деление должно быть соразмерно, то есть при перечислении по какому-либо основанию или принципу видов определенного родового понятия необходимо точно указать все виды, не уменьшая и не увеличивая их количества, то есть сумма видов должна ровняться делимому роду. Это во многом определяет четкость структуры судебно-экспертного исследования. Так, разбираясь с документами, представленными в распоряжение эксперта, следует отделить те, которые относятся к предмету экспертизы, и перечислить их во вводной части заключения. «Незадействованные» таким образом документы следует исключить из указанного списка. Оставшиеся же документы подлежат соразмерной систематизации, то есть их массивы, распределяемые по одному из выбранных оснований, должны быть по своему объему соотносимы друг с другом.

При подготовке к экспертному осмотру соразмерность деления этапов натурных исследований будет выражаться в том, что все они планируются примерно одинаковыми по трудозатратам, а их неизбыточность и последовательность обеспечат готовность эксперта к череде разнообразных исследовательских действий, помогут сориентироваться в достаточно сложной вещной обстановке, характерной как для возводимого, так и для эксплуатируемого строительного объекта. Если планируется осмотр крупномасштабных застроенных территорий, то следует сформировать своего рода технологию прогнозируемых исследований: сначала мысленно, а затем графически разграничить площадь осмотра на отдельные участки таким образом, чтобы рационально и подробно провести исследования и зафиксировать полученные результаты.

В ходе натурных исследований соразмерность деления данных, полученных при осмотре, будет заключаться в соответствии числа их видов числу отличающихся друг от друга смысловых фрагментов, содержащихся в вопросах, поставленных перед экспертом. Отдельно могут определяться объемно-планировочное и конструктивное решение строительного объекта, его габариты, признаки физического износа и местоположение относительно других строительных объектов. Так, если вопросы касаются технического состояния здания и соответствия его характеристик требо-

ваниям специальных правил, то сведения, полученные экспертом, следует разделить на два массива. Первый будет содержать перечень признаков физического износа конструктивных элементов строительного объекта, а второй – ряд отступлений от положений строительных норм, установленных экспертом при осмотре здания, либо тех его характеристик, которые требуют сопоставления с нормативными данными уже после осмотра, по его результатам.

В том же порядке эксперт формирует объем исходных данных после осмотра: к соразмерно систематизированным данным, полученным в ходе натуральных исследований, он добавляет документальные данные, приобщенные к материалам дела и уже упорядоченные на одном из предшествующих этапов работы. Дальнейшие исследования осуществляются согласно логической последовательности, дихотомии и соразмерности. В соответствии с действующими методическими положениями определяется величина физического износа строительного объекта, а потом уточняется и корректируется перечень отступлений от нормативных положений, выявленных экспертом при осмотре здания. На этом же этапе определяется значимость этих отступлений, устанавливается возможность дальнейшей эксплуатации здания, а также решается еще ряд вопросов, имеющих отношение к предмету экспертизы.

При подготовке заключения исполнение правила логической соразмерности обеспечивается примерно равным объемом текстовых массивов, отражающих каждый из проведенных видов исследования; при этом один вид исследований должен быть описан так же подробно и детально, как и другой. Таким образом, логическая соразмерность описывается здесь не только объемными показателями, но и структурными показателями, характеризующими гармонию текстовых фрагментов [20, 21]. В текст заключения эксперт соразмерно включает информацию, представленную и в иных формах – графической, табличной, фотоматериалах. В этой части он руководствуется принципом удобства восприятия содержания заключения его адресатами, исходя из того, что использование ни одной из указанных форм не должно восприниматься как неоправданно избыточное, а, напротив, призвано своевременно «переключать» внимание изучающего данный документ с текста на фотографии и далее

на таблицы – и опять на текст. При таком подходе заключение будет легко восприниматься всеми, кому оно адресовано.

Логическая соразмерность должна определять и объемы разноплановой информации, которые эксперт представляет в ходе допроса по данному им заключению. Вопросы, которые готовят и оглашают участники и субъекты процесса, как раз могут быть несоразмерными: некоторые длинные и плохо сформулированные, другие – четкие и краткие. Эксперт же должен стремиться, чтобы его ответы были соразмерны не вопросам, а друг другу, при этом были достаточно подробными, последовательными и ясными для присутствующих.

Б. Деление должно быть полным. Полнота – один из предусмотренных процессуальным законодательством критериев оценки доказательств, в том числе заключения эксперта. Полноту можно рассматривать в качестве требования, предъявляемого как к судебному-экспертному исследованию, так и к текстовому его изложению.

Заключение не будет обладать полнотой, если ответы будут даны не на все вопросы, поставленные перед экспертом, даже если отсутствие ответа обусловлено недостаточностью исходных данных, необходимых для исследования, и отказом органа (лица), назначившим экспертизу, в их восполнении.

Говоря о логической полноте деления, мы подразумеваем исчерпывающую дихотомию некоего объема данных внутри определенных границ. Соответственно необходимо определить границы, за которыми существует нечто, не подлежащее рассматриваемому нами делению. Эти границы определяются содержанием вопросов, поставленных на разрешение эксперта, и предметом судебного-экспертного исследования по конкретному делу. То есть за указанными границами будет находиться бесконечное число свойств, сторон и отношений объекта экспертизы. Они могут быть весьма существенными, значимыми для объекта, но не подлежат установлению, поскольку не входят в предмет этой экспертизы.

Что же касается «внутреннего» деления рассматриваемого объема данных, то обеспечение полноты должно осуществляться на всех этапах производства экспертизы. Так, при формировании объема исходных документальных данных эксперт, отделив не относящиеся к предмету исследования документы, делит оставшиеся по тому или

иному основанию, но чтобы при этом ни один из документов не был забыт. Следует исключить ситуацию, при которой указанные документы не будут упомянуты в исследовательской части.

При подготовке к экспертному осмотру необходимо спланировать его таким образом, чтобы по отношению ко всем имеющим значение для дела фрагментам строительного объекта были предприняты попытки непосредственного их визуального восприятия либо инструментального исследования. Насколько эти попытки будут результативны – отдельный вопрос. В ходе осмотра следует строго придерживаться намеченного плана, не пропуская ни одной из его позиций, – только так можно обеспечить полноту натурных исследований и в дальнейшем – полноту деления полученных в ходе осмотра данных.

На следующем (более сложном в части возможности обеспечения полноты данных) этапе эксперт, сформировав новый, более значительный и структурно неоднородный объем данных, систематизирует его, исключая возможность потери информации внутри массива материалов, имеющих отношение к предмету экспертизы.

При подготовке заключения эксперт обеспечивает соответствие полноты описания хода и результатов проведенного исследования таким образом, чтобы число изложенных смысловых фрагментов, представленных в заключении, составляли единое целое и соответствовали бы в полной мере числу выполненных познавательных действий. При этом содержательная дихотомия заключения представляет достаточно сложную и многоплановую структуру: оно делится с учетом поставленных следователем или судом вопросов, видов проведенных исследований. Фиксация фактов отделяется от суждений и умозаключений эксперта; суждения же подразделяются по различным основаниям: по степени подтвержденности (категорические и вероятные), по наличию или отсутствию какого-либо условия (условные и безусловные) и пр. Общая структура заключения также предполагает его деление: на отличающиеся по смыслу вводную, исследовательскую части, а также выводы и приложения к заключению эксперта [22–24].

В ходе судебного заседания, отвечая на вопросы (в том числе оппонентов), эксперт должен следить за тем, чтобы ни одно критическое замечание либо нейтральный,

с точки зрения возможной критики, вопрос не остались без его внимания. Отметим, что необязательно давать исчерпывающие ответы на все вопросы – они могут выходить за рамки заключения или вообще не относиться к делу. На такие вопросы эксперт не отвечает, но надлежащим образом мотивирует свой отказ. Главное в этой части, с точки зрения логического правила полноты деления, обеспечить достаточно широкий диапазон уместных реакций эксперта на все адресованные ему вопросы.

В. Деление осуществляется по одному основанию; результаты деления, являясь взаимоисключающими, не должны пересекаться. Соблюдение указанного логического правила достаточно часто является убедительным аргументом в теоретических спорах между специалистами в области судебной экспертизы. Так, Ю.К. Орлов подверг критике тезис Т.М. Пучковой о том, что «среди диагностических задач можно выделить установление возможности существования факта, установление причин и последствий» [25]: «Неправомерность включения в число диагностических этих двух видов задач с чисто логических позиций заключается в том, что они выделяются по различным основаниям: и та и другая могут решаться в рамках одного и того же исследования (причина и следствие могут быть как действительными, так и возможными). Указанные понятия не взаимоисключающие, а пересекающиеся, поэтому они не могут входить в одну и ту же классификационную систему, иначе нарушаются требования классификации по одному основанию» [26, с. 35].

Соблюдение правила дихотомии так же, как и других логических правил, необходимо на всех этапах производства экспертизы.

Проектную документацию, в свою очередь, целесообразно систематизировать по разделам: пояснительная записка, схема планировочной организации земельного участка, архитектурные решения, конструктивные и объемно-планировочные решения и т. д. Объем исполнительной документации¹⁰ можно упорядочивать, например по

¹⁰ Исполнительная документация представляет собой текстовые и графические материалы, отражающие фактическое исполнение проектных решений и фактическое положение объектов капитального строительства, их элементов в процессе строительства, реконструкции, капитального ремонта указанных объектов по мере завершения определенных в проектной документации работ.

ее составу¹¹, по хронологии составления, по исполнителям того или иного этапа строительных работ на объекте. В качестве основания для систематизации договорной документации могут служить участники договорных отношений, а по каждой выделенной группе участников – хронологическая последовательность договоров.

Какое бы основание не выбрал эксперт, четкость систематизации документов будет обеспечена, если соблюдается принцип их деления по одному основанию, то есть к архитектурным решениям не попадут конструктивные и объемно-планировочные решения проектируемого объекта, а к актам освидетельствования скрытых работ не примешаются акты освидетельствования ответственных конструкций и пр.

При подготовке к экспертному осмотру деление планируемых этапов натурных исследований по единому основанию приобретает особое значение, так как только строгое следование этому принципу позволит, во-первых, рационально использовать рабочее время (будет исключена путаница в маршруте движения эксперта), во-вторых, будут сформированы все условия для обеспечения полноты исходных данных (намеченные для последовательного осмотра помещения, конструкции, узлы их сопряжений должны быть представлены в плане осмотра с учетом их расположения, возможности доступа к ним, времени, необходимого для их исследования, и пр.). О том, что логический закон дихотомии по единому основанию не соблюден, а результаты деления не являются взаимоисключающими и пересекаются, будут свидетельствовать ситуации, при которых у эксперта, выполнившего определенный объем работы, останутся вопросы, все ли он осмотрел, не пошел ли он «по кругу», либо эксперт вовсе не понимает, где находится.

Впрочем, подобные ситуации могут возникать не только по причине плохого планирования натурального осмотра, но также в силу того, что сведения о строительном объекте, отраженные в документах, не соответствуют фактическим данным: отдельные фрагменты объекта, обозначенные в документах как существующие, отсутствуют и, наоборот, эксперт может увидеть над-

стройки, пристройки к основному зданию, которые никак не отражены в документах. Может быть изменена и система проходов через помещения здания. Все это требует пересмотра в рабочем порядке намеченной ранее последовательности действий эксперта, корректировки хода натурных исследований. Но даже в таких нестандартных ситуациях необходимо следовать логическому закону мысленного деления объекта по единому основанию, исходя из того что характер и направленность исследований остались теми же, а изменился лишь объект экспертизы. Соответственно, на том же основании осуществляется несколько иное деление объекта с учетом выявленных фактических несоответствий документально закрепленным техническим характеристикам.

В ходе осмотра закон деления по одному основанию необходимо соблюдать не только в отношении процесса исследования, но и при систематизированной фиксации полученных результатов. Отличающиеся друг от друга виды, типы, классы, группы технических характеристик, параметров, признаков, иных показателей объекта, имеющих отношение к предмету экспертизы, должны распределяться по отдельным массивам, не пересекаясь в своей содержательной составляющей. Строгое и последовательное следование указанному требованию позволит обеспечить упорядоченное пополнение сведений, полученных при осмотре, данными из документов, предоставленных в распоряжение эксперта.

В процессе подготовки заключения эксперта закон деления по одному основанию распространяется не на весь объем информации, отражаемый в этом документе, а применительно к отдельным его фрагментам. Каждый из фрагментов будет иметь свое, отличающееся от других основание деления. Так, результаты испытания на прочность при сжатии образцов, отобранных от несущих строительных конструкций, не должны пересекаться с результатами испытания тех же образцов на влагостойкость либо истираемость. При проведении стоимостных исследований в один информационный массив будут аккумулярованы ценообразующие факторы, определяющие в конечном итоге рыночную или иную стоимость объекта недвижимости, вовлеченного в сферу судебного разбирательства либо уголовного расследования. Сведения о нарушениях правил безопасности труда

¹¹ К исполнительной документации, в частности относятся акты освидетельствования скрытых работ, акты освидетельствования ответственных конструкций, результаты экспертиз, обследований, лабораторных и иных испытаний выполненных работ, проведенных в процессе строительного контроля, и пр.

на строительной площадке при возведении этого объекта, являющиеся существенными сами по себе, в указанный информационный массив не попадут, потому что никак не влияют на его стоимость.

Таким образом, заключение эксперта должно представлять собой достаточно широкий набор классификационных систем, каждый из элементов которых формируется по одному специфическому основанию, максимально полно раскрывающему содержание и цель проведенных исследований.

В ходе допроса эксперта по данному им заключению соблюдение рассматриваемого закона во многом обеспечит целостность и полноту его ответов на поставленные вопросы, не позволит уклониться от сути изложения и выйти за смысловые границы той мысли, формулировку которой он считает наиболее убедительной в определенный момент его полемики с оппонентами [27].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корнакова С.В. Соблюдение правил и законов логики как необходимое условие качественного результата следственной и судебной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 1 (15). С. 74–81.
2. Юркевич Е.Н. Комплексный характер логики в юридической методологии // Вісник Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого. 2019. № 1 (40). С. 39–49. <https://doi.org/10.21564/2075-7190.40.155749>
3. Егорова О.А. Роль логики в исследовании оснований рационального познания в классической античной философии: философско-методологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 9 (419). С. 123–131. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10919>
4. Аристотель. Метафизика / Антология мировой философии. В 4-х томах. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. С. 407–427.
5. Середнев В.А. К вопросу о структуре доказательства и об ошибках логики доказывания // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-2 (52). С. 95–99.
6. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Научно-учебное пособие. М.: Проспект, 2016. 216 с.
7. Biedermann A., Bozza S., Taroni F. Decision Theoretic Properties of Forensic Identification: Underlying Logic and Argumentative Implications // Forensic Science International. 2008. Vol. 177. No. 2–3. P. 120–132. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2007.11.008>

Заклучение

Представление правил логики, их проекция на мыслительные операции, выполняемые экспертами, позволит, на наш взгляд, придать их познавательной деятельности большую четкость и последовательность, что в конечном итоге должно повысить эффективность работы экспертов. Логически выверенные подходы к исследованиям позволят также сократить временные затраты на выполнение рутинных действий – неотъемлемую часть судебно-экспертной деятельности.

Соблюдение законов логики распространяется на всю деятельность судебного эксперта. К этому следует добавить необходимость логической согласованности действий следователя и судьи, предшествующих назначению экспертизы, а также их действий при осуществлении оценки заключения эксперта в качестве доказательства по делу и определении пределов использования заключения эксперта в процессе доказывания по делу.

REFERENCES

1. Kornakova S.V. Compliance with the Rules and Laws of Logic as a Necessary Condition for the Quality of the Result of the Investigative and Judicial Activities. *Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. 2017. No. 1 (15). P. 74–81. (In Russ.)
2. Yurkevich E.N. Complex Character of Logic in Legal Methodology. *Bulletin of the National Law University named after Yaroslav the Wise*. 2019. No. 1 (40). P. 39–49. (In Ukrainian) <https://doi.org/10.21564/2075-7190.40.155749>
3. Egorova O.A. The Role of Logic in the Research of the Reasons of the Rational Cognition in the Classical Antique Philosophy: Philosophical-Methodological Aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018. No. 9 (419). P. 123–131. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10919>
4. Aristotle. *Metaphysics. Anthology of World Philosophy. In 4 Volumes. Vol. 1. Part 1*. Moscow: Musl', 1969. P. 407–427. (In Russ.)
5. Serednev V.A. To the Question about the Structure of the Proof and the Error of Logic of Proof. *Privolzhsky Scientific Bulletin*. 2015. No. 12-2 (52). P. 95–99. (In Russ.)
6. Orlov Yu.K. *Contemporary Issues of Proving and Using Specialized Knowledge in Criminal Proceedings. A Scientific and Educational Manual*. Moscow: Prospect, 2016. 216 p. (In Russ.)
7. Biedermann A., Bozza S., Taroni F. Decision Theoretic Properties of Forensic Identification: Underlying Logic and Argumentative Implications. *Forensic Science International*. 2008. Vol. 177. No. 2–3. P. 120–132. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2007.11.008>

8. Robertson B., Vignaux G.A. Probability – The Logic of the Law // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1993. Vol. 13. No. 4. P. 457–478. <https://doi.org/10.1093/ojls/13.4.457>
9. Истомина Н.С. Законы логики в доказывании: закон исключенного третьего, закон достаточного основания // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2013. № 4. С. 73–75.
10. Paul R., Aitken C. *The Logic of Forensic Proof: Inferential Reasoning in Criminal Evidence and Forensic Science. Guidance for Judges, Lawyers, Forensic Scientists and Expert Witnesses. Practitioner Guide No. 3*. Royal Statistical Society, 2013. 159 p.
11. Saks M.J., Faigman D.L. Failed Forensics: How Forensic Science Lost Its Way and How It Might Yet Find It // *Annual Review of Law and Social Science*. 2008. Vol. 4. P. 149–171. <https://doi.org/10.1146/annurev.lawsocsci.4.110707.172303>
12. Балашов С.К. Об алгоритме построения общей цепи причинной связи преступления // *Философия права*. 2016. № 1 (74). С. 64–67.
13. Балашов С.К. Формальная логика и уголовное право // *Философия права*. 2014. № 6 (67). С. 30–33.
14. Черданцев А.Ф. *Логико-языковые феномены в юриспруденции*. Монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 320 с.
15. Кривоухова Ю.А. Законы логики и их применение в научной теории // *Символ науки*. 2017. № 1. С. 117–119.
16. Листвина Е.Г. Законы логики и научное знание в культуре // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 2 (44). Ч. 4. С. 91–94. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.44.114>
17. Горелов А.А., Румба О.Г., Шустин Б.Н., Яхонтов Е.Р. Логика и основные этапы организации научного исследования // *Вестник спортивной науки*. 2018. № 6. С. 4–8.
18. Кареев Н.И., Малинов А.В., Долгова Е.А. *Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии* // *Социологическое обозрение*. 2017. № 3. С. 327–365.
19. Шипунова О.Д. Проблема трансляции смысла: логос в системе коммуникации // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2011. № 2 (124). С. 9–15.
20. Перельгут Н.М. К вопросу о стратегиях построения текста // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 43 (181). Вып. 39. С. 113–115.
21. Сигал К.Я. Прескрипторные правила линеаризации в когниции и тексте (на материале русских сочинительных конструкций) // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2005. № 3. С. 11–25.
22. Эйсман А.А. *Заключение эксперта (структура и научное обоснование)*. М.: Юридическая литература, 1967. 152 с.
23. Орлов Ю.К. Логическая структура заключения эксперта как судебного доказательства
8. Robertson B., Vignaux G.A. Probability – The Logic of the Law. *Oxford Journal of Legal Studies*. 1993. Vol. 13. No. 4. P. 457–478. <https://doi.org/10.1093/ojls/13.4.457>
9. Istomina N.S. Logical Laws in Proof: Law of Excluded Middle and Law of Sufficient Reason in Proof. *Economic Problems and Legal Practice*. 2013. No. 4. P. 73–75. (In Russ.)
10. Paul R., Aitken C. *The Logic of Forensic Proof: Inferential Reasoning in Criminal Evidence and Forensic Science. Guidance for Judges, Lawyers, Forensic Scientists and Expert Witnesses: Practitioner guide No. 3*. Royal Statistical Society, 2013. 159 p.
11. Saks M.J., Faigman D.L. Failed Forensics: How Forensic Science Lost Its Way and How It Might Yet Find It // *Annual Review of Law and Social Science*. 2008. Vol. 4. P. 149–171. <https://doi.org/10.1146/annurev.lawsocsci.4.110707.172303>
12. Balashov S.K. About Construction’s Scheme of Common Chain of Causal Relationship of a Crime. *Philosophy of Law*. 2016. No. 1 (74). P. 64–67. (In Russ.)
13. Balashov S.K. Formal Logic and Criminal law. *Philosophy of Law*. 2014. No. 6 (67). P. 30–33. (In Russ.)
14. Cherdantsev A.F. *Logical and Linguistic Phenomena in Jurisprudence. Monograph*. Moscow: Norma, Infra-M, 2012. 320 p. (In Russ.)
15. Krivoukhova Yu.A. Laws of Logic and Their Application in Scientific Theory. *Symbol of Science*. 2017. No. 1. P. 117–119. (In Russ.)
16. Listvina E.G. Propositional Attitudes and Scientific Knowledge in Culture. *International Research Journal*. 2016. No. 2 (44). Part 4. P. 91–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.44.114>
17. Gorelov A.A., Rumba O.G., Shustin B.N., Yakhontov E.R. Logic and Basic Stages of the Organization Scientific Research. *Sports Science Bulletin*. 2018. No. 6. P. 4–8. (In Russ.)
18. Kareev N.I., Malinov A.V., Dolgova E.A. The General of Methodology of the Humanities. Chapter 2. The Logical Prerequisites of the Methodology. *Russian Sociological Review*. 2017. No. 3. P. 327–365. (In Russ.)
19. Shipunova O.D. The Problem of Sense Translation: “Logos” in Communication System. *Society. Communication. Education*. 2011. No. 2 (124). P. 9–15. (In Russ.)
20. Perelgut N.M. On the Question of Strategies for Constructing a Text. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2009. No. 43 (181). Issue 39. P. 113–115.
21. Seagal K.Y. Rescriptive Rules of Linearization in Cognition and Text (on the Material of Russian Coordinating Constructions). *Issues of Cognitive Linguistics*. 2005. No. 3. P. 11–25. (In Russ.)
22. Eisman A.A. *Expert Opinion (Structure and Scientific Validation)*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1967. 152 p. (In Russ.)
23. Orlov Yu.K. Logical Structure of an Expert’s Opinion as Judicial Evidence. *Theoretical*

- / Теоретические вопросы судебной экспертизы. Сборник науч. трудов. М.: ВНИИСЭ, 1981. Вып. 48. С. 3–22.
24. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М.: Юрист, 1995. 64 с.
25. Пучкова Т.М. Сущность и классификация задач в судебных экспертизах / Теоретические и практические вопросы судебной экспертизы. Сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1979. Вып. 38. С. 52–72.
26. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: ИПК РФЦСЭ. 2005. 264 с.
27. Корнакова С.В. Искусство убеждения как необходимый компонент профессиональной компетентности адвоката-защитника // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 7–13.
- Questions of Forensic Expertise. Collection of Scientific Papers.* Moscow: VNIISE, 1981. Issue 48. P. 3–22. (In Russ.)
24. Orlov Yu.K. *Expert's Opinion and Its Assessment (in Criminal Cases).* Moscow: Yurist, 1995. 64 p. (In Russ.)
25. Puchkova T.M. The Essence and Classification of Tasks in Forensic Examinations. *Theoretical and Practical Questions of Forensic Expertise. Collection of Scientific Papers.* Moscow: VNIISE, 1979. Issue 38. P. 52–72. (In Russ.)
26. Orlov Yu.K. *Forensic Expertise as a Means of Proof in Criminal Proceedings.* Moscow: IPK RFCFS, 2005. 264 p. (In Russ.)
27. Kornakova S.V. The Art of Persuasion as a Necessary Component of the Professional Competence of a Defense Counsel. *Legal Science and Law Enforcement Practice.* 2019. No. 1 (47). P. 7–13. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бутырин Андрей Юрьевич – д. юр. н., профессор кафедры организации строительства и управления недвижимостью Московского государственного строительного университета; заведующий лабораторией судебной строительной-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: stroisud@mail.ru

Статива Екатерина Борисовна – к. юр. н., доцент кафедры организации строительства и управления недвижимостью Московского государственного строительного университета; ведущий государственный судебный эксперт лаборатории судебной строительной-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: stroisud@mail.ru

Манухина Ольга Алексеевна – старший преподаватель кафедры организации строительства и управления недвижимостью Московского государственного строительного университета; e-mail: dek508@mgsu.ru

Статья поступила: 15.12.2020

После доработки: 22.01.2021

Принята к печати: 15.02.2021

ABOUT THE AUTHORS

Butyrin Andrei Yur'evich – Doctor of Law, Professor at the Department of Construction and Property Management, Moscow State University of Civil Engineering; Head of the Laboratory of Construction Forensics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: stroisud@mail.ru

Stativa Ekaterina Borisovna – Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Construction and Property Management, Moscow State University of Civil Engineering; Leading State Forensic Expert of the Laboratory of Construction Forensics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: stroisud@mail.ru

Manukhina Olga Alekseevna – Senior Lecturer at the Department of Construction and Property Management, Moscow State University of Civil Engineering; e-mail: dek508@mgsu.ru

Received: December 15, 2020

Revised: January 22, 2021

Accepted: February 15, 2021

Система понятий как метаязык судебной экспертологии

 В.О. Кузнецов

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Понятия буквально пронизывают всю структуру судебно-экспертной деятельности, образуя особую систему терминов, организуя метаязык судебной экспертологии как науки, отличающий ее от смежных юридических наук – криминалистики и процессуального права. Цель статьи – рассмотреть систему понятий судебной экспертологии. Отмечена неоднородность ее терминологического и понятийного аппаратов, что обусловлено синтетической природой науки. На основе уже существующих классификаций понятий и терминов общей теории судебной экспертизы предложена новая классификация, включающая не только традиционно выделяемые общенаучные, частнонаучные, правовые понятия и специальные понятия языка судебной экспертологии, но и так называемые экспертные понятия – междисциплинарные, промежуточные понятия, полученные в результате трансформации данных базовых наук. Междисциплинарные понятия составляют теоретическую, концептуальную основу некоторых родов судебной экспертизы, прежде всего комплексной судебной психолого-психиатрической и судебной психологической экспертиз, где они традиционно называются «экспертными». Будучи употребленным в кавычках, слово «экспертные» свидетельствует об условности терминов, указывая на область применения, функционирования понятий, противопоставляя их одноименным юридическим понятиям и категориям базовых наук.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, судебная экспертология, метаязык, экспертные понятия, материнские науки*

Для цитирования: Кузнецов В.О. Система понятий как метаязык судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 33–46.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-33-46>

The System of Concepts As a Metalanguage of Forensic Science

 Vitaly O. Kuznetsov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. Concepts are an integral part of a forensic activity forming a specific terminological system, determining forensic science's metalanguage, distinguishing it from the related legal sciences: criminalistics and procedural law. The article aims to review the conceptual system of forensic science. The authors point out the heterogeneity of its terminological and conceptual systems, which results from the synthetic nature of this science. Based on the existing classifications of concepts and terms of the general theory of forensic science, a new classification is proposed, including not only traditionally recognized terms such as general and specific scientific, legal notions and special concepts of forensic expertology language, but also the so-called expert concepts: interdisciplinary, intermediate notions, obtained as a result of the transformation of basic sciences's data. Interdisciplinary notions form the theoretical and conceptual framework for some kinds of forensic examinations, first of all, complex forensic psychological and psychiatric and forensic psychological examinations, which traditionally refer to them as "expert". When used in quotation marks, the word "expert" indicates the terms' conditional character, indicating the scope of application and functioning of the concepts, contrasting them to the legal concepts of the same name and basic sciences' categories.

Keywords: *forensic science, forensic expertology, metalanguage, expert concepts, basic sciences*

For citation: Kuznetsov V.O. The System of Concepts As a Metalanguage of Forensic Science. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 33–46. (In Russ.).

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-33-46>

Введение

В настоящее время можно считать состоявшимся появление судебной экспертологии – самостоятельной науки, которая имеет разделы: общая теория судебной экспертологии, правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности (СЭД), ее организационное обеспечение и судебно-экспертные технологии [1]. Каждый из перечисленных структурных блоков, прежде всего общетеоретический, активно развивается, что обусловлено потребностями современного судопроизводства, а именно жесткими требованиями к научной обоснованности экспертного заключения и достоверности выводов эксперта. В связи с этим возникает особая потребность в развитии положений, связанных с языком судебной экспертологии, в частности с системой экспертных понятий, на которой строится как общая теория науки, так и частные теории отдельных родов и видов судебных экспертиз. С точки зрения общей теории судебной экспертологии язык судебной экспертизы и ее понятийно-терминологический аппарат рассматривались в единственном на настоящий момент диссертационном исследовании Д.В. Панариной¹. В нем подробно освещены вопросы формирования и развития языка судебной экспертологии в аспекте терминологии базовых методологических понятий и определений общей теории судебной экспертизы, унификации, формализации и стандартизации ее языка.

В данной статье нами предпринята попытка рассмотрения системы понятий современной судебной экспертологии как специфического метаязыка этой отрасли науки. Для этого необходимо рассмотреть проблему языка судебной экспертологии в ретроспективном аспекте, а также ее современное состояние.

Язык судебной экспертологии: история изучения и современное состояние

Впервые вопрос о языке судебной экспертологии был поднят в конце 70-х годов прошлого века А.И. Винбергом и Н.Т. Малаховской в фундаментальном труде «Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз)» [2]. Положения концепции авторов о судебной экспертологии как отдельной науке о судебной экспертизе были

подвергнуты в то время жесткой критике со стороны большинства ученых. При этом, как отмечает Е.Р. Россинская, в трудах которой была возрождена идея о создании полноценной науки о судебной экспертизе и СЭД, работа А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской «дала новый мощный импульс для исследований в области общей теории судебной экспертизы» [1].

Большую роль в формировании и развитии учения о языке судебной экспертологии, в том числе и на современном этапе, сыграли концептуальные положения учения о языке криминалистики, разработанные в трудах ученых-криминалистов. Так, Р.С. Белкин и А.И. Винберг в работе 1973 года, говоря о языке криминалистики как об одной из составляющих общей теории криминалистики, рассматривали его в аспекте знаковой теории – семиотики. По их мнению, язык криминалистики состоит из нескольких элементов: элементов естественного языка, языка науки, формализованного языка и информационно-поискового языка [3, с. 229–238]. Авторы сформулировали понятие языка криминалистики как системы ее общих и частных понятий, выражаемых определениями и обозначениями (терминами, знаками) [там же, с. 238], при этом тенденциями развития языка криминалистики являются расширение круга употребляемых определений, их изменение и дифференциация, унификация терминологии, разработка знаковых систем криминалистики [там же, с. 239–243].

Концепция языка криминалистики получила развитие в последующих работах Р.С. Белкина [4, 5], а также в трудах других ученых-криминалистов (например, [6–8]). В русле этих работ проводились и проводятся в настоящее время исследования в области языка судебной экспертизы и языка эксперта. При этом теоретические положения о составляющих языка криминалистики (естественный язык, язык науки и формализованный язык), системе понятий, тенденциях развития этого языка стали ключевыми для учения о языке судебной экспертологии.

А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская в упоминавшемся выше труде рассматривали язык судебного эксперта (уже относительно судебной экспертологии) как составную часть языка науки и сформулировали определение языка эксперта, во многом схожее с определением языка криминалистики: «Язык науки, включая и язык судеб-

¹ Панарина Д.В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы. Дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 238 с.

ного эксперта, представляет собой систему понятий, выражаемых определениями и обозначениями (терминами, знаками)» [2, с. 14]. По их мнению, научные понятия, составляющие язык судебной экспертизы, играют большую роль в создании теоретической системы такой новой для того времени отрасли науки, как судебная экспертология: «Теория судебной экспертологии должна строиться на четких научных понятиях. В этой связи уместно показать общее значение научных понятий для разработки любой новой отрасли интегральной науки, имея при этом в виду, что в процессе дифференциации в каждой отрасли знания действуют свои специфические понятия, свой специфический для данной отрасли знания язык, своя особенность понятийного аппарата <...> Формирование каждого нового понятия может служить основой создания теоретической системы» [там же, с. 8–9].

Следует согласиться с мнением авторов, что особое значение имеет положение об унифицированном языке судебного эксперта, его создание – важнейшая задача судебной экспертологии: «Судебная экспертология в этом плане, при разработке общенаучных понятий, объединяя в своей целостной системе научные основы самых различных судебных предметных наук, должна считать одной из своих важнейших задач выработку единого языка интегрированной теории судебных экспертиз, охватывающего общие научные понятия, присутствующие всем судебным предметным наукам и соответственно теории судебных экспертиз» [2, с. 13]. Его выработка необходима в том числе для оптимизации решения экспертных задач, а именно их алгоритмизации [там же, с. 14]. Развивая идею об унифицированном языке судебного эксперта, А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская подчеркивают необходимость сделать этот язык общепонятным для экспертов, следствия и суда: «Унифицируемый язык судебного эксперта должен быть одинаково понятным как судебным экспертам, так и следственным и судебным работникам» [там же, с. 13].

Большим шагом к выработке такого унифицированного общепонятного языка явилось создание и издание на базе Всесоюзного научно-исследовательского института судебной экспертизы Минюста СССР в 80-х годах прошлого века словаря основных терминов судебных экспертиз (1980), а также словарей терминов отдельных родов судебных экспертиз: судебно-

почерковедческой (1981), судебно-баллистической (1984), технической экспертизы документов (1985), психологической, трактологической (1986), бухгалтерской, экономической, почвоведческой, криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий (1987), автотехнической (1988) и др. Создание этой серии словарей свидетельствовало о «наличии специфического языка как общей теории, так и частных теорий в науке о судебной экспертизе и об органической связи как этих теорий, так и их языков» [9, с. 64].

Дальнейшие исследования проходили в русле формирующейся науки о судебной экспертизе – общей теории судебной экспертизы, а затем – судебной экспертологии. Авторы монографии 1997 года рассматривают язык общей теории судебной экспертизы как явление, еще только находящееся в стадии формирования: «Как всякая научная теория, общая теория судебной экспертизы должна быть сконструирована из четких, однозначно воспринимаемых научных понятий, а ее язык в достаточной мере унифицирован хотя бы настолько, чтобы им могли пользоваться судебные эксперты различных специальностей, следователи, судьи» [там же, с. 62–63]. Действительно, в настоящее время, несмотря на разработанность теории судебной экспертизы, не все термины и понятия в ней однозначно определяемы.

Т.В. Аверьянова, предлагая модельную структуру общей теории судебной экспертизы, рассматривает в качестве отдельного раздела учение о средствах и формах коммуникативной деятельности при производстве судебных экспертиз и информационных процессах. Центральной частью учения является «язык эксперта, система экспертных понятий и обозначающих их терминов, проблемы формализации экспертного языка и компьютеризации на этой основе судебных экспертиз» [10, с. 103]. Вслед за Р.С. Белкиным Т.В. Аверьянова выделяет в качестве источников языка судебной экспертизы три категории: естественный язык, язык науки и формализованный язык [там же, с. 106].

Е.Р. Россинская в разработанной ею модели современной судебной экспертологии предлагает учение о формах и средствах коммуникативной деятельности эксперта [1].

Придерживаясь положения о трех видах языка, составляющих язык судебного эксперта – естественный язык (общеупотре-

бительный), язык науки (специализированный), формализованный язык (символический, знаковый), – авторы современной концепции судебной экспертологии полагают, что на современном этапе целесообразно говорить о синтезе всех трех видов языков, обслуживающих СЭД [11]. Представляется, что данное положение более корректно, нежели идея о трех видах языка, используемых в судебной экспертизе. Развивая положение о системе экспертных понятий, авторы полагают, что термины и понятия, входящие в язык судебного эксперта, неоднородны в связи с межотраслевым, интегративным характером самой судебной экспертологии: «...судебная экспертология должна использовать соответствующий междисциплинарный терминологический аппарат» [там же, с. 59]. При этом, по мнению авторов книги, задачей общей теории судебной экспертологии является упорядочение терминологии, ее систематизация и унификация, что обусловлено многозначностью, нечеткостью, расплывчатостью терминов [там же].

Язык судебной экспертизы в аспекте тенденций формирования и развития рассматривается нижегородскими учеными В.А. Юматовым, Т.В. Радбилом, О.А. Нестеровой. В основу их исследований положены тенденции развития языка криминалистики, обозначенные Р.С. Белкиным. По мнению В.А. Юматова и О.А. Нестеровой, более эффективно развивать язык судебной экспертизы под контролем языковедов: «...наши рекомендации заключаются в том, что указанные выше тенденции развития языка криминалистики и судебной экспертизы должны протекать под направляющим и корректирующим контролем со стороны ученых-лингвистов» [12]. Это прежде всего касается унификации терминологии, систематизации понятий и определений языка судебной экспертизы путем создания тезаурусов. Как указывают Т.Б. Радбиль и В.А. Юматов, на настоящий момент создан номинативный тезаурус², затем должен быть создан функциональный тезаурус, а в конечном счете – полный тезаурус, где «...главной целью будет являться повышение точности и полноты классификации за счет максимально полного учета всех возможных, в том числе междисциплинарных, связей и отношений систематизированных объектов с условиями их возникновения, функционирования, развития» [13]. Мы

не согласны с необходимостью контроля развития языка криминалистики и судебной экспертизы со стороны ученых-лингвистов, поскольку в данном случае мы не имеем дело с лингвистическими терминами и понятиями. Вместе с тем нельзя не согласиться с точкой зрения Т.Б. Радбиля и В.А. Юматова, что язык науки, являющийся одним из источников языка судебной экспертизы, необходимо рассматривать как метаязык, т. е. это «специально созданная, во многом искусственная знаковая система описания предмета научных исследований» [там же], дополняющая естественный язык терминами.

Исследователь языка научного общения в лингвистическом аспекте, в том числе метаязыка, Н.Б. Гвишиани отмечает, что метаязык является языком второго порядка, т. е. языком описания естественного языка, инвентаризации терминов (понятий и номенклатур) [14]. Она выделяет три основных аспекта метаязыка: 1) собственно термины, 2) своеобразные сочетания слов, 3) определенный социолингвистический аспект [15, с. 46], которые в целом соотносятся с существующим пониманием языка современной судебной экспертологии как отрасли науки.

Большой вклад в развитие учения о языке судебной экспертологии внесли ученые Тульского государственного университета Т.В. Толстухина, А.А. Светличный и Д.В. Панарина. Ими дано принципиально новое определение языка судебной экспертизы как межотраслевого института: «Язык судебной экспертизы – это специальная знаковая система, выступающая средством реализации научного и практического мышления, обусловленного методологией судебной экспертизы, и понятийно согласуемая с общей системой судопроизводства» [16]; «Язык судебной экспертизы – это сложное системное комплексное понятийно-терминологическое образование, имеющее постоянно развивающуюся и совершенствующуюся структуру, выступающее способом и средством осуществления судебно-экспертного научного мышления, обусловленного объектом и задачами исследования в конкретной области, и понятийно согласуемое с общей системой судопроизводства» [17]. В обоих определениях ученые отмечают понятийную согласованность языка судебной экспертизы с общей системой судопроизводства, что, на наш взгляд, является верным и важным с точки

² Имеется в виду «Словарь основных терминов судебных экспертиз». М.: СУДЭК, 2009. 114 с. – Прим. автора.

зрения места СЭД в системе судопроизводства, а также связи судебной экспертологии со смежными процессуальными науками.

Т.В. Толстухина, А.А. Светличный и Д.В. Панарина подчеркивают строгость и однозначность языка общей теории судебной экспертизы в отличие от языка криминалистики и процессуального права: «Более строгим и однозначным следует признать язык общей теории судебной экспертизы, поскольку он более формализован, представляет собой симбиоз языкового множества наук и по своей природе является неким интегрированным явлением, вобрав в себя термины и определения естественных, технических, экономических, искусствоведческих, химических и других наук, сопровождаемых юридическими положениями и нормами» [16].

Особого внимания заслуживает рассмотрение этими учеными языка судебной экспертизы в аспекте терминоведения. По их мнению, «языковая политика общей теории судебной экспертизы должна быть выстроена в соответствии с принципами общего терминоведения, образуя свою специальную терминосистему, и должна быть органично интегрирована в общую терминологическую систему юридических наук» [18]. Они выделяют следующие направления развития системы терминологии общей теории судебной экспертизы: инвентаризацию терминов (сбор, описание и систематизация терминов), унификацию терминов (упорядочение, стандартизация, редактирование терминов) и терминографию (создание словарей и банков терминов, разработку стандартов терминов) [там же].

Перечисленные направления развития общей теории судебной экспертизы подробно освещены в уже упоминавшемся диссертационном исследовании Д.В. Панариной, где автор выявила закономерности развития языка общей теории судебной экспертизы, связанные «с изменением терминов и определений, обусловленным развитием и изменением знания о предмете и объекте общей теории судебной экспертизы; с внедрением в экспертную практику инновационных технологий и знаковых систем языка; с изменением нормативных требований, предъявляемых к языку науки; с развитием языка смежных процессуальных юридических наук и криминалистики». Она также выделила основные тенденции развития языка судебной экспертологии на современном этапе: ин-

вентаризацию терминов, их унификацию и терминографию и разработку систематизированного знания о языке общей теории судебной экспертизы.

В работах Е.И. Галяшиной язык судебной экспертологии рассматривается в аспекте разработанной ею концепции судебного речеведения. Она дает следующее определение языка экспертизы – «...система общих и частных признаков, выражаемых определениями и обозначениями (терминами, знаками). <...> Язык экспертизы призван унифицировать термины, общие для всех классов, родов экспертиз, обеспечивать постоянное пополнение и обновление терминов в частных теориях родов судебных экспертиз, развивать формализованный язык в целях математизации и компьютеризации производства экспертиз» [19, с. 319].

Е.И. Галяшина по отношению к языку судебного эксперта совершенно справедливо использует распространенное в научной литературе понятие «язык для специальных целей»/«специальный язык»: «выделение такого понятия, как специальный язык, язык специальных знаний (метаязык судебной экспертной деятельности), связано с историческим разделением труда и необходимостью общения на профессиональные темы. Язык эксперта является специальным языком, реализуемым на практике в виде заключения эксперта (специалиста) и его показаний в ходе допроса» [там же, с. 264].

Как отмечает автор, к языку эксперта как специальному языку предъявляется ряд требований, прежде всего ориентация на адресата, доступность для понимания любому лицу, однозначность понимания: «Заключение составляет лицо, обладающее специальными знаниями и использующее эти знания для достижения поставленной цели – ответа на вопросы. Используя язык науки либо иной специальный язык, эксперт должен учитывать возможность восприятия данного заключения. Формализация и унификация языка экспертного заключения – закономерный процесс, позволяющий более эффективно использовать данный вид доказательства» [там же, с. 270].

Многие ученые, в том числе и Е.И. Галяшина, рассматривают унификацию языка судебной экспертизы как одну из тенденций развития судебной экспертологии. В свою очередь унификация связана с таким трендом в СЭД, как стандартизация.

Как подчеркивает О.А. Крестовников, стандартизация терминологии судебной

экспертизы благотворно скажется на развитии языка общей теории судебной экспертизы в целом: «В этой связи справедливо ставить вопрос о необходимости упорядочения и стандартизации (международной в том числе) терминологии судебной экспертизы, судебно-экспертной деятельности, т. е. о разработке общей концепции терминологической деятельности, что способствовало бы развитию языка общей теории судебной экспертизы, разработке специализированных тезаурусов, единых баз данных и стандартов проведения экспертиз, а также внедрению их результатов в практическую деятельность» [20].

Говоря о стандартизации терминологии СЭД, С.Н. Нефедов подчеркивает важность этого процесса для судопроизводства: «Термины в судебной экспертизе – это не только средства коммуникации экспертов, это также язык общения и взаимодействия эксперта со всеми участниками процесса, от которого зависят правильность понимания результатов экспертизы и решение наиболее сложных проблем и ситуаций, возникающих в ходе следствия и судебного разбирательства» [21].

А.И. Усов, Г.Г. Омелянюк и Е.В. Чеснокова отмечают необходимость выработки единого технического языка судебной экспертизы: «Основной задачей на современном этапе развития отношений с международным сообществом является выработка единого технического языка, включая терминологию в области судебной экспертизы» [22]. Вместе с тем данный вопрос является проблемным – имеют место трудности сопоставления терминов и определений международного стандарта и терминологии отечественной судебной экспертологии, что, как справедливо отмечает Е.В. Чеснокова, обусловлено двумя факторами: «относительностью сформированности отечественной терминологии в теории судебной экспертизы и особенностями перевода некоторых английских терминов» [23].

В России и мире в этом направлении ведется активная работа. Так, Техническим комитетом по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» разработаны восемь национальных стандартов, уточняющих термины и определения в области различных судебных экспертиз, которые действуют в настоящее время³. Кроме того, приняты две части

международного стандарта: (1) ISO 21042-1:2018 Forensic Sciences – Part 1: Terms and definitions и (2) ISO 21042-2:2018 Forensic Sciences – Part 2: Recognition, Recording, Collecting, Transport and Storage of Items. Первая часть стандарта⁴ имеет прямое отношение к языку судебной экспертизы, а именно к его терминологической системе. В этом документе даются определения таким базовым терминам судебной экспертизы, как examination, forensic, document и т. п.

Исследования языка судебной экспертизы за рубежом на фундаментальном уровне не проводятся, они заключаются в целом лишь в стандартизации и фиксации терминов. Помимо стандарта ISO, можно отметить множество словарей судебных экспертиз различных родов и видов, выпущенных в разных странах. Например, глоссарий по судебной экспертизе [24] и иллюстрированный словарь по судебной экспертизе [25] Бреннера (J.C. Brenner, 1997, 2003), словарь судебной экспертизы Белла (S. Bell, 2012) [26], словарь по судебной психологии [27] и др. [28].

При этом за рубежом язык права активно изучается с 60–70-х гг. прошлого века в рамках прикладной лингвистики. Существует целое направление, исследующее различные сферы юридического языка. В английской традиции данное направление обозначается различными терминами: language and law, legal language, legalese и др. [29–32].

Итак, язык судебной экспертологии представляет собой сложный и многогранный феномен, связанный со всеми аспектами СЭД.

Метаязык судебной экспертологии

Как было показано выше, язык судебной экспертологии в основном определяется учеными как система понятий. Не является исключением и понимание языка судебной экспертизы Л.Г. Эджубовым: «Язык судебной экспертизы – система общих и частных понятий и правил их использования, предназначенная для оптимального и эффективного проведения экспертного исследования, описания этого процесса и представления его результатов» [33]. В данном емком определении, с одной стороны, акцентируется внимание на использовании системы понятий в целях создания основного продукта СЭД – заключения эксперта, с другой

³ ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России / Стандартизация судебно-экспертной деятельности. <http://www.sudexpert.ru/standards/> (дата обращения: 15.02.2021).

⁴ В русском переводе: ИСО 21043-1:2018 «Судебная экспертиза – Часть 1: Термины и определения».

– в нем затронуты все аспекты судебно-экспертной деятельности, задействованные в создании этого продукта. Таким образом, понятия буквально пронизывают всю систему судебно-экспертологии, образуя специфическую систему терминов и понятий, организуя метаязык судебно-экспертологии как науки, отличающий ее от смежных юридических наук – криминалистики и процессуального права.

Многие исследователи отмечают интегрированность судебно-экспертологии и обусловленную этим неоднородность ее понятий и терминов. В этой связи Д.В. Панарина пишет: «Язык общей теории судебно-экспертной экспертизы представляет собой симбиоз множества наук и по своей природе является неким интегрированным явлением, вобрав в себя термины и определения естественных, технических, экономических, искусствоведческих, химических и других наук, обогатив его юридическими положениями и нормами» [17]. О неоднородности используемого судебно-экспертологией терминологического и понятийного аппаратов свидетельствуют и существующие модели общей структуры судебно-экспертологии (см., например, [1, с. 17; 34; 35, с. 473]), в целом отражающие синтетическую природу этой науки.

А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская видят причину этой неоднородности в том, что «... базисом понятийного аппарата экспертологии является экспертная, следственная и судебная практика, которая получает свое отражение и теоретически реализуется в научных понятиях» [2, с. 11], а также многие области знания, задействованные для решения экспертных задач: судебная экспертология, по их мнению, «вбирает в себя научные основы многочисленных отраслей знаний – предметных судебных наук, отражающих все усиливающуюся тенденцию комплексного исследования вещественных доказательств, а также применение современных возможностей химии, физики, биологии, кибернетики, математики и других наук при изучении различных объектов исследования судебных экспертиз и необходимых для решения экспертных задач. Общенаучные понятия целенаправлены на синтез знания, на интегративные науки. Наряду с философскими категориями они содействуют объединению предметов различных наук в нечто цельное» [там же, с. 12].

Неоднородность терминологического и понятийного аппаратов судебно-эксперт-

логии отражена и в классификациях терминов и понятий. По мнению авторов монографии «Основы судебно-экспертной экспертизы», система терминов языка судебно-экспертной экспертизы включает в себя три основных элемента:

1) общеупотребительные эмпирические и теоретические термины, в равной мере используемые и в иных теориях;

2) заимствования из языка специализированных экспертных наук;

3) специальные термины языка судебно-экспертной экспертизы как специфической области знания [9, с. 63].

Подобная классификация терминов и понятий языка судебно-экспертной экспертизы приведена и в работе Т.В. Аверьяновой [10]. Более полная, по нашему мнению, классификация была предложена Д.В. Панариной, в которой термины и понятия судебно-экспертной экспертизы выделяются по двум основаниям: областям научного действия и нормативному закреплению (рис. 1). Исходя из этого, Панарина выделяет шесть видов понятий и терминов.

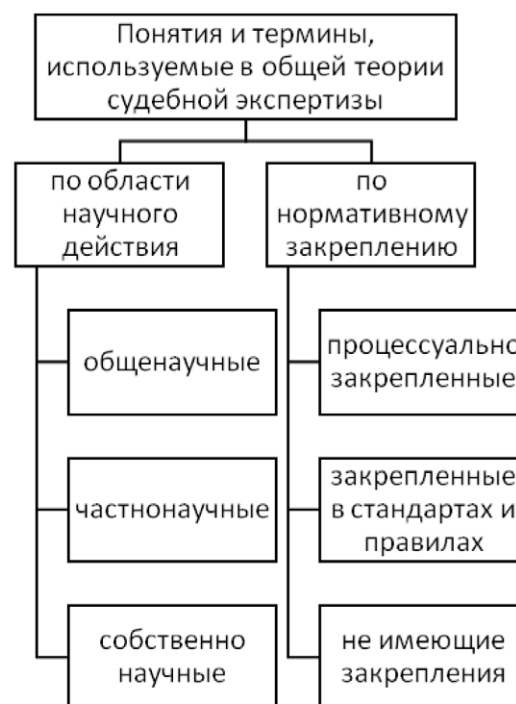

Рис. 1. Классификация понятий и терминов общей теории судебно-экспертной экспертизы, предложенная Д.В. Панариной⁵

Fig. 1. Classification of notions and terms of the general theory of forensic science proposed by D.V. Panarina

⁵ Панарина Д.В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебно-экспертной экспертизы. Дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 238 с. (С. 88).

Отличие данной классификации заключается в том, что термины и понятия, относящиеся к процессуальному праву (процессуально закрепленные понятия и термины), рассматриваются отдельно. Это в целом соответствует выдвинутому Д.В. Панариной положению о наличии объективных оснований для формирования единого межотраслевого терминологического поля – «общей сферы процессуального права, криминалистики, общей теории судебной экспертизы и связанных с ней прикладных наук, образующей единообразное применение, использование и восприятие их терминологии»⁶.

Ученые отмечают относительную устойчивость системы понятий языка судебной экспертологии, несмотря на происходящие изменения в ее элементах. Н.П. Майлис в этой связи подчеркивает следующее: «одни понятия уточняются, развиваются, другие изменяются, появляются новые понятия и категории. Тем не менее эти изменения не затрагивают существенным образом принципов общей теории судебной экспертизы и ее основных категориальных понятий» [36, с. 39]. Следует согласиться с Н.П. Майлис, поскольку, действительно, относительно неизменными остаются основные процессуально закрепленные понятия («эксперт», «специалист», «судебная экспертиза», «комплексная экспертиза» и т. п.), общенаучные понятия (например, «анализ», «синтез», «эксперимент»), а также специальные термины судебной экспертологии («предмет экспертизы», «экспертная задача», «экспертная профилактика», «экспертная инициатива» и т. п.). Относительность неизменности основных категориальных понятий объясняется несоответствиями, лакунами в действующем отраслевом процессуальном законодательстве. Одним из таких процессуально закрепленных понятий является понятие «комплексная экспертиза» (см., например, [37]). Относительность неизменности специальных терминов судебной экспертологии обусловлена несоответствиями, например, названий родов судебных экспертиз в разных ведомствах, дублированием терминов и др. (см., например, [10, с. 115–117; 18, с. 56]).

Наряду с этим в метаязыке судебной экспертологии наблюдается постоянное терминологическое обогащение за счет понятийных и терминологических новаций, что, как справедливо отмечал Л.Г. Эджубов,

«обеспечивается внутренним развитием самой судебной экспертологии» [33, с. 437]. Появление новых понятий и терминов в судебной экспертологии происходит, по мнению ученого, главным образом в результате так называемого лексического заимствования: «...из других научных областей, которые используются судебной экспертизой. Прежде всего это связано с внедрением в практику проведения экспертизы таких научных дисциплин, как математика, физика, химия, информационные технологии и пр. Чаще всего этот процесс касается конкретных видов экспертиз, однако он достаточно заметно обогащает и теорию судебной экспертизы» [там же].

Еще большее значение новым понятиям в судебной экспертологии придавали А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская. По их мнению, «формирование каждого нового понятия может служить основой создания теоретической системы. <...> Научные понятия призваны отражать существенные свойства и их проявления в системе признаков, связи и взаимосвязи, формировать систему приемов, методов и средств для систематизации существующей фактологии. В данном аспекте понятие включает в себя принципиально новое содержание и создает возможность объединить в границах теоретической системы самые разнообразные и, казалось бы, противоречивые и эмпирические данные» [2, с. 9–10]. Они рассматривали научные понятия в аспекте появления междисциплинарной науки судебной экспертологии как фундамент, базис для каждого рода судебных экспертиз: «В интегральной отрасли научного знания – судебной экспертологии – научные понятия и язык судебной экспертизы должны быть строго унифицированы, охватывать общие научные положения, в одинаковой мере относящиеся к каждой предметной экспертной науке, к каждой отрасли знания, на которой базируются соответствующие судебные экспертизы как вид практической деятельности» [там же, с. 9]. При этом интегративный характер судебной экспертологии обуславливает и междисциплинарный, промежуточный характер некоторых понятий этой науки, базирующейся на общенаучных понятиях, которые «способствуют переносу знания из одной специальной науки в другую. При этом общенаучные понятия, используемые в частной науке, трансформируются в категориальный аппарат специальной науки, в котором и функционируют

⁶ Там же. С. 90.

как особый вариант более общего понятия» [там же, с. 11]. В качестве иллюстрации этого положения ученые приводили примеры понятия «идентификационное поле», полученного в результате трансформации общенаучного понятия «информационное поле», а также понятий «диагностическая экспертиза» и «ситуационная экспертиза», заимствованных из других областей знаний. А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская подчеркивали: «Интеграция знаний вызывает унификацию научных понятий, рождение новых понятий, имеющих синтетический характер – общий для ряда отраслевых, предметных наук» [там же, с. 25].

О междисциплинарном характере экспертных понятий до А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской писал еще в 1978 году А.Р. Шляхов: «Трудности состоят в том, что многие термины в области судебной экспертизы содержат синтез двух начал (сторон): юридических и естественнонаучных» [38].

Междисциплинарные понятия составляют теоретическую, концептуальную основу некоторых родов судебной экспертизы, прежде всего комплексной психолого-психиатрической и психологической экспертиз, где они традиционно называются «экспертными». Будучи употребленным в кавычках, слово «экспертные» свидетельствует об условности этого термина, большей частью указывает на область применения, функционирования этих понятий, противопоставление их одноименным юридическим понятиям и категориям базовых наук.

Такое понимание экспертного понятия характерно лишь для части родов (видов) судебной экспертизы, где связь между базовой наукой и судебной экспертизой опосредована, т. е. «когда данные материнских наук трансформируются в специальные познания предметной судебной науки» [2, с. 61].

Категория, подобная термину «экспертные понятия», была разработана и за рубежом, прежде всего в судебной психиатрической экспертизе. Так, в 1973 году междисциплинарной исследовательской группой, возглавляемой психиатром МакГарри (A. Louis McGarry), в связи с разработкой специализированного инструмента для оценки правоспособности гражданина впервые была предложена идея, чтобы правовые критерии правоспособности «были с точностью переведены в психологические и клинические термины и повторно пере-

ведены в соответствующие юридически ориентированные данные»⁷. Анализируя правовые нормы, группа исследователей выявила три класса способностей, соотносимых с определением правоспособности предстать перед судом. Ученые перевели эти юридические понятия в тринадцать психологических «функций» или когнитивных, поведенческих и интеллектуальных конструктов, которые считались важными факторами для описания роли обвиняемого при судебном разбирательстве (например, «качество отношений с адвокатом», «понимание судебного процесса» и др.). Затем эти функции были использованы для создания инструмента оценки правоспособности и скринингового теста правоспособности. При этом данные инструменты оценки должны использоваться в сочетании с другими клиническими методами определения связи между психологическими и клиническими терминами (psychological and clinical terms), а также юридическими критериями дееспособности (legal criteria for competence) [там же].

В 1980-х гг. другие исследователи вслед за междисциплинарной исследовательской группой, возглавляемой МакГарри, работали над инструментами оценки не только правоспособности гражданина предстать перед судом, но и других юридически релевантных способностей. Были разработаны несколько инструментов для оценки способности несовершеннолетних и взрослых давать показания [39] и исследованы методы оценки способности пациентов давать согласие на лечение⁸ [40]. Каждый из ученых стремился разработать стандартизированные количественные методы, с помощью которых можно было бы исследовать аспекты поведения человека, имеющие прямое отношение к вопросам права.

Наибольший интерес представляют работы Гриссо (T. Grisso). Он предложил методы судебно-экспертной оценки – Forensic Assessment Instruments (FAIs) [41, p. 43], специально разработанные или адаптированные из других областей психологии. По его мнению, «FAIs могут улучшить нашу способность концептуализировать отношения между юридическими определениями способностей и психологическими конструкта-

⁷ Competency to Stand Trial and Mental Illness / DHEW Publication No. ADM77-103. Rockville, MD: Department of Health, Education and Welfare, 1973. 125 p.

⁸ Weithorn L. Competency to Render Informed Treatment Decision: A Comparison of Certain Minors and Adults. Doctoral thesis, University of Pittsburgh, 1980. 237 p.

ми, связанными с человеческими способностями» [там же].

В своей работе Гриссо показывает соотношение юридических и психологических конструктов в виде модели. На верхнем уровне представлены концептуальные определения (concept definitions): (А) представляет собой правовой конструкт (legal competence construct), отраженный в правовых нормах, постановлениях, прецедентах; (В) – психологические конструкты (psychological constructs), определяемые теорией психологии и экспериментальными психологическими исследованиями; (С) является психологическим определением юридически релевантных функциональных способностей (psychological definitions of legally relevant functional abilities), которые были логически выведены из анализа правового конструкта. Эти юридически значимые способности в свою очередь концептуализируются как связанные с такими основными психологическими конструктами (В), как «интеллект», «память» и др. Таким образом, конструкт функциональной способности (С) понимается как концептуальная связь между правовым конструктом (А) и основными клиническими или психологическими конструктами (В).

На нижнем уровне модели представлены так называемые операциональные определения (operational definitions), соотношенные, с одной стороны, с психологическими конструктами – (В') – методы клинической (психологической) оценки (clinical assessment instruments), с другой стороны – с психологическим определением юридически релевантных функциональных способностей – (С') – методы судебно-экспертной оценки (forensic assessment instruments). При этом методы судебно-экспертной оценки связаны с методами клинической (психологической) оценки, поскольку многие методы судебно-экспертной оценки получены в результате адаптации, трансформации методов клинической (психологической) оценки [там же, с. 45–46].

Концептуальную основу теории экспертных понятий, разработанной отечественными учеными [34, 35], составили принципы судебной экспертологии, отраженные в труде А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской, прежде всего принцип сравнительного экспертоведения, объясняющий, «как данные материнских фундаментальных (базовых) наук трансформируются в систему специальных познаний в предметной науке, как

эти познания реализуются в практической экспертной деятельности при производстве судебных экспертиз» [2, с. 8].

Ф.С. Сафуанов определяет экспертные понятия как судебно-психологические категории, занимающие «промежуточное положение между общепсихологическими представлениями и юридическими терминами. Они не могут быть заимствованы в неизменном виде из теории психологии, поскольку связь судебно-психологической экспертизы с общей психологией всегда опосредована: общепсихологические понятия не содержат никакой информации об их юридической значимости. <...> В то же время “экспертные” судебно-психологические понятия нельзя признать и полностью правовыми – они носят междисциплинарный характер» [42, с. 112, 113]. Ученый подчеркивает, что «с семиотической точки зрения экспертные понятия обеспечивают коммуникацию между двумя разными языками: психологическим и юридическим» [43].

Экспертные понятия как междисциплинарные категории, полученные в результате трансформации данных базовых наук в зависимости от юридического значения и поэтому занимающие промежуточное положение между понятиями базовых наук и правовыми категориями, играют большую роль в некоторых родах (видах) судебной экспертизы, составляя теоретические и методологические основы этих экспертиз.

Экспертные понятия являются одной из базовых категорий языка современной судебной экспертологии. Они, с одной стороны, имеют природу, определяемую базовой наукой, а с другой – обладают юридическим значением. Благодаря такому двустороннему характеру экспертных понятий, их использование в СЭД в полной мере отвечает, во-первых, задаче такой деятельности – оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, во-вторых – требованиям и принципам регламентирующего ее законодательства, а именно необходимости проведения экспертного исследования в пределах специальных знаний на строго научной и практической основе.

Исходя из этого, данные «экспертные» понятия, по нашему мнению, также входят в систему понятий судебной экспертологии, являются полноправным элементом ее метаязыка.

Рис. 2. Модель метаязыка современной судебной экспертологии
Fig. 2. Model of the metalanguage of contemporary forensic science

Заклучение

Система понятий занимает центральное место в языке современной судебной экспертологии, организуя специфический метаязык судебной экспертологии как науки, в который входят общенаучные понятия, частнонаучные понятия (понятия из различных отраслей знания), специальные понятия языка судебной экспертологии, правовые понятия (прежде всего понятия процессуального законодательства о СЭД), а также экспертные понятия – междисциплинарные категории, занимающие про-

межуточное положение между правовыми понятиями и понятиями так называемых материнских, базовых наук. Модель метаязыка современной судебной экспертологии можно представить следующим образом (рис. 2).

Полагаем, что предложенная модель метаязыка судебной экспертологии является наиболее полной, в связи с чем в большей степени отражает его современное состояние, а именно его многогранность и многоаспектность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинская Е.Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 10–18.
2. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. 181 с.
3. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1973. 264 с.
4. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Том I. Общая теория советской криминалистики. М.: Академия МВД СССР, 1977. 340 с.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987. 272 с.
6. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. 152 с.
7. Волобуев А.Ф. Соотношение понятий «тактический прием» и «тактическая рекомендация» в системе следственной тактики / Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища школа, 1983. Вып. 27. С. 30–33.
8. Егоров Н.Н., Ищенко И.П. Криминалистика. М.: Юрайт, 2020. 545 с.
9. Основы судебной экспертизы. Часть 1. Общая теория / Отв. ред. Ю.Г. Корухов. М.: РФЦСЭ, 1997. 432 с.

REFERENCES

1. Rossinskaya E.R. Modern Judicial Expertology – the Science of Forensics and Forensic Activities. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No.4 (40). P. 10–18. (In Russ.)
2. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. *Forensic Expertology (General Theoretical and Methodological Problems of Forensic Examinations)*. Volgograd: VSSH MVD SSSR, 1979. 181 p. (In Russ.)
3. Belkin R.S., Vinberg A.I. *Forensic Science. General Theoretical Issues*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1973. 264 p. (In Russ.)
4. Belkin R.S. *Course of Soviet Criminalistics. Vol. 1. General Part of Soviet Criminalistics*. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1977. 340 p. (In Russ.)
5. Belkin R.S. *Criminalistics: Problems, Trends, Perspectives. General and Subtheories*. Moscow: Yurid. lit., 1987. 272 p. (In Russ.)
6. Selivanov N.A. *Soviet Criminalistics: Conceptual System*. Moscow: Yurid. lit., 1982. 152 p. (In Russ.)
7. Volobuev A.F. The Relationship between Concepts of “Tactical Option” and “Tactical Recommendation” in the System of Investigative Tactics. *Criminalistics and Forensic Science*. Kiev: Vishcha shkola, 1983. Issue 27. P. 30–33. (In Russ.)
8. Egorov N.N., Ishchenko I.P. *Criminalistics*. Moscow: Yurait, 2020. 545 p. (In Russ.)
9. Korukhov Yu.G. (ed). *The Basics of Forensic Science. Part 1. General Theory*. Moscow: RFCFS, 1997. 432 p. (In Russ.)

10. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 480 с.
10. Aver'yanova T.V. *Forensic Science. General Theory Course*. Moscow: Norma, 2006. 480 p. (In Russ.)
11. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. (Судебная экспертология) / Под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 368 с.
11. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *The Theory of Forensic Science. (Forensic Expertology)* / E.R. Rossinskaya (ed). 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2016. 368 p. (In Russ.)
12. Юматов В.А., Нестерова О.А. Язык криминалистики и судебной экспертизы. Современное состояние и перспективы развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1-1. С. 254–258.
12. Yumatov V.A., Nesterova O.A. The Language of Criminalistics and Forensic Examination. Current State and Development Prospects. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012. No. 1-1. P. 254–258. (In Russ.)
13. Радбилль Т.Б., Юматов В.А. Язык судебной экспертизы: тенденции формирования и развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3-2. С. 185–190.
13. Radbil' T.B., Yumatov V.A. The Language of Forensics: Formation and Development Trends. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014. No. 3-2. P. 185–190. (In Russ.)
14. Гвишиани Н.Б. Метаязык / Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 297–298.
14. Gvishiani N.B. Metalanguage. In: Yartsev V.N. (ed). *Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary*. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998. P. 297–298. (In Russ.)
15. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии). Монография. М.: Высшая школа, 1986. 280 с.
15. Gvishiani N.B. *The Language of Scientific Communication (Methodological Issues)*. Monograph. Moscow: Vysshaya shkola, 1986. 280 p. (In Russ.)
16. Толстухина Т.В., Светличный А.А., Панарина Д.В. Терминологические проблемы языка межотраслевого института судебной экспертизы // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 647–652.
16. Tolstukhina T.V., Svetlichny A.A., Panarina D.V. Terminological Problems of the Language of the Interdisciplinary Institute of Forensic Examination. *Questions of Expert Practice*. 2019. No. S1. P. 647–652. (In Russ.)
17. Панарина Д.В. Язык криминалистики и судебной экспертизы в структуре научного знания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1-2. С. 143–150.
17. Panarina D.V. Language Criminalistics and Forensic Expertise in Structure of Scientific Knowledge. *Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2017. No. 1–2. P. 143–150. (In Russ.)
18. Толстухина Т.В., Светличный А.А., Панарина Д.В. Основные научные направления терминоведения общей теории судебной экспертизы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-2. С. 52–60.
18. Tolstukhina T.V., Svetlichny A.A., Panarina D.V. The Main Scientific Areas of Terminology General Theory of Forensics. *Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2018. No. 4–2. P. 52–60. (In Russ.)
19. Галяшина Е.И. Судебное речеведение. Учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2020. 320 с.
19. Galyashina E.I. *Forensic Speech Studies. Textbook*. Moscow: Norma: Infra-M, 2020. 320 p. (In Russ.)
20. Крестовников О.А. К вопросу о развитии языка общей теории судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. № 13 (4). С. 24–27. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-24-27>
20. Krestovnikov O.A. Developing the Language of the General Theory of Forensic Science. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 24–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-24-27>
21. Нефедов С.Н. Стандартизация методического обеспечения судебно-экспертной деятельности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1 (39). С. 61–72.
21. Nefedov S.N. Standardization of Methodical Support of Forensic Activity. *Issues of Criminology, Forensics and Forensic Examination*. 2016. No. 1 (39). P. 61–72. (In Russ.)
22. Усов А.И., Омелянюк Г.Г., Чеснокова Е.В. Стандартизация в судебно-экспертной деятельности: прогнозы и решения // Закон. 2019. № 10. С. 55–62.
22. Usov A.I., Omel'yanyuk G.G., Chesnokova E.V. Standardization in Forensics: Prospects and Suggestions. *Law*. 2019. No. 10. P. 55–62. (In Russ.)
23. Чеснокова Е.В. Соотношение терминов и определений международного стандарта ИСО 21043-1-2018 и терминологии отечественной судебной экспертологии // Теория
23. Chesnokova E.V. Correspondence between the Terms and Definitions of the International Standard ISO 21043-1-2018 and Terminology Developed by National Forensic Expertology.

- и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 44–49. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-44-49>
24. Brenner J.C. *Forensic Science Glossary*. Boca Raton: CRC Press, 1997. 174 p.
 25. Brenner J.C. *Forensic Science: An Illustrated Dictionary*. Boca Raton: CRC press, 2003. 286 p.
 26. Bell S. *Dictionary of Forensic Science*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 320 p.
 27. Towl G.J., Farrington D.P., Crighton D.A., Hughes G. (eds). *Dictionary of Forensic Psychology*. Cullompton: Willan, Taylor & Francis, 2008. 256 p.
 28. Tilstone W.J., Savage K.A., Clark L.A. *Forensic Science: An Encyclopedia of History, Methods, and Techniques*. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 2006. 307 p.
 29. Mellinkoff D. *The Language of the Law*. Boston: Little, Brown and Company, 1963. 526 p.
 30. Gibbons J., Prakasam V. *Language in the Law*. New Delhi: Orient Longman, 2004. 146 p.
 31. Tiersma P.M., Solan L.M. (eds). *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 642 p.
 32. Mowbray J. *Linguistic Justice: International Law and Language Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 227 p.
 33. Эдзубов Л.Г. Язык судебной экспертизы / Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. II. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под ред. С.А. Смирновой. М.: Эком, 2012. С. 434–439.
 34. Дьяконова О.Г. Понятие и структура предмета науки «судебная экспертология» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12 (16). С. 86–99.
 35. Дьяконова О.Г. Теоретические основы судебной экспертологии. Монография. М.: Проспект, 2017. 480 с.
 36. Майлис Н.П. Введение в судебную экспертизу. Учебное пособие. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 112 с.
 37. Усов А.И., Эдзубов Л.Г., Микляева О.В., Карпухина Е.С. Проблемы комплексности в теории и практике судебной экспертизы (теоретический анализ). М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2015. 132 с.
 38. Шляхов А.Р. Пути повышения роли судебной экспертизы // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 82–87.
 39. Grisso T. *Juveniles Waiver of Rights: Legal and Psychological Competence*. New York: Plenum Press, 1981. 295 p.
 40. Roth L., Lidz C., Meisel A., Soloff P., Kaufman F., Spike D., Foster R. Competency to Decide about Treatment or Research: An Overview of Some Empirical Data // *International Journal of Law and Psychiatry*. 1982. Vol. 5. No. 1. P. 29–50. [https://doi.org/10.1016/0160-2527\(82\)90013-9](https://doi.org/10.1016/0160-2527(82)90013-9)
 41. Grisso T. Empirical Assessments for Legal Competencies. In: Grisso T., Borum R., Edens J., Moye J., Otto R. *Evaluating Competencies. Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 44–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-44-49>
 24. Brenner J.C. *Forensic Science Glossary*. Boca Raton: CRC Press, 1997. 174 p.
 25. Brenner J.C. *Forensic Science: An Illustrated Dictionary*. Boca Raton: CRC press, 2003. 286 p.
 26. Bell S. *Dictionary of Forensic Science*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 320 p.
 27. Towl G.J., Farrington D.P., Crighton D.A., Hughes G. (eds). *Dictionary of Forensic Psychology*. Cullompton: Willan, Taylor & Francis, 2008. 256 p.
 28. Tilstone W.J., Savage K.A., Clark L.A. *Forensic Science: An Encyclopedia of History, Methods, and Techniques*. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 2006. 307 p.
 29. Mellinkoff D. *The Language of the Law*. Boston: Little, Brown and Company, 1963. 526 p.
 30. Gibbons J., Prakasam V. *Language in the Law*. New Delhi: Orient Longman, 2004. 146 p.
 31. Tiersma P.M., Solan L.M. (eds). *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 642 p.
 32. Mowbray J. *Linguistic Justice: International Law and Language Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 227 p.
 33. Edzhubov L.G. The Language of Forensic Examination. In: Smirnova S.A. (ed). *Multimodal Edition "Forensic Science. Reboot". Part 2. Dictionary of Forensic Science*. Moscow: Ekom, 2012. P. 434–439. (In Russ.)
 34. D'yakonova O.G. The Concept and the Structure of the Subject Sciences "Judicial Expertology". *Curier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2015. No. 12 (16). P. 86–99. (In Russ.)
 35. D'yakonova O.G. *Theoretical Framework of Forensic Expertology. Monograph*. Moscow: Prospekt, 2017. 480 p. (In Russ.)
 36. Mailis N.P. *Introduction to Forensic Science. Textbook*. Moscow: Zakon i pravo, YUNITI-DANA, 2004. 112 p. (In Russ.)
 37. Usov A.I., Edzhubov L.G., Miklyaeva O.V., Karpukhina E.S. *The Issues of Complexity in the Theory and Practice of Forensic Science (Theoretical Analysis)*. Moscow: RFCFS, 2015. 132 p. (In Russ.)
 38. Shlyakhov A.R. The Ways to Enhance the Role of Forensic Expertise. *Soviet State and Law*. 1978. No. 3. P. 82–87. (In Russ.)
 39. Grisso T. *Juveniles Waiver of Rights: Legal and Psychological Competence*. New York: Plenum Press, 1981. 295 p.
 40. Roth L., Lidz C., Meisel A., Soloff P., Kaufman F., Spike D., Foster R. Competency to Decide about Treatment or Research: An Overview of Some Empirical Data // *International Journal of Law and Psychiatry*. 1982. Vol. 5. No. 1. P. 29–50. [https://doi.org/10.1016/0160-2527\(82\)90013-9](https://doi.org/10.1016/0160-2527(82)90013-9)
 41. Grisso T. Empirical Assessments for Legal Competencies. In: Grisso T., Borum R., Edens J., Moye J., Otto R. *Evaluating Competencies*.

- Perspectives in Law & Psychology. 2005. Vol. 16. P. 41–67. https://doi.org/10.1007/0-306-47922-2_3
42. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
43. Сафуанов Ф.С. Принципы клинико-психологической судебной экспертологии // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 39–45. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
- Perspectives in Law & Psychology. 2005. Vol. 16. P. 41–67. https://doi.org/10.1007/0-306-47922-2_3.*
42. Safuanov F.S. *Forensic Psychological Examination. Textbook for Academic Bachelor Degree*. Moscow: Yurait, 2014. 421 p. (In Russ.)
43. Safuanov F.S. Principles of Clinical-Psychological Forensic Expert Science. *Russian Journal of Psychiatry*. 2020. No. 2. P. 39–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Виталий Олегович – к. филол. н., заведующий лабораторией судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Vitaly Olegovich – Candidate of Philology, Head of the Laboratory of Forensic Linguistics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

Статья поступила: 09.01.2021

После доработки: 05.02.2021

Принята к печати: 20.02.2021

Received: January 09, 2021

Revised: February 05, 2021

Accepted: February 20, 2021

Основные положения комплексного судебно-экспертного исследования предметов фалеристики

Г.Г. Бочаров

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Обоснована необходимость комплексного судебно-экспертного исследования предметов фалеристики – орденов, медалей и других нагрудных знаков отличия, вовлеченных в судопроизводство по уголовным, гражданским, арбитражным делам и делам об административных правонарушениях. Отмечены особенности судебно-экспертного исследования государственных наград РСФСР, СССР и Российской Федерации, обусловленные их особым правовым статусом и нормативно-закрепленным составом предприятий-изготовителей.

Обоснована правомерность использования в заключениях судебных экспертов понятия «подлинность» применительно к государственным наградам и другим предметам фалеристики. Вопрос подлинности является ключевым и одним из самых сложных при исследовании предметов фалеристики. Его решение требует оценки всех основных свойств объекта исследования и часто проработки значительного объема справочного и исторического материала.

Проанализированы особенности применения при проведении судебной экспертизы предметов фалеристики специальных знаний в области истории, судебной трасологии, криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий, судебной товароведческой экспертизы, судебно-технической экспертизы документов. Приведены методические рекомендации по определению последовательности проведения различных видов исследований, формулированию выводов по результатам комплексного исследования, а также оформлению заключений экспертов.

Ключевые слова: фалеристика, медали, ордена, судебная экспертиза, комплексная экспертиза, комплексное исследование

Для цитирования: Бочаров Г.Г. Основные положения комплексного судебно-экспертного исследования предметов фалеристики // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 47–53. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-47-53>

The Framework for Comprehensive Forensic Study of Phaleristic Items

Gennadii G. Bocharov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article substantiates the need for a comprehensive forensic examination of phaleristic items – orders, medals, and other badges of distinction involved in the sphere of legal proceedings on criminal, civil, arbitration cases, and cases of administrative offenses. The article notes the features of forensic research of state awards of the RSFSR, the USSR, and the Russian Federation, which result from their specific legal status and normatively fixed manufacturing enterprises.

The legitimacy of using the concept of “authenticity” in forensic experts’ conclusions concerning state awards and other subjects of phaleristics has been substantiated. The question of authenticity is crucial and, at the same time, one of the most challenging questions in the research of phaleristic items. Its solution requires assessing all the item’s basic properties and, in many cases, the study of a significant amount of reference and historical material.

The features of the use of specialized knowledge of history, forensic traceology, forensic examination of materials, substances, and products, forensic merchandising examination, forensic technical examination of documents in the course of phaleristic objects’ forensic study are analyzed. The author provides methodological recommendations for determining the sequence of conducting various types of research, formulating conclusions based on the results of a comprehensive study, and drawing up expert opinions.

Keywords: *phaleristics, medals, orders, forensic examination, comprehensive forensic examination, comprehensive research*

For citation: Bocharov G.G. The Framework for Comprehensive Forensic Study of Phaleristic Items. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 47–53. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-47-53>

Введение

Ордена, медали и некоторые другие нагрудные знаки нередко попадают в орбиту судебного разбирательства. Это обусловлено тем, что они либо оказываются предметами посягательства по уголовным делам о кражах, грабежах, разбоях, присвоении, мошенничестве, уничтожении чужого имущества, либо вещественными доказательствами по делам о незаконном обороте государственных наград, контрабанде культурных ценностей. По гражданским делам ордена, медали и другие нагрудные знаки выступают в качестве предмета имущественных споров, споров о наследстве или о праве собственности.

Ордена, медали и нагрудные знаки, в том числе значки, орденские колодки, принято называть предметами фалеристики. Фалеристика является вспомогательной исторической дисциплиной, изучающей сведения по истории наградного дела, истории изготовления наград в различных странах в разные исторические эпохи [1–3]. Коллекционирование орденов, медалей и нагрудных знаков также называется фалеристикой. Термин «фалеристика» для обозначения области коллекционирования и вспомогательной исторической дисциплины получил распространение и в ряде европейских государств, в частности в Австрии [4], Германии, Италии, Португалии [5]¹, а также в США [6] и ряде других.

Предметы фалеристики как объекты экспертного исследования

Предметы фалеристики, попадая в сферу судопроизводства, как правило, становятся объектами судебных экспертиз. При этом из-за большого разнообразия и сложности технологии изготовления таких объектов назначение судебных экспертиз, а также оценка полученных заключений экспертов, нередко представляют для правоприменителей определенные сложности, что нашло отражение в ряде публикаций на-

учно-методического характера в изданиях ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России [7–9].

В подавляющем большинстве случаев экспертиза предметов фалеристики поручается экспертам, уполномоченным Министерством культуры Российской Федерации определять культурную ценность ввозимых (вывозимых) предметов: произведений изобразительного искусства, нумизматики, старинных книг, архивов, филателистических, филокартических и иных коллекций, а также частнопрактикующим экспертам, имеющим подготовку по вопросам оценки антиквариата и ювелирных изделий, оценщикам антиквариата, реже – экспертам негосударственных судебно-экспертных организаций. Однако заключения таких экспертов, как правило, не отвечают не только требованиям уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства, но и требованиям нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации², Минкульты России³ и таможенного законодательства⁴, регулирующих порядок проведения экспертиз и оформления их результатов. Большинство заключений таких экспертов не имеет содержательной исследовательской части и, что крайне важно, научного обоснования выводов эксперта. Сами эксперты, к сожалению, не обладают элементарными познаниями в области российского наградного законодательства, технологии изготовления наград и порядка их учета, ча-

² См. Постановление Правительства РФ от 14.09.2020 № 1425 «Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющих особое историческое, художественное, научное или культурное значение».

³ См. Приказ Минкультуры России от 01.03.2018 № 205 «Об утверждении формы экспертного заключения, составленного экспертом по культурным ценностям по результатам проведения экспертизы культурных ценностей».

⁴ См. Решение Комиссии Таможенного союза ЕАЭС от 20.05.2010 № 258 «О порядке проведения таможенной экспертизы при проведении таможенного контроля»; Приказ ФТС России и Минфина России от 16.01.2019 № 34 «Об утверждении порядка проведения таможенной экспертизы, формы решения таможенного органа о назначении таможенной экспертизы».

¹ В Португалии с 2008 г. функционирует Академия фалеристики (Academia Falerística de Portugal).

сто выходят за пределы своей компетенции, неправомерно соглашаются давать ответы на вопросы, относящиеся к разряду правовых.

Наиболее распространенным недостатком при проведении судебной экспертизы предметов фалеристики является игнорирование необходимости комплексного характера судебно-экспертного исследования предметов фалеристики. Дело в том, что самыми важными для правильного разрешения дела в отношении предметов фалеристики являются вопросы о подлинности награды, ее состоянии, времени изготовления и рыночной стоимости. Лица, привлекаемые к проведению такой судебной экспертизы вне государственных судебно-экспертных учреждений (СЭУ), берутся отвечать на все эти вопросы, имея, как правило, подготовку лишь в одной из необходимых областей знания: истории, музейном деле, фалеристике, искусствоведении, оценочной деятельности. Однако для правильного разрешения типичных вопросов в отношении предметов фалеристики необходимо проведение полноценного комплексного судебно-экспертного исследования в форме комплексной судебной экспертизы либо комплекса судебных экспертиз.

Комплексная судебная экспертиза в большинстве случаев проводится комиссионно. Основные положения, определяющие необходимость комплексного исследования объектов судебной экспертизы и порядок ее проведения, достаточно подробно рассмотрены в работах Ю.Г. Корухова [10], С.А. Смирновой [11], Е.Р. Россинской [12] и ряда других отечественных ученых.

Комплексная судебная экспертиза может быть проведена и неkomиссионно – одним судебным экспертом, имеющим необходимые специальные знания и соответствующую подготовку в двух и более областях экспертных знаний. Вопрос о комиссионном или единоличном проведении комплексной судебной экспертизы решается в соответствии с возможностями организационного характера в зависимости от наличия экспертов, имеющих подготовку по нескольким экспертным специальностям, загруженности экспертов, обеспеченности необходимым исследовательским оборудованием.

Комплекс судебных экспертиз возникает при последовательном или параллельном проведении нескольких судебных экспертиз экспертами разных специальностей. Так, для установления рыночной стоимости предметов фалеристики необходимо про-

ведение судебной товароведческой экспертизы, которая может быть проведена только после решения вопроса о подлинности и степени сохранности исследуемых предметов.

Понятие «подлинность» при исследовании объектов фалеристики

Вопрос о подлинности является одновременно ключевым и одним из самых сложных вопросов при исследовании предметов фалеристики. Его решение требует оценки всех основных свойств предмета и во многих случаях проработки значительного объема справочного и исторического материала.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» судебная экспертиза проводится с целью разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Общепринятого определения термина «подлинность» того или иного объекта в имеющихся на данный момент судебно-экспертных методиках и в общей теории судебной экспертизы не имеется, однако он активно используется в действующем законодательстве. Поэтому использование термина «подлинность» при производстве экспертизы в обязательном порядке должно быть сопровождено соответствующим пояснением и ссылками на техническую или специальную литературу, в которой раскрывается содержание этого термина, или эксперт должен обозначить признаки, по которым он отнесет то или иное изделие к подлинным. В экспертной практике СЭУ Минюста России данный термин всегда используется с разъяснением того, что в каждом конкретном случае понимается под подлинностью исследованного объекта (подписи, бланка документа, фотоснимка, товара или иного изделия).

Предметы фалеристики относятся к классу изделий массового производства, при определении свойств которых эксперт исследует нормативно-техническую литературу, проводит сравнительное исследование с изделиями-аналогами или их описаниями и достоверными изображениями. При этом решается вопрос о наличии единого способа изготовления представленного объекта исследования и аналогов, представленных в качестве материалов для сравнительного исследования. Выводы по

результатам таких исследований находятся в полной компетенции эксперта и не являются выходом за ее пределы.

Определенную специфику при решении вопроса о подлинности предметов фалеристики имеет исследование государственных наград РСФСР, СССР и Российской Федерации, что обусловлено их особым правовым статусом и исторически сложившейся организацией изготовления.

Медали и кресты за заслуги в сражениях чеканились на Санкт-Петербургском монетном дворе с середины XVIII века до 1917 года. Здесь же изготавливали ордена, медали и наградные знаки для поощрения других сословий. Всего за императорский период в России было учреждено более 150 различных наград.

Первая советская награда – орден Красного Знамени РСФСР – учреждена в 1918 году. Позже в систему наград были включены ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и ряд других нагрудных знаков. На монетных дворах Гознака изготавливались все ордена и медали Великой Отечественной войны, а затем и награды, введенные в наградную систему СССР в послевоенные годы.

В настоящее время в филиалах Гознака – монетных дворах (Московском и Санкт-Петербургском) – изготавливают все государственные награды Российской Федерации, кроме ордена Святого апостола Андрея Первозванного и нагрудных знаков к почетным званиям, которые делают в Центре «Русские ремесла» Управления делами Президента Российской Федерации. На этих же предприятиях изготавливают дубликаты и муляжи государственных наград⁵.

Никакая имитация государственной награды РСФСР, СССР и Российской Федерации, изготовленная вне заказа, официально полученного АО «Гознак», даже при совпадении технических характеристик и характеристик металлов и сплавов не может считаться подлинной наградой (оригиналом награды). В связи с этим при исследовании орденов и медалей РСФСР, СССР и Российской Федерации перед экспертом должен ставиться вопрос в следующей формулировке: «Является ли представленный на экспертизу предмет (орден, нагруд-

ный знак к почетному званию) оригиналом, изготовленным на предприятии АО «Гознак» в соответствии с действовавшими в период его изготовления требованиями и нормативно-технической документацией?». При отрицательном ответе на данный вопрос эксперт должен формулировать вывод следующим образом: «Представленный на экспертизу предмет (орден, нагрудный знак к почетному званию) подлинной государственной наградой, изготовленной на предприятии АО «Гознак», не является». В заключении эксперта при этом следует указать способ изготовления предмета, характеристики, совпадающие с подлинными предметами фалеристики, а также различия.

Решение вопроса, является ли предмет фалеристики подделкой, относится к компетенции правоприменителя, а не судебного эксперта, так как предусматривает правовую оценку умысла исполнителя, который изготовил данный объект.

Комплексное исследование предметов фалеристики

Как уже отмечалось ранее, для объективного и всестороннего исследования орденов и медалей РСФСР, СССР и Российской Федерации целесообразно проводить либо комплексную судебную материаловедческую и трасологическую экспертизу, либо комплекс экспертиз – судебную материаловедческую и судебную трасологическую экспертизу. В условиях государственного СЭУ оптимальным представляется проведение комплексной комиссионной судебной экспертизы предметов фалеристики. Это позволяет всем привлеченным экспертам проводить совместный первичный осмотр и фиксацию общих признаков представленных объектов, согласовывать последовательность предстоящих исследований и совместно определять характер и объем необходимых материалов для сравнительного исследования. Практика проведения комплексных судебных экспертиз предметов фалеристики одним экспертом, обладающим двумя и более экспертными специальностями, может быть внедрена по мере накопления опыта производства таких экспертиз и формирования достаточного по объему справочно-информационного фонда, включающего в себя данные о технологиях, описаниях, изображениях предметов фалеристики, а также научной и справочной литературы.

⁵ См. Указ Президента РФ от 07.06.2011 № 721 (ред. от 04.08.2016) «Об определении единственных исполнителей государственных заказов на изготовление государственных наград Российской Федерации» / Гарант. <https://base.garant.ru/6752573/>

Как правило, большинство государственных наград изготавливают из сплавов серебра, золота, из специальных сортов латуни. Кроме того, отдельные части ордена или медали могут иметь эмалевое или золотое покрытие.

При проведении судебной экспертизы ордена или медали в первую очередь подбираются нормативно-справочные материалы (технические условия, описания и изображения в справочных изданиях и др.), проводится тщательный внешний осмотр награды, измерение ее размерных характеристик, взвешивание на точных, желательнее электронных весах. Если будут обнаружены значимые отличия от утвержденных технических характеристик по весу и размеру, составу использованных материалов или конструкции предмета, то дальнейшее исследование не производится и формулируется вывод о том, что данное изделие не является государственной наградой, изготовленной на предприятиях АО «Гознак».

Если при проведении судебного материаловедческого исследования [13–16] значимых различий установлено не будет, то проводится судебное трасологическое исследование с использованием не только технической документации, но и образцов для сравнительного исследования⁶. Образцы для сравнительного исследования могут быть по ходатайству эксперта запрошены следователем в АО «Гознак», либо получены в музее, у награжденных такой же наградой в тот же период ветеранов. Для этого необходимо использовать порядковый номер награды, имеющийся на реверсе (оборотной стороне) ордена или медали. Учет государственных наград ведется в Управлении Президента Российской Федерации по государственным наградам (подразделение Администрации Президента Российской Федерации).

В процессе судебного трасологического исследования ордена и медали, проводимого по методикам трасологического исследования изделий массового производства [17, 18], эксперт выявляет и описывает общие и частные идентификационные признаки изделия, сравнивает совокупность выявленных признаков с совокупностью признаков использованного производственного оборудования, особенностями нанесения штампов с указанием изготови-

теля и нанесенного гравировкой или иным способом порядкового номера награды, имеющихся на образцах для сравнительного исследования. Необходимость такого сложного исследования обусловлена тем, что в настоящее время имеется свободный доступ к современному копировальному и штамповочному, литьевому оборудованию и любым материалам, позволяющим изготавливать высококачественные нелегальные копии государственных наград для противоправной их реализации на нелегальном (черном) рынке под видом подлинных.

Таким образом, методически правильно и процессуально корректно устанавливать, являются ли государственные награды РСФСР, СССР и Российской Федерации оригиналами, изготовленными на предприятии АО «Гознак» (монетном дворе), в ходе проведения комплексной судебной материаловедческой и трасологической экспертизы или комплекса соответствующих судебных экспертиз путем непосредственного сравнения общих и частных признаков исследуемых наград и образцов государственных наград, сопоставимых по месту и времени изготовления.

При исследовании государственных наград Российской империи, государственных наград иностранных государств, ведомственных наград и значков, жетонов, не входящих в государственную наградную систему Российской Федерации и не имеющих особого правового статуса, может возникнуть необходимость в привлечении эксперта, обладающего необходимыми специальными знаниями в области отечественной или мировой фалеристики. Часть исследования, проводимого таким лицом, или отдельная судебная экспертиза по решению вопроса о происхождении и особенностях предметов фалеристики будет называться исторической⁷.

При направлении на экспертизу вызывающих сомнения государственных наград, представленных вместе с наградными документами, может быть проведено судебно-техническое исследование документов с целью установления подлинности бланков, печатей, а также определения давности их изготовления.

⁶ См. ГОСТ Р 57428-2017. Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения. / Кодекс. <http://docs.cntd.ru/document/1200144959>

⁷ Во многих случаях такие исследования ошибочно называются искусствоведческими. Недопустимость отнесения таких исследований к числу искусствоведческих обусловлена тем, что исследованию и оценке подлежат не эстетические качества предмета фалеристики, а исторические данные о стране происхождения, времени и повода изготовления, а также иные сведения, необходимые для решения поставленных перед экспертом типичных вопросов.

Такое исследование также требует изучения образцов для сравнительного исследования и нормативно-технической документации.

Заключение

Судебно-экспертное исследование предметов фалеристики относится к наиболее сложным видам судебных экспертиз и может быть полным и достоверным исключительно при проведении комплексного исследования, реализуемого либо в процессе комплексной судебной экспертизы, либо комплекса из двух и более судебных экспертиз. Допускается проведение комплексной экспертизы предметов фалеристики, осуществляемое одним экспертом, обладающим необходимыми специальными знаниями по двум и более экспертным специальностям. К числу основных видов судебно-экспертных исследований, необходимых для разрешения вопроса о подлинности предметов фалеристики, относятся судебно-трасологическое механоскопическое исследование, судебно-металловедческое исследование, судебно-геммологическое исследование, судебно-экспертное исследование лакокрасочных материалов и покрытий, судебно-товароведческое исследование непро-

довольственных товаров. Кроме того, для проведения судебной экспертизы предметов фалеристики могут привлекаться историки, специализирующиеся на вопросах фалеристики, а также авторитетные коллекционеры орденов и медалей, хранители соответствующих предметов в музеях.

Несмотря на важное значение всестороннего квалифицированного судебно-экспертного исследования предметов фалеристики для обеспечения справедливого судебного разбирательства по уголовным и гражданским делам и делам об административных правонарушениях, методика комплексного судебно-экспертного исследования предметов фалеристики до сих пор не разработана и не внедрена в судебно-экспертную практику. Научные разработки и методические рекомендации по данному виду исследований, затрагивающие отдельные важные аспекты экспертизы предметов фалеристики, подготовлены только в СЭУ Министерства юстиции Российской Федерации. Продолжение научных исследований, обобщение судебно-экспертной практики и повышение квалификации судебных экспертов представляются крайне актуальными и перспективными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурков В.Г. Фалеристика. Учебное пособие. М.: РГГУ, 1999. 166 с.
2. Данилов А.Ю. Российская фалеристика. Учебное пособие. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 2002. 123 с.
3. Chiba W. Phaleristik – Versuch einer Analyse des derzeitigen Wissensstandes ber die Forschung der Phalersistik und die Möglichkeit zur Anerkennung als “Hilfswissenschaft”. *Zeitschrift der Österreichischen Gesellschaft für Ordenskunde*. 2007. No. 65. P. 1–13.
4. Müller H.-T. Phaleristik. Eine Weiterentwicklung der Definition. *Zeitschrift der Österreichischen Gesellschaft für Ordenskunde*. 2007. Vol. 67. P. 31.
5. Bragança J.V. *A Falerística: Contributo para uma Bibliografia*. Lissabon: Academia Falerística de Portugal, 2016. 70 p.
6. Laslo A.J. *A Glossary of Terms Used in Phaleristics: The Science, Study, and Collecting of the Insignia of Orders, Decorations, and Medals*. Albuquerque, N.M.: Dorado Pub., 1995. 58 p.
7. Гущина И.Э. Определение стоимости наград особого статуса // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 2 (38). С. 34–39.
8. Аснис А.Я., Бочаров Г.Г., Селиванов А.А., Хазиев Ш.Н. Судебно-экспертное исследование предметов фалеристики с целью

REFERENCES

1. Burkov V.G. *Faleristics. Textbook*. Moscow: RGGU, 1999. 166 p. (In Russ.)
2. Danilov A.Yu. *Russian Faleristics Textbook*. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2002. 123 p. (In Russ.)
3. Chiba W. Phaleristik – Versuch einer Analyse des derzeitigen Wissensstandes ber die Forschung der Phalersistik und die Möglichkeit zur Anerkennung als “Hilfswissenschaft”. *Zeitschrift der Österreichischen Gesellschaft für Ordenskunde*. 2007. No. 65. P. 1–13.
4. Müller H.-T. Phaleristik. Eine Weiterentwicklung der Definition. *Zeitschrift der Österreichischen Gesellschaft für Ordenskunde*. 2007. Vol. 67. P. 31.
5. Bragança J.V. *A Falerística: Contributo para uma Bibliografia*. Lissabon: Academia Falerística de Portugal, 2016. 70 p.
6. Laslo A.J. *A Glossary of Terms Used in Phaleristics: The Science, Study, and Collecting of the Insignia of Orders, Decorations, and Medals*. Albuquerque, N.M.: Dorado Pub., 1995. 58 p.
7. Gushchina I. Valuation of Special Status Awards. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No. 2 (38). P. 34–39. (In Russ.)
8. Asnis A.Ya., Bocharov G.G., Selivanov A.A., Khaziev Sh.N. Forensic Research of Phaleristic Items for Their Estimation. *Theory and Practice*

- определения их стоимости // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 50–59. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-50-59>
9. Аснис А.Я., Хазиев Ш.Н. Судебно-экспертное исследование орденов и медалей // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 42–51. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-42-51>
 10. Корухов Ю.Г. Проблема комплексности в судебной экспертизе (к вопросу о законодательной регламентации) // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. № 3 (15). С. 10–17.
 11. Смирнова С.А. Современный взгляд на проблему комплексности в судебной экспертизе / Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. Мультиформальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть 1. М.: Эком, 2012. С. 310–348.
 12. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология). Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2019. 368 с.
 13. Митричев В.С., Хрусталева В.Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий. СПб.: Питер, 2003. 591 с.
 14. Федоров А.Н., Боcharов Г.Г., Розенблат И.Е., Загидулин Р.В., Загидулин Т.Р., Горчаков Р.К., Семьина Е.П., Горохов С.Н. Экспертное исследование изделий из металлов и сплавов. Основные методы и методики. Примеры исследований. Учебное пособие / Под ред. А.Н. Федорова, А.Б. Кутыина. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 334 с.
 15. Федоров А.Н., Кутыин А.Б. Экспертное исследование изделий из металлов и сплавов. Учебное пособие. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2017. 206 с.
 16. Хрусталева В.Н., Лобачева Г.К., Кайргалиев Д.В., Васильев Д.В. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий. М.: Сириус, 2019. 444 с.
 17. Майлис Н.П. Современные подходы при исследовании изделий массового производства // *Jurisprudencija*. 2005. Т. 66 (58). С. 40–45.
 18. Шлепов Ю.А. Трасологическая идентификация изделий массового производства и механизмов, использованных для их изготовления / Программированные и ситуационные методики трасологических исследований. Сб. науч. трудов / отв. ред. Г.Л. Грановский. Вып. 37. М.: ВНИИСЭ, 1979. С. 57–71.
- of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 50–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-50-59>
9. Asnis A.Ya., Khaziev Sh.N. Forensic Examination of Orders and Medals. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 42–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-42-51>
 10. Korukhov Yu.G. The Problem of Complexity in Forensics (On the Issue of Legislative Regulation). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2009. No. 3 (15). P. 10–17. (In Russ.)
 11. Smirnova S.A. Contemporary View of the Problem of Complexity in Forensics. In: Smirnova S.A. *Challenges of Time and Expert Technologies of Law Enforcement. Multimodal Edition "Forensic Science: Reboot". Part 1*. Moscow: Ekom, 2012. P. 310–348. (In Russ.)
 12. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *Theory of Forensic Science (Forensic Expertology)*. Textbook. 2nd ed. Moscow: Norma, 2019. 368 p. (In Russ.)
 13. Mitrichev V.S., Khrustalev V.N. *Fundamentals of Forensic Research of Materials, Substances and Products*. Saint Petersburg: Piter, 2003. 591 p. (In Russ.)
 14. Fedorov A.N., Bocharov G.G., Rozenblat I.E., Zagidulin R.V., Zagidulin T.R., Gorchakov R.K., Sem'ina E.P., Gorokhov S.N. *Expert Research of Metal and Alloy Products. Basic Methods and Techniques. Examples of Research*. Textbook / A.N. Fedorov, A.B. Kut'in (eds). Moscow: RFCFS, 2018. 334 p. (In Russ.)
 15. Fedorov A.N., Kut'in A.B. *Expert Analysis of Metal and Alloy Products*. Textbook. Moscow: RFCFS, 2017. 206 p. (In Russ.)
 16. Khrustalev V.N., Lobacheva G.K., Kairgaliev D.V., Vasil'iev D.V. *Forensic Analysis of Substances, Materials and Products*. Moscow: Sirius, 2019. 444 p. (In Russ.)
 17. Mailis N.P. The Modern Approaches at Research of Products of Mass Manufacture. *Jurisprudencija*. 2005. Vol. 66 (58). P. 40–45. (In Russ.)
 18. Shlepov Yu.A. Traceological Identification of Mass-Produced Products and Mechanisms Used to Manufacture Them. In: Granovskii G.L. (ed). *Programmed and Situational Methods of Traceological Research. Collection of Scientific Papers*. Issue 37. Moscow: VNIISE, 1979. P. 57–71. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боcharов Геннадий Геннадьевич – заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: g.bocharov@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Bocharov Gennadii Gennadievich – Deputy Director of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: g.bocharov@sudexpert.ru

Статья поступила: 05.01.2021
После доработки: 14.02.2021
Принята к печати: 25.02.2021

Received: January 05, 2021
Revised: February 14, 2021
Accepted: February 25, 2021

Значение пространственно-временных связей и отношений для формирования частной научной теории судебно-экспертного прогнозирования

И.В. Устинова

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», Тула 300012, Россия

Аннотация. Рассмотрены вопросы влияния пространственно-временных факторов на формирование частной научной теории судебно-экспертного прогнозирования. Проведен исторический анализ формирования научного знания о пространственно-временных связях и отношениях в свете развития общей теории судебной экспертизы. Предложен термин «временная соотносимость прогнозируемых событий», который введен также в общую временную систему (от прошлого к будущему) интервалов появления определенных негативных событий или явлений, так называемых событий-предвестников, предупреждающих о наступающих событиях. Автор отмечает существенное значение технологического прогнозирования в организации человеческой деятельности, поскольку эта деятельность предполагает перспективное развитие различного рода технологий.

Ключевые слова: *пространственно-временные связи, частная научная теория, прогнозирование, судебно-экспертная деятельность*

Для цитирования: Устинова И.В. Значение пространственно-временных связей и отношений для формирования частной научной теории судебно-экспертного прогнозирования // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 54–58.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-54-58>

The Relevance of Spatial and Temporal Connections and Relationships for the Formation of a Subtheory of Forensic Forecasting

Irina V. Ustinova

Tula State University, Tula 300012, Russia

Abstract. The article examines the influence of spatial and temporal factors on forming a subtheory of forensic forecasting. The historical analysis of the formation of scientific knowledge about spatial and temporal connections and relationships in the light of the development of the general theory of forensic examination has been carried out. In this regard, the author proposed the term “time correlation of anticipated events” and introduced it into the general time system (from the past to the future) of the time intervals for the occurrence of certain adverse events or phenomena, the so-called precursor events, which by their appearance warn of upcoming events. The author highlights the considerable importance of technological forecasting in organizing human activity since this activity presupposes the future development of various kinds of technologies.

Keywords: *spatial and temporal connections, subtheory, forecasting, forensic activity*

For citation: Ustinova I.V. The Relevance of Spatial and Temporal Connections and Relationships for the Formation of a Subtheory of Forensic Forecasting. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 54–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-54-58>

Этапы формирования знания о пространственно-временных связях и отношениях

Научное знание о пространственно-временных связях и отношениях, имеющее существенное познавательное значение для прогнозирования вообще [1, с. 561–563; 2] и для судебно-экспертного прогнозирования в частности, начало развиваться с середины 80-х годов прошлого века с многочисленных публикаций Ю.П. Аленина, Н.Ф. Будиянского [3], Л.Н. Викторовой [4], К.Е. Пятницына [5], Т.А. Седовой [6], Ю.Д. Федорова [7], В.И. Шиканова [8]. В 90-е годы появились фундаментальные монографические исследования А.П. Тельцова (1992 г.)¹ и В.М. Мешкова (1995 г.)². С 1995 года В.М. Мешков вместо термина «теория» использует термин «учение», который, на наш взгляд, более соответствует познавательной деятельности. Он ввел понятие временного интервала – временной характеристики события/явления с точки зрения его длительности [9, с. 69]. В этой категории заложена и прогностическая функция времени, хотя автор на этом не акцентирует внимание. Мы полагаем, что с момента прошлого события, явления до реализации прогноза этот временной интервал продолжает существовать, и, более того, он подлежит контролю.

Оценка терминов и понятий, характеризующих временные отношения

В.М. Мешков ввел в оборот еще один термин – «временные отношения» – характеристика событий, явлений в аспекте их последовательности, взаимосвязи, т. е. хронология их возникновения, развития и исчезновения³ [9, с. 71–72], что очень важно при расследовании, например, серийных, экологических и иных преступлений. Автор не подчеркивает системности временных отношений, переходящих на профилактику или прогнозирование (обрывает их на совершении либо сокрытии преступления), поскольку эти частные теории и учения также входят в предмет криминалистики. Употребляемый им термин «хронология» как раз предпола-

гает систему действий, т. е. завершение как преступной деятельности, так и деятельности по расследованию и раскрытию преступления, включая различного рода обобщения, прогнозы и профилактику.

На сужение сферы распространения временных связей указывал и Р.С. Белкин: «...основные положения теории должны учитывать влияние фактора времени не только в преступной деятельности, но и в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений...» [10, с. 122]⁴. Соглашаясь с Р.С. Белкиным, В.М. Мешков позже отмечал: «...криминалистически значимые аспекты времени пронизывают всю деятельность субъектов, вовлеченных в процесс расследования и раскрытия преступлений. Это касается как деятельности субъектов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, так и следователя при выполнении отдельных следственных и иных процессуальных действий, а также деятельности прокурора и судьи» [11, с. 293]. При этом он не выделял судебно-экспертную деятельность, которая также являет собой область, на которую существенно распространяются временные факторы.

Понятие «временные отношения», на наш взгляд, отражает определенное состояние явлений или событий. В этой связи более удачным представляется термин «временная соотносимость событий» – очередность временных интервалов связанных между собой этапов криминального и будущего развития событий. Данный термин характеризует процесс, динамику, временную сменяемость событий.

Применительно к использованию учения о временных связях в развитии теории экспертного прогнозирования и для характеристики хронологии развития событий и явлений от прошлого к будущему предлагаем использовать термин «временная соотносимость прогнозируемых событий» – система очередности временных интервалов от появления негативных событий (событий-предвестников) до преступления на стадии его совершения и предположительной, отдаленной во времени возможности его повторения.

Оценка событий-предвестников в общей временной системе

Поясним целесообразность введения в общую временную систему (от прошлого к

¹ Тельцов А.П. Криминалистические проблемы пространственно-временных связей и отношений на предварительном следствии. Дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 1992. 244 с.

² Мешков В.М. Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений. Дисс. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1995. 382 с.

³ Мы бы добавили: и новое возникновение. – *Прим. автора.*

⁴ Хотелось бы добавить: в судебно-экспертной, оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной деятельности.

будущему) временных интервалов появления определенных негативных событий или явлений, так называемых событий-предвестников. Своим появлением они обеспечивают предупреждение о наступающих событиях, показывают, что возникают некие иницирующие события, которые в дальнейшем приведут к чрезвычайной ситуации и преступлению: «Подобным образом техника зачастую как бы посылает предупреждение в виде событий-предвестников, которые могут служить сигналом о надвигающихся событиях для человека...» [2, с. 238]. Подобные события-предвестники «читаются» и в совершении серийных, а также бытовых преступлений. Они являются отличительной особенностью домашнего насилия.

Иницирующие события (события-предвестники) зависят от соотношения случайности и предсказуемости опасных явлений, что обусловлено неполнотой (отсутствием или недостаточностью) знаний о закономерностях формирования в условиях определенной пространственно-временной характеристики возникновения опасного явления. Подобного рода неопределенность обусловлена внутренними свойствами объектов или явлений и неполнотой информации о них.

Можно говорить о том, что на стадии разработки, проектирования, испытания определенных объектов или сложных систем, их экспертной оценки может легко быть установлена цепь событий, которая, образуя единую целостную систему, приведет со временем к преступлению. Так, например, выпуск предприятием некачественных замков⁵ с низкой секретностью неминуемо приведет к росту квартирных краж, о чем предприятие не может не догадываться. Много и других рисков, которые надо расценивать как предупреждение и о которых разработчики хорошо осведомлены, проектируя и выпуская те или иные технические объекты и системы.

Определенной последовательностью событий обусловлен ряд других преступлений, в том числе экологических. Так, лишь в 80-е годы прошлого века вопросы охраны окружающей среды стали рассматриваться государством как экологические преступления и были выделены в самостоятельную группу уголовно наказуемых деяний, претендующих на собственное место в системе преступлений [12].

Некоторые ученые отмечают, что для одних экологических преступлений время их совершения не имеет принципиального значения, для других – напротив, установление времени входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию, например для преступлений, предусмотренных ст. 256 и ст. 258 УК РФ [13, с. 36]. Мы не можем согласиться с таким мнением, поскольку согласно ст. 73 УПК РФ такие элементы обстановки, как место и время совершения преступления, прямо входят в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу. В отношении экологических преступлений установление места и времени правонарушения приобретает более глубокий смысл, так как отмеченные пространственно-временные факторы могут иметь существенное значение не только для доказывания по конкретному уголовному делу, но и должны быть учтены при разработке судебно-экспертных и следственных прогнозов. Анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что прогнозирование экологических преступлений сведено к нулю. В отдельных случаях осуществляется профилактическая деятельность, но она не подменяет собой прогнозирования преступлений.

Технологическое судебно-экспертное прогнозирование

Уместно упомянуть технологическое прогнозирование в организации человеческой деятельности, поскольку последняя предполагает развитие перспективных технологий [14].

Проиллюстрируем наши тезисы конкретным примером. В конце 1984 года по результатам научных трасологических исследований и обзора экспертной практики предыдущих лет, проведенных в Тульской лаборатории судебной экспертизы Минюста России⁶, в адрес УВД Тульского облисполкома был направлен прогноз роста квартирных краж. К данному прогнозу привели следующие предпосылки: с 1978 года одним из тульских заводов был налажен выпуск дверных сувальдных замков типа ЗВ8, которые, имея очень низкую степень секретности, открывались ключами от других замков этого типа. Но из-за низкой стоимости и скудного ассортимента дверных замков в магазинах

⁵ Далее мы опишем этот пример.

⁶ Толстухина Т.В. Теоретические основы и методы диагностического исследования механизмов в производстве трасологических и судебно-баллистических экспертиз. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 1984. 304 с.

население с удовольствием приобретало эту продукцию. Прогноз оправдался, и через два года количество квартирных краж, а также краж из сараев и подвалов возросло в 2,7 раза. Только после этого в адрес завода-изготовителя были направлены профилактические рекомендации от следственных органов по усовершенствованию данного типа замков.

Выводы

Признаки целостности отражают пространственно-временные связи событий

и процессов, которые проявятся только в условиях формирования определенной совокупности действий (среды) человека и природы. Иными словами, общая пространственно-временная система является предпосылкой для предположения возникновения множественного целого – совокупности материальных образований, обладающей признаками целостности для возникновения прогноза. Эти образования могут характеризоваться бесконечно различными свойствами, но тем не менее они образуют целостную структуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schoeffler S. *The Failures of Economics: A Diagnostic Study*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1955. 254 p.
2. Мартино Дж.П. Технологическое прогнозирование / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. 591 с.
3. Аленин Ю.П., Будиянский Н.Ф. Восприятие времени и его значение в тактике следственных и судебных действий // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 33. Киев, 1986. С. 25–30.
4. Викторова Л.Н. Фактор времени и его значение для раскрытия и расследования преступлений. Учеб. пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1983. 34 с.
5. Пятницын К.Е. Об использовании пространственно-временного анализа при расследовании преступлений / Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью. Межвуз. сб. науч. тр. Омск: Омская ВШ милиции, 1983. С. 15–21.
6. Седова Т.А. Экспертное исследование материалов и веществ для установления временных характеристик преступления / Криминологические проблемы пространственно-временных факторов. Сб. статей / Отв. редактор В.И. Шиканов. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1983. С. 88–92.
7. Федоров Ю.Д. Пространственно-временные факторы, связанные с совершением преступлений, и их место в методике расследования / Методика расследования преступлений. Общие положения: Материалы научно-практической конференции (Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976. С. 120–125.
8. Шиканов В.И. «Пространство» и «время» как структурные элементы криминалистической характеристики преступлений / Пространственно-временные факторы в расследовании преступлений. Иркутск, 1988. С. 241–244.
9. Мешков В.М. Основы криминалистической теории временных связей. М.: Акад. МВД России, 1994. 128 с.
10. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, Инфра-М, 2001. 237 с.

REFERENCES

1. Schoeffler S. *The Failures of Economics: A Diagnostic Study*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1955. 254 p.
2. Martino J.P. *Technological Forecasting / Translated from English*. Moscow: Progress, 1977. 591 p. (In Russ.)
3. Alenin Yu.P., Budiyanski N.F. Perception of Time and Its Significance in the Tactics of Investigative and Judicial Actions. *Criminalistics and Forensic Expertise*. Issue 33. Kiev, 1986. P. 25–30. (In Russ.)
4. Viktorova L.N. *The Time Factor and Its Significance for the Detection and Investigation of Crimes. Textbook*. Moscow: VNII MVD SSSR, 1983. 34 p. (In Russ.)
5. Pyatnitsyn K.E. On the Application of Spatial and Temporal Analysis in the Investigation of Crimes. *Current Issues of Fighting Group Crime. Interuniversity Collection of Scientific Papers*. Omsk: Omsk Police School, 1983. P. 15–21. (In Russ.)
6. Sedova T.A. Expert Analysis of Materials and Substances to Establish the Temporal Characteristics of a Crime. In: Shikanov V.I. (ed). *Criminological Problems of Spatial and Temporal Factors. Collection of Papers*. Irkutsk: Irkutsk University, 1983. P. 88–92. (In Russ.)
7. Fedorov Yu.D. Spatial and Temporal Factors Associated with Commission of Crimes and Their Place in the Investigation Methodology. *Methods of Crimes Investigation. General Provisions: Materials of Scientific and Practical Conference (Odessa, November 1976)*. Moscow, 1976. P. 120–125. (In Russ.)
8. Shikanov V.I. "Space" and "Time" as Structural Elements of the Forensic Characteristics of Crimes. *Spatial-temporal Factors in Crimes Investigation*. Irkutsk, 1988. P. 241–244. (In Russ.)
9. Meshkov V.M. *Fundamentals of the Forensic Theory of Temporal Connections*. Moscow: Akad. MVD Rossii, 1994. 128 p. (In Russ.)
10. Belkin R.S. *Criminalistics: Problems of Today. Pressing Issues of the Russian Criminalistics*. Moscow: Norma, Infra-M, 2001. 237 p. (In Russ.)

11. Мешков В.М. Фактор времени как атрибут следственной ситуации / Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Сборник науч. статей, посвященный 50-летию Юридического института БФУ им. И. Канта (Калининград, 13–15 апреля 2017 г.). Калининград: БФУ им. И. Канта, 2017. С. 290–296.
12. Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Причины экологических преступлений / Отв. ред. О.С. Колбасов. М.: Наука, 1988. 240 с.
13. Петрухина О.А. Расследование экологических преступлений. М.: Юрлитинформ, 2015. 191 с.
14. Смирнова С.А., Колдин В.Я. Судебно-экспертные технологии: современный облик и перспективы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 4. С. 137–144. <https://doi.org/10.30764//1819-2785-2019-14-4-137-144>
11. Meshkov V.M. The Time Factor as an Attribute of an Investigative Situation. *Current Problems of Legal Science and Law Enforcement Practice. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 50th Anniversary of the I. Kant Law Institute (Kaliningrad, April 13–15, 2017)*. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta, 2017. P. 290–296. (In Russ.)
12. Dubovik O.L., Zhalinsky A.E. *Causes of Environmental Crimes* / O.S. Kolbasov (ed). Moscow, 1988. 240 p. (In Russ.)
13. Petrukhnina O.A. *Investigation of Environmental Crimes*. Moscow: Yurлитinform, 2015. 191 p. (In Russ.)
14. Smirnova S.A., Koldin V.Ya. Forensic Technologies: Contemporary State and Perspectives. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 137–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764//1819-2785-2019-14-4-137-144>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устинова Ирина Владимировна – аспирант кафедры судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета; e-mail: irinaustinova71@mail.ru

*Статья поступила: 20.12.2020
После доработки: 28.01.2021
Принята к печати: 15.02.2021*

ABOUT THE AUTHOR

Ustinova Irina Vladimirovna – postgraduate student of the Department of Forensic Science and Customs, Tula State University; e-mail: irinaustinova71@mail.ru

*Received: December 20, 2020
Revised: January 28, 2021
Accepted: February 15, 2021*

Роль Совета Европы в международном сотрудничестве российских и европейских судебно-экспертных организаций

 С.А. Смирнова^{1,2}, А.И. Усов^{1,2,3}, Н.В. Говорина¹, С.А. Кузьмин^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Россия

³ ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва 105005, Россия

Аннотация. Процессы глобализации Европы позволили международной преступности стать более масштабной и диверсифицированной. Важную роль в современном судопроизводстве занимают различные формы использования судебно-экспертных знаний. Среди многочисленных форматов европейского сотрудничества особое место занимает Совет Европы – международная организация, обеспечивающая содействие взаимодействию между ее членами в области стандартов верховенства права, демократического развития, законности и культуры, прав человека. В 2021 г. отмечается четверть века со дня начала участия Российской Федерации в Совете Европы. Авторы рассматривают значимость этой даты на примере партнерства российских и европейских судебно-экспертных организаций в рамках Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI). Именно членство России в Совете Европы позволило в свое время вступить в ENFSI головным судебно-экспертным учреждениям (СЭУ) МВД России и Минюста России и на протяжении многих лет активно участвовать в ее деятельности. Показана хронология ключевых событий становления ENFSI как ведущей панъевропейской судебно-экспертной организации, основные принципы построения которой были predetermined Советом Европы. В качестве примера кооперации при решении сложных экспертных задач рассматривается инициированная российской стороной и осуществленная ENFSI в 2005–2008 годах программа международной валидации комплексной методики идентификации продуктов производства горно-металлургических компаний, содержащих металлы платиновой группы. В дальнейшем консолидированная позиция европейских и российских судебных экспертов на площадке Петербургского международного юридического форума в 2013–2015 годах послужила мощным импульсом практического развития вопросов стандартизации и аккредитации в области судебно-экспертной деятельности в России. Современная тематика сотрудничества посвящена в большей степени вопросам обеспечения качества судебной экспертизы, достоверности ее выводов, консолидации экспертных баз данных и др. Обозначены некоторые проблемы взаимодействия СЭУ, обусловленные различными правовыми системами, культурными традициями и научными школами.

Ключевые слова: Совет Европы, международное сотрудничество, ENFSI, судебная экспертиза, валидация методик, оценка экспертного исследования

Для цитирования: Смирнова С.А., Усов А.И., Говорина Н.В., Кузьмин С.А. Роль Совета Европы в международном сотрудничестве российских и европейских судебно-экспертных организаций // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 59–68.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-59-68>

The Role of the Council of Europe in the International Cooperation between Russian and European Forensic Organizations

 Svetlana A. Smirnova^{1,2}, Aleksandr I. Usov^{1,2,3}, Natal'ya V. Govorina¹, Sergei A. Kuz'min^{1,2}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russia

³ Bauman Moscow State Technical University (BMSTU), Moscow 105055, Russia

Abstract. The globalization processes in Europe have allowed international crime to become more global and diversified. The appliance of various forms of forensic knowledge and expertise plays an

essential role in current judicial proceedings. Among multiple European cooperation formats, the Council of Europe holds a special place as an international organization that promotes cooperation among its members in standards of the rule of law, human rights, democratic development, and cultural interaction. The year 2021 marks a quarter of a century since the Russian Federation's participation in the Council of Europe. The authors perceive this date's significance through the interaction of Russian and European forensic organizations within the framework of the European Network of Forensic Science Institutes (ENFSI). It was Russia's membership in the Council of Europe that allowed the lead forensic institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs and Ministry of Justice to join ENFSI and actively participate in its work for many years. The article observes the chronology of the key ENFSI events highlighting its involvement as the lead pan-European forensic expert organization, the basic principles of which were predetermined by the Council of Europe. As an illustrative example of previous cooperation in solving challenging expert problems is proposed the international program initiated by the Russian party and implemented by ENFSI in 2005–2008 to validate complex methods to identify the products containing platinum group metals produced by mining and metallurgical companies. Subsequently, the consolidated position of European and Russian forensic experts at the St. Petersburg International Legal Forum venue in 2013–2015 served as a powerful impetus for practical development of standardization and accreditation issues in forensic science in Russia. Current problematics of cooperation is mainly devoted to the issues of ensuring the quality of forensic examination, reliability of its conclusions, consolidation of expert databases. The authors also note some interaction problems between forensic organizations resulting from different legal systems, cultural traditions, and scientific schools.

Keywords: *Council of Europe, international cooperation, ENFSI, forensics, methodology validation, forensic research evaluation*

For citation: Smirnova S.A., Usov A.I., Govorina N.V., Kuz'min S.A. The Role of the Council of Europe in the International Cooperation between Russian and European Forensic Organizations. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 59–68. (In Russ.).

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-59-68>

Введение

Процессы глобализации Европы, следствием которых стали значительное увеличение объемов международной торговли, свободное перемещение людей и капитала, позволили международной и национальной преступности стать более технологичной и диверсифицированной. Цифровизация общества значительно облегчила проведение и координацию внутригосударственных и транснациональных криминальных сделок, в том числе являющихся источником подпитки террористической деятельности. В схемах нелегального перемещения наркотиков, оружия, иммигрантов, токсичных отходов и других товаров международные преступные синдикаты и террористические организации активно используют подкуп чиновников, стимулируя рост коррупции в государственном аппарате. Показательно, что даже благополучные развитые страны Европы сегодня имеют мощный теневой сектор, наносящий существенный урон как национальным экономикам, так и в целом

Евросоюзу. Практически все они уже столкнулись с социальными и экономическими последствиями небывалого роста террористической активности.

Важную роль в современном судопроизводстве всех европейских государств занимают различные процедуры использования специальных знаний, основной формой которых является судебная экспертиза. Среди различных форматов европейского сотрудничества особое место занимает Совет Европы – международная организация, обеспечивающая содействие между странами в области стандартов верховенства права, демократического развития, законности и культуры, прав человека. В 2021 году отмечается четверть века со дня начала участия Российской Федерации в Совете Европы. Значимость этой даты мы предлагаем рассмотреть через взаимодействие российских и европейских судебно-экспертных организаций в рамках Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI, Сеть), само возникновение которой как

панъевропейской организации было предопределено основными принципами построения и функционирования Совета Европы.

Краткая история создания ENFSI

История возникновения и развития ENFSI неразрывно связана с общими интеграционными процессами в Европе второй половины XX века. Эти тенденции не могли не затронуть и такие специфические области, как криминалистика и судебно-экспертная деятельность (СЭД).

Весной 1992 года господин Э. Клеп (E. Klep), временный директор лаборатории судебной экспертизы, расположенной в Рейсвейке – пригороде Гааги (Нидерланды)¹, выдвинул идею организации регулярных совещаний директоров государственных судебно-экспертных лабораторий из западноевропейских стран [1]. Эта идея была сразу же поддержана руководством лабораторий и институтов из Великобритании, Бельгии и Швеции. Тогда же было предложено и название будущей организации – Европейская сеть судебно-экспертных учреждений (European Network of Forensic Science Institutes).

Контуры организационной структуры, а также основные цели, задачи и направления деятельности формируемого объединения судебных экспертов Европы обсуждались на серии рабочих встреч инициативной группы в 1993–1995 гг. В ходе этих встреч разрабатывался «Меморандум о взаимопонимании» – документ, который должен был стать основой будущего объединения, однако на первом этапе удалось согласовать немного. Фактически весь текст документа свелся к следующему: «Мы, нижеподписавшиеся, согласны с тем, что мы, директора (менеджеры) европейских криминалистических лабораторий и других соответствующих судебно-экспертных организаций, должны регулярно встречаться для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес, с целью развития судебной науки в поддержку систем уголовного правосудия и рассматриваем предварительный меморандум о взаимопонимании в качестве основы для дальнейших действий» [там же].

Формальной датой создания ENFSI считается 20 октября 1995 г., когда на учредительном съезде в Рейсвейке 27 руководи-

лей европейских СЭУ объявили о создании Европейской сети судебно-экспертных учреждений [2]. Однако за исключением самой констатации учреждения ENFSI съезд не принял никаких документов. «Меморандум о взаимопонимании», закрепивший позицию учредителей ENFSI, был подписан ими ранее в рамках рабочих встреч.

Примером для конструирования европейского объединения СЭУ послужило Американское общество директоров криминалистических лабораторий (American Society of Crime Laboratory Directors – ASCLD)², существовавшее к этому моменту уже почти 20 лет [3]. Такая модель во многом предопределила организационные особенности построения ENFSI на много лет: с момента создания и до принятия второй конституции ENFSI строилась на принципе личного членства, т. е. являлась объединением именно руководителей СЭУ. При этом не существовало ограничений на количество организаций – членов Сети от одной страны. Эта конструкция делала ENFSI международным профессиональным объединением, но не форматом международного взаимодействия государств.

Другим аспектом, во многом определившим лицо новой организации и сыгравшим в дальнейшем неоднозначную роль в ее развитии, стал выбранный критерий отнесения тех или иных лабораторий к «европейским».

На Учредительном съезде 1993 года инициаторы проекта заявили, что «двери организации должны быть открыты для всех европейских криминалистических и/или судебно-экспертных лабораторий». В то же время, как отмечали Кжелсен (T. Kjeldsen) и Нойтебум (W. Neutebум), учредители ENFSI постарались дистанцироваться от политических вопросов, связанных с определением статуса того или иного государства, и руководствоваться прагматическим подходом: «члены ENFSI должны происходить из государства – члена Совета Европы» [2]. Забегая вперед, отметим, что позже руководству Сети не удалось последовательно проводить эту линию, что привело к фактическому разделению организаций – членов Сети на разные категории.

¹ В 2004 г. Рейсвейкская лаборатория была преобразована в Голландский институт судебной экспертизы (Nederlands Forensisch Instituut).

² Прямая аналогия с данной организацией не скрывалась и энтузиастами создания ENFSI. Так, презентуя идею новой организации на 10-м Симпозиуме Интерпола по криминалистике и судебной экспертизе в Леоне в ноябре 1992 года, В. Спрангерс (W. Sprangers) и В. Нойтебум (W. Neutebум) характеризовали будущую организацию (ENFSI) в качестве европейского эквивалента ASCLD [1].

Россия принимала активное участие в формировании ENFSI практически с момента ее зарождения. В число двадцати пяти руководителей европейских СЭУ – основателей ENFSI входил И.П. Карлин [2], возглавлявший в тот период Экспертно-криминалистический центр МВД России. Формальную возможность для этого предоставило то, что 26 февраля 1996 года Российская Федерация стала государством – членом Совета Европы. В последующем Россию в ENFSI стали представлять Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции (РФЦСЭ) и Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Минюста России³.

В мае 1999 года в Москве состоялся очередной (11-й) съезд организации, основным итогом которого было принятие главного руководящего документа ENFSI – ее первой конституции⁴. Конституция ENFSI провозгласила амбициозную цель: обеспечить, чтобы качество разработки и производства судебной экспертизы по всей Европе находилось на переднем крае мировой науки [4].

В организационном плане основой ENFSI остается персональное членство руководителей СЭУ Европы⁵. Реализовывать решения организации предполагается посредством соответствующих решений членорководителей в рамках своих служебных обязанностей. Специального финансирования деятельности ENFSI не предусматривалось. Периодические встречи участников организовывала принимающая сторона, а связанные с этим расходы покрывались из взносов участников [5].

Одним из важнейших принципов работы ENFSI на текущем этапе является ее инвариантность к национальному законодательству, регулирующему деятельность участников Сети. Основные направления ее деятельности – обеспечение качества экспертного производства и формирование атмосферы взаимного доверия к его результатам. Поэтому основное внимание организации уделяется процессу аккредитации судебно-экспертных лабораторий, обмену опытом между экспертами разных

стран и популяризация «лучших практик». В этих целях в ENFSI создана целая система рабочих групп, регулярно проводятся семинары по широкому кругу направлений экспертной деятельности.

Сотрудничество ученых разных научных школ в области судебной экспертизы

Одним из наиболее показательных примеров сотрудничества ученых в области судебной экспертизы из стран с различными правовыми системами и научными школами является осуществленная ENFSI в 2005–2008 годах программа международной валидации комплексной методики идентификации продуктов производства горно-металлургических компаний, содержащих металлы платиновой группы [2].

Такая работа потребовалась правоохранительным органам для криминалистического обеспечения борьбы с незаконным вывозом и реализацией в Европе платиносодержащих материалов, выработанных в России. Поскольку, по мнению правоохранителей, часть средств, поступающих от преступной деятельности, направлялась на финансирование терроризма, в том числе международного, Институтом криминалистики ФСБ России была разработана и внедрена комплексная методика по установлению природы и источника происхождения материалов, содержащих драгоценные металлы (далее – методика). Однако в силу того, что преследование преступников предполагалось и за пределами отечественной юрисдикции, Минюст России поручил РФЦСЭ организацию международного подтверждения пригодности методики. Основные положения методического материала были представлены научной общественности в ряде публикаций [6], а ее научная обоснованность и пригодность для использования в судебно-экспертных целях подтверждена в системе добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы⁶.

На международном уровне был сформирован научный совет с участием ведущих ученых Германии, Нидерландов, Швеции, Великобритании, США, ЮАР, России, состав которого утвердила ENFSI. Возглавил совет бывший начальник Национальной судебно-экспертной лаборатории Швеции проф. И. Копп (I. Kopp), а секретарем совета назначен ведущий научный сотрудник

³ Экспертно-криминалистический центр МВД России в 2011 году прекратил свое членство в ENFSI.

⁴ В ряде русскоязычных изданий данный документ именуется Уставом. См., например, [3].

⁵ Такой принцип организации ENFSI просуществовал вплоть до 2004 г., когда была принята вторая конституция, закрепившая положение о членстве организаций в Сети.

⁶ Пер. № РОСС RU.В175.04ОЭ00 от 02.03.2005.

института судебных экспертиз Нидерландов (NFI) Ж. Ван де Пейл (Gerard J.Q. van der Peijl). Общее курирование проекта продолжал выполнять совет директоров ENFSI. Валидация методики проводилась в два этапа.

1. Валидация аналитических методов, предусмотренных методикой, независимой международной организацией.

2. Судебно-экспертная валидация, возложенная на научный совет.

Первый этап валидации был поручен голландской организации прикладных научных исследований как независимой аккредитованной лаборатории. Анализировалась общая методология предложенного в методике исследования, а также проведены эксперименты по установлению природы и источника происхождения материалов в контрольных образцах. В результате были установлены научная обоснованность применяемых методов и общее соответствие предложенной методики международному стандарту ИСО/МЭК 17025.

Второй этап представлял собой судебно-экспертную интерпретацию результатов, получаемых посредством применения инструментальных методов исследования. Совет дал оценку криминалистической значимости получаемой информации, возможностей и пределов применения методики.

По результатам валидации научным советом был составлен отчет, представленный руководству ENFSI⁷, опубликована статья в журнале *Forensic Science International*, где были изложены не только методические подходы к решению вышеуказанной экспертной задачи, но и криминалистические рекомендации по их внедрению в практику работы ведущих металлургических компаний и правоохранительных органов зарубежных стран для выявления международных каналов контрабанды похищенных платиносодержащих материалов [7]. Некоторые ключевые аспекты валидации методики были доложены на международной конференции – 19-м Международном симпозиуме по судебной экспертизе (Мельбурн, Австралия)⁸.

Важнейшее значение данной работы заключается в том, что она явилась первым и пока единственным опытом международной валидации методического обеспечения СЭД, проведенной международным научным коллективом из стран с различными правовыми системами. Именно равноправное сотрудничество ученых, принадлежащих к разным научным школам в области судебной экспертизы и криминалистики, создали прецедент продуктивной работы по формированию системы профессионального доверия к методическому обеспечению судебно-экспертных исследований, разработанному в разных государствах.

Другим примером позитивного результата такого международного сотрудничества является активное участие представителей ENFSI и ведущих западноевропейских ученых в ряде тематических научных секций по судебной экспертизе Петербургского международного юридического форума, который ежегодно проходит в Санкт-Петербурге. Так, в научной сессии «Новые вызовы судебной экспертизы в современном технологичном мире», которая проходила в тематическом блоке «Судебная и арбитражная практика» в рамках III Петербургского международного юридического форума 2013 года (далее – Форум), приняли участие ведущие ученые и практики из Великобритании, Бельгии, Нидерландов и России. Обсуждая основные тенденции развития судебной экспертизы в Европе, ученые попытались взглянуть на реалии современности через базовую модельную призму, тремя основными гранями которой являются: 1) теоретико-методологическая грань, представляющая систему концепций, принципов, презумпций, понятий о задачах, объектах, методах судебной экспертизы; 2) технологическая грань, представляющая способы, методы и инструменты извлечения и обработки информации, содержащейся в представленных на экспертизу источниках; 3) правовая и тактико-организационная грань, символизирующая способы и приемы взаимодействия субъектов в структуре и инфраструктуре СЭД.

Доктор Ян Де Киндер (Jan De Kinder), генеральный директор национального института криминалистики и криминологии Бельгии, в своем выступлении, посвященном развитию регионального и международного сотрудничества в области судебной экспертизы, особое внимание обратил на актуальность международного обмена ин-

⁷ В настоящее время отчет доступен на официальном сайте ENFSI. <https://enfsi.eu/projects/finalised-projects/cip/> (дата обращения: 03.02.2021).

⁸ Usov A., Pereygin A., Kuzmin S. Role of forensic science in spotting of the trans-border channels that are used for illegal conveyance of materials containing precious metals. Domestic Crime to International Terror // *Forensic Science Perspectives. 19th International Symposium on the Forensic Science. Melbourne, 2008. P. 284.*

формацией в Европе. Этот процесс не должен ограничиваться обменом экспертными методиками и опытом посредством научно-методических публикаций, международных конференций и семинаров. Возрастающее число трансграничных преступлений требует расширения взаимодействия в области изучения вещественных доказательств, а также экспертных исследований в рамках различных судебных юрисдикций. Гармонизация экспертных методик, международный стандарт ИСО 17025 и инициативы по созданию дополнительных международных стандартов – составные части достижения этого. Одним из ключевых элементов являются гарантии компетенции судебных экспертов [8].

Доктор Зено Герадтс (Zeno Geradts), главный судебный эксперт NFI, председатель экспертной рабочей группы ENFSI по информационным технологиям (FIT WG ENFSI), предложил использовать в СЭД авторскую концепцию цифровых доказательств, основанную на национальном и международном опыте судопроизводства. Приняв положение, что сфера цифровых доказательств – это довольно широкая область, которая возникла в связи с потребностями судопроизводства в исследовании данных с электронных устройств, например мобильных телефонов, компьютеров, облачных систем и любых других устройств, где хранятся данные (медицинских приборов, электроники автомобилей, банковских систем и т. п.), З. Герадтс определил актуальные экспертные задачи. К ним он отнес получение доступа к электронному устройству или его ремонт, например извлечение чипа, расшифровку, декодирование и анализ, их ситуационную интерпретацию. Он отметил, что главным направлением развития этого вида судебной экспертизы является обеспечение качества. Предпринимаются усилия по описанию лучшей практики для экспертизы различных компьютерных систем⁹ как в ENFSI, так и в рабочей группе по цифровым доказательствам, международной организации по стандартизации (ISO). В европейском сотрудничестве судебных экспертов в сфере компьютерной информации необходимо учитывать бы-

⁹ Первая редакция такого руководства по экспертизе цифровых технологий была разработана FIT WG ENFSI в 2005 г. В настоящее время действует документ Guidelines For Best Practice in the Forensic Examination of Digital Technology. https://enfsi.eu/wp-content/uploads/2016/09/1_forensic_examination_of_digital_technology_0.pdf (дата обращения: 03.02.2021).

строе изменение технологий и версий продуктов, большой объем данных, подлежащих исследованию, различные методы защиты данных, а также аспекты, связанные с международным законодательством, при исследовании систем в среде Интернет [9].

Вопросам современного состояния и перспективам развития национальных и международных моделей организации СЭУ посвящены исследования Вима Нойтебума (Wim Neuteboom) – старшего менеджера проектов в NFI, основная позиция которого сводилась к тому, что поскольку количество СЭУ в Европе сравнительно невелико, игнорирование необходимости взаимодействия и сотрудничества может привести к изоляции европейских судебно-экспертных институтов. Ученые нуждаются в постоянных встречах с коллегами, чтобы обмениваться знаниями, навыками и опытом для оптимальной и эффективной работы. Вим Нойтебум отмечал, что знакомство и обмен опытом с коллегами создает преимущества для директоров, поскольку в процессе управления судебно-экспертными институтами постоянно приходится сталкиваться с некоторыми конкретными трудностями (например, этическими проблемами, проблемами обучения судебных экспертов и гарантии качества выполненных ими заключений), поэтому деловые контакты в судебно-экспертном сообществе дают преимущества как для ученых, так и для руководителей [10]. Особенностью текущей ситуации, как указывали многие европейские ученые, является создание профильных судебно-экспертных институтов, а также международных организаций с различными целями и масштабом.

Другой участник Форума – Симон Ивсон (Simon Iveson), руководитель групп специалистов в области стандартов качества и цифровых экспертиз независимого регулятора судебной экспертизы Англии и Уэльса (Великобритания) – представил свое видение правовых основ менеджмента качества судебных экспертиз. Он рассмотрел предпосылки, стоящие за решением учредить независимый регулирующий орган в Великобритании, преимущества использования формальной системы менеджмента качества при оценке допустимости доказательств, как решения Евросоюза наряду с процессуальными нормами способствуют распространению культуры качества СЭД, а также предложения Комиссии по законодательству Великобритании к новому подходу

к определению достоверности экспертных доказательств в уголовном судопроизводстве [11].

Проведение подобных научных сессий с участием ведущих европейских ученых на площадке Форума в 2013–2015 гг. имело важное значение для формирования концептуальных основ стандартизации СЭД в Российской Федерации. Результатом научных дискуссий и детальных проработок международных стандартов стало создание на базе РФЦСЭ национального комитета ТК 134 «Судебная экспертиза» и межгосударственного комитета по судебной экспертизе в СНГ – МТК-545.

В настоящее время российским ТК 134 разработаны первые национальные стандарты по терминам и определениям наиболее востребованных как субъектами СЭД, так и правоприменителями направлений судебной экспертизы: молекулярно-генетической, трасологической, психологической, компьютерно-технической, экологической экспертизы и др. При этом максимально учитываются терминологические подходы большинства рабочих групп ENFSI, в деятельности которых РФЦСЭ продолжает активное участие и в настоящее время.

Проблемы разделения полномочий судебно-экспертных организаций государств Совета Европы и Европейского союза

Естественно, что ENFSI, будучи европейской организацией, всегда придавала особое значение взаимоотношениям с Евросоюзом. Как отмечает профессор Ускюдарского университета (Турция) Экрем Малкоц, с 1997 года представители Президиума ENFSI постоянно встречаются с представителями каждого председательства ЕС, то есть два раза в год¹⁰. Такие контакты направлены прежде всего на поиск областей взаимного интереса и координацию усилий по магистральным направлениям развития судебной экспертизы.

Следует отметить, что подход к взаимодействию с ЕС в качестве приоритетного направления с самого начала воспринимался участниками организации из разных стран неоднозначно. Это было очевидно и для руководящих органов Сети. Вим Нойтебум, исполнявший в тот период обязанности секретаря ENFSI, впоследствии писал: «Еще

одним важным вопросом в первые годы был состав ENFSI, в котором было много членов из стран, не входящих в ЕС. Это всегда было проблемой для ENFSI в ее взаимодействии и работе, связанной с ЕС» [2].

Ориентация деятельности ENFSI на руководящие документы Евросоюза стала еще более очевидной с конца 2008 – начала 2009 годов, когда Сеть активно включилась в финансируемую Еврокомиссией программу «Монополия»¹¹. С этого времени повестка дня исследовательских программ Сети стала во многом определяться тематикой грантов Евросоюза. Так, за период с января 2011 по декабрь 2016 года ENFSI на выполнение пяти тематических работ получила от Евросоюза почти 3 млн евро [2]. Работы по гранту 2014 года «Разработка панъевропейских баз данных в судебной экспертизе», начатые в январе 2016 г., предполагали финансирование в объеме более 1,4 млн евро [12].

Тематика последнего из названных грантов наиболее наглядно демонстрирует существо возникшей проблемы. Задача «объединения экспертных баз данных» на международном уровне выходит далеко за пределы компетенции руководителей отдельных СЭУ. И если экспертные организации Евросоюза в данной ситуации действуют в рамках общего решения Совета ЕС от декабря 2011 г., то предложения участвовать в данных работах представителям иных стран в отсутствие соответствующих межгосударственных соглашений носят скорее формальный характер. Данное обстоятельство позволило некоторым исследователям говорить о том, что фактически в ENFSI сейчас существуют два различных вида членства: представители экспертных организаций из государств ЕС и организаций из стран, не входящих в Евросоюз [3].

Другая важная проблема, порождающая сложности в совместной работе и, что важнее, в имплементации ее результатов в экспертную практику, лежит в области, казалось бы, далекой от политики. Речь идет о методологии экспертного исследования и пределах компетенции эксперта в процессуально-значимой интерпретации результатов оценки выявленных признаков. Так, к концу первого десятилетия 2000-х годов в англо-американской школе су-

¹⁰ Malkoc E. A Different Dimension of Cooperation in the Field of Crime Prevention in Europe: Forensic Science Institutes. Katholieke Universiteit Leuven, 2004. 17 p.

¹¹ Практика выделения грантов Евросоюзом продолжается. С 1 января 2020 года в ENFSI ведется работа по гранту ЕС 2018 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий в Европе» на 1,5 млн евро.

дебной экспертизы и в судебной практике окончательно оформилась в качестве доминирующей точки зрения о возможности и даже необходимости представления суду результатов экспертного исследования как соотношения вероятностей, выраженного в виде отношения правдоподобия¹². В 2010 году Президиум ENFSI экстраполировал данный подход на экспертную практику Европы в целом: «Президиум ENFSI планирует принять меры для согласования стандарта интерпретации судебно-экспертных доказательств и обеспечить необходимую поддержку для внедрения этого стандарта в деятельность членов Сети» [14]. Для практической реализации этих планов Президиумом ENFSI была сформирована рабочая группа, которой была поручена разработка общего руководства по «оценочной отчетности» (т. е. представлению в заключении эксперта результатов исследования в виде отношения правдоподобия).

В результате трехлетней работы был разработан документ, содержащий набор практических рекомендаций по проведению оценки значимости выводов судебного эксперта и представлению результатов этой оценки в заключении. В 2015 году данное руководство было принято ENFSI в качестве нормативно-методического и в настоящее время приобрело обязательный характер для СЭУ Европейского союза. В то же время предложенный в нем подход, органичный для англо-американской системы права и присущему ей принципу стандартов доказывания, не столь однозначен для стран континентального права, где доминирует принцип «свободной оценки доказательств» судом. Это относится как к таким крупнейшим участникам ЕС, как Германия, Италия и Франция, так и к странам, в Евросоюз не входящим, в частности к России. Так, д-р К. Адам (С. Adam) из Кильского университета¹³ (Великобритания) справедливо отмечает: «Очевидно, что формулирование экспертного заключения <...> с использованием логической оценки и коэффициента правдоподобия не только возможно, но и в настоящее время представляется рекомендуемым подходом для тех, кто работает в рамках ENFSI. Тем не менее он остается спорным в некоторых юрисдикциях, где предпочтение отдается

апостериорным вероятностным оценочным утверждениям» [15].

Приведенный пример достаточно наглядно иллюстрирует, что наблюдающая ориентация руководящих органов ENFSI на правовые системы и научные школы лишь отдельных стран – участниц организации заметно ограничивает практическую полезность ее деятельности и не способствует укреплению взаимного интереса в области проводимых научных исследований. Значительно полезнее, по нашему мнению, для ENFSI, созданной в рамках и на основе принципов Совета Европы, оставаться в формате этой международной организации, обеспечивающей гармоничное взаимодействие государств с различными правовыми системами, культурными традициями и научными школами.

Заключение

В настоящее время Совет Европы, основанный еще в 1949 году, является старейшей на континенте международной политической организацией. Россия стала членом организации 28 февраля 1996 года, что позволило начать большую работу по приведению основных принципов своего законодательства в соответствие с европейскими нормами, а головным российским СЭУ присоединиться к деятельности ENFSI.

Судебная экспертиза как в Европе, так и в России позиционируется как сформировавшаяся синтетическая наука, основанная на комплексировании гуманитарных, общественных, медицинских, инженерных и естественно-научных знаний с использованием современных достижений юридической науки. Последнее определяется тем, что предмет и объект познания, задачи и методология этой науки, а также ее практическая деятельность находятся исключительно в сфере права. Поэтому неслучайно, что в последнее время именно судебная экспертиза при российско-европейском сотрудничестве выбирается в качестве основного вектора практической направленности в гармонизации правовых систем, укреплении международных и региональных юридических связей, обусловленных стремительными процессами интернационализации и глобализации всех сфер человеческой деятельности, бурным развитием всех областей права, комплексным представлением судебной экспертизы как вида процессуальной деятельности, производства, науки и учебной дисциплины.

¹² Подробнее о данной тенденции излагается в [13].

¹³ В настоящее время – Keele University.

Все это позволяет судебно-экспертному сообществу вносить существенный вклад в продвижение общих основополагающих ценностей верховенства права и укрепление мер, направленных на обеспе-

чение безопасности граждан европейских государств, в частности в области борьбы с терроризмом и организованной преступностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kopp I., Sprangers W. History of European Network of Forensic Science Institutes // *Problems of Forensic Sciences*. 2002. Vol. 50 (L). P. 203–217. http://www.forensicscience.pl/component/option,com_jbook/task,view/Itemid,2/catid,37/id,273/lang,pl/
2. Kjeldsen T., Neuteboom W. 20 Years of Forensic Cooperation in Europe. The History of ENFSI 1995–2015. The Hague: ENFSI, 2015. <https://enfsi.eu/wp-content/uploads/2017/06/History-of-ENFSI.pdf>
3. Хазиев Ш.Н. Международные судебно-экспертные организации (справочное пособие, часть 1) // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2009. № 1 (13). С. 156–177.
4. Malkoc E., Neuteboom W. The Current Status of Forensic Science Laboratory Accreditation in Europe // *Forensic Science International*. 2007. Vol. 167. No. 2–3. P. 121–126. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2006.06.064>
5. Нотебум В., Шакель Н.В. История взаимодействия судебно-экспертных учреждений в рамках ЕНФСИ // *Судебная экспертиза Беларуси*. 2016. № 2 (3). С. 21–25.
6. Фесенко А.В., Кучкин А.В., Богатырев В.С., Богданов А.В., Миловзоров Н.Г., Павлов А.О., Шумская Т.В., Перельгин А.С., Харьков Н.Е., Карпов Ю.А. Криминалистические исследования продуктов производства горно-металлургических компаний, содержащих металлы платиновой группы // *Судебная экспертиза*. 2006. № 3 (7). С. 20–31.
7. Perelygin A., Kuchkin A., Kharkov N. Criminalistic Identification of PGM-Containing Products of Mining and Metallurgical Companies // *Forensic Science International*. 2008. Vol. 174. No. 1. P. 12–15. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2007.02.027>
8. Де Киндер Я. Региональное и международное сотрудничество в области судебной экспертизы // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2013. № 3 (31). С. 171.
9. Герадтс З. Цифровые доказательства: национальный и международный опыт // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2013. № 3 (31). С. 172–173.
10. Нойтебум В. Национальные и международные модели организации судебно-экспертных учреждений: современное состояние и перспективы // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2013. № 3 (31). С. 174–175.
11. Ивесон С. Правовое основы менеджмента качества судебных экспертиз // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2013. № 3 (31). С. 170.
12. Говорина Н.В., Кузьмин С.А., Усов А.И. Основные аспекты деятельности Европейской

REFERENCES

1. Kopp I., Sprangers W. History of European Network of Forensic Science Institutes. *Problems of Forensic Sciences*. 2002. Vol. 50 (L). P. 203–217. http://www.forensicscience.pl/component/option,com_jbook/task,view/Itemid,2/catid,37/id,273/lang,pl/
2. Kjeldsen T., Neuteboom W. *20 Years of Forensic Cooperation in Europe. The History of ENFSI 1995–2015*. The Hague: ENFSI, 2015. <https://enfsi.eu/wp-content/uploads/2017/06/History-of-ENFSI.pdf>
3. Khaziev Sh.N. International Forensic Organizations (Reference Guide, Part 1). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2009. No. 1 (13). P. 156–177. (In Russ.)
4. Malkoc E., Neuteboom W. The Current Status of Forensic Science Laboratory Accreditation in Europe. *Forensic Science International*. 2007. Vol. 167. No. 2–3. P. 121–126. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2006.06.064>
5. Neuteboom W., Shakel N.V. History of Cooperation between Forensic Institutions in the Framework of ENFSI. *Forensic Examination of Belarus*. 2016. No. 2 (3). P. 21–25. (In Russ.)
6. Fesenko A.V., Kuchkin A.V., Bogatyrev V.S., Bogdanov A.V., Milovzorov N.G., Pavlov A.O., Shumskaya T.V., Perelygin A.S., Khar'kov N.E., Karpov Yu.A. Forensic Analysis of the Products Containing Platinum Group Metals Produced by Mining and Metallurgical Companies. *Forensic Examination*. 2006. No. 3 (7). P. 20–31. (In Russ.)
7. Perelygin A., Kuchkin A., Kharkov N. Criminalistic Identification of PGM-Containing Products of Mining and Metallurgical Companies. *Forensic Science International*. 2008. Vol. 174. No. 1. P. 12–15. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2007.02.027>
8. De Kinder Y. Regional and International Cooperation in the Field of Forensic Expertise. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2013. No. 3 (31). P. 171.
9. Geradts Z. Digital Evidence: National and International Experience. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2013. No. 3 (31). P. 172–173.
10. Neuteboom W. National and International Models for Forensic Institutions Organization: Current Status and Perspectives. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2013. No. 3 (31). P. 172–173.
11. Iveson S. Legal Basis for Quality Management in Forensic Science. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2013. No. 3 (31). P. 170.
12. Govorina N.V., Kuz'min S.A., Usov A.I. Main Activities of the European Network of Forensic

- сети судебно-экспертных учреждений на современном этапе // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 116–120. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-116-120>
13. Усов А.И., Градусова О.Б., Кузьмин С.А. Использование вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебно-экспертной практике (сравнительный анализ) // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 6–15. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-6-15>
14. Aitken C., Berger C.E.H., Buckleton J.S., Champod C., Curran J., Dawid A.P., Evett I.W., et al. Expressing Evaluative Opinions: A Position Statement // *Science and Justice*. 2011. Vol. 51. No. 1. P. 1–2. <https://doi.org/10.1016/j.scijus.2011.01.002>
15. Adam C. *Forensic Evidence in Court: Evaluation and Scientific Opinion*. United Kingdom: John Wiley & Sons, 2016. 336 p.
13. Usov A.I., Gradusova O.B., Kuz'min S.A. The Use of Probabilistic and Statistical Methods to Test the Significance of Scientific Evidence: Comparative Analysis of Current Forensic Practices in Russia and Abroad. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 6–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-6-15>
14. Aitken C., Berger C.E.H., Buckleton J.S., Champod C., Curran J., Dawid A.P., Evett I.W., et al. Expressing Evaluative Opinions: A Position Statement. *Science and Justice*. 2011. Vol. 51. No. 1. P. 1–2. <https://doi.org/10.1016/j.scijus.2011.01.002>
15. Adam C. *Forensic Evidence in Court: Evaluation and Scientific Opinion*. United Kingdom: John Wiley & Sons, 2016. 336 p

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова Светлана Аркадьевна – д. юр. н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; заведующая кафедрой судебно-экспертной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: info@sudexpert.ru

Усов Александр Иванович – д. юр. н., профессор, первый заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; профессор кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО РУДН; профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы МГТУ им. Н.Э. Баумана, член ААФС; e-mail: a.usov@sudexpert.ru

Говорина Наталья Владимировна – заведующая отделом международного сотрудничества ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: n.govorina@sudexpert.ru

Кузьмин Сергей Анатольевич – к. юр. н., ведущий научный сотрудник ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; доцент кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: sakuzmin@gmail.com

Статья поступила: 05.01.2021
После доработки: 30.01.2021
Принята к печати: 15.02.2021

ABOUT THE AUTHORS

Smirnova Svetlana Arkad'evna – Distinguished Lawyer of the Russian Federation, Distinguished Scholar of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor, Director of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Head of the the Department of Forensic Examination Activities of RUDN University; e-mail: info@sudexpert.ru

Usov Aleksandr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, First Deputy Director of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; Professor of the Department of Forensic Expert Activity, Law Institute of RUDN University; Professor of the Jurisprudence, Intellectual Property and Forensic Science Chair, Bauman Moscow State Technical University, member of AAFS; e-mail: a.usov@sudexpert.ru

Govorina Natal'ya Vladimirovna – Head of the Department of International Cooperation, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: n.govorina@sudexpert.ru

Kuz'min Sergei Anatol'evich – Candidate of Law, Leading Researcher of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; Associate Professor of the Department of Forensic Examination Activities, Law Institute of RUDN University; e-mail: sakuzmin@gmail.com

Received: January 05, 2021
Revised: January 30, 2021
Accepted: February 15, 2021

Исследование временных маркеров цифровых сигналограмм

С.М. Петров

Федеральное бюджетное учреждение Калининградская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, Калининград 236035, Россия

Аннотация. Представлены результаты обобщения экспертной практики исследования признаков цифровых видео- и звукозаписей, позволяющих определить время изготовления файла и датировать зафиксированные события. Введено понятие «временной маркер» и предложена классификация временных маркеров, содержащихся в имени и временных атрибутах файла, а также метаданных по форме и источнику происхождения. Изложены основные принципы представления времени различными файловыми системами. Проанализированы соотношения между различными временными маркерами для оригинальных записей и записей, изготовленных иными способами. Приведены примеры использования временных маркеров для диагностики способа изготовления записи. Рассмотрены различные виды временных маркеров, являющихся частью записанного сигнала. Показано, какие из зафиксированных записью событий могут выступать в качестве временных маркеров. Проанализирована возможность датировки с использованием астрономических событий. Разобраны отличия между абсолютной и относительной датировками при исследовании файлов звуко- и видеозаписей. Сделаны выводы о значении исследования временных маркеров для диагностики способа изготовления сигналограммы, выполнения относительной или абсолютной датировки зафиксированных событий или технологических процессов изготовления сигналограммы.

Ключевые слова: *криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей, сигналограмма, время записи, маркер времени*

Для цитирования: Петров С.М. Исследование временных маркеров цифровых сигналограмм // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 69–77.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-69-77>

Forensic Analysis of Time Markers of Digital Recordings

Sergei M. Petrov

Kaliningrad Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Kaliningrad 236035, Russia

Abstract. The article presents the results of summarizing expert practice on the examination of the features of digital video and sound recordings, which make it possible to determine the time of file creation and date of the recorded events. The author introduces the concept of “time marker” and proposes the classification of time markers in the file name, time attributes, and metadata by form and source of origin. The basic principles of time representation by various file systems are stated. The relationships between different time markers for original records and records made in other ways are analyzed. The article provides examples of using time markers to diagnose the method of making a record.

Various types of time markers that are part of the recorded signal are considered. It is shown which of the recorded events can act as time markers. The author also analyses the possibility of dating using astronomical events. Differences between absolute and relative dating are considered concerning the study of audio and video files. Conclusions are drawn about the significance of the study of time markers for diagnosing the method of making a signalogram, performing relative or absolute dating of recorded events, or technological processes of making a signalogram.

Keywords: *forensic examination of digital recordings, signalogram, recording time, time marker*

For citation: Petrov S.M. Forensic Analysis of Time Markers of Digital Recordings. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 69–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-69-77>

Введение

Цифровые сигналограммы уже около 15 лет являются типовыми объектами криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей. За это время в рамках данной экспертизы оформился не выделяемый формально, но решающий специфические задачи и требующий специфических методов исследования «подвид» экспертизы, который можно условно назвать техническим исследованием сигналограмм (ТИС). Предмет ТИС составляет определение способа, места, времени и технических средств изготовления цифровых фотографий, видео- и звукозаписей (цифровых сигналограмм).

До недавнего времени в большинстве случаев все решаемые на практике задачи ТИС сводились к определению способа изготовления сигналограммы, а точнее к решению вопроса, не изготовлена ли сигналограмма способом монтажа [1–3]. Однако накопление и осмысление экспертного опыта, необходимость обеспечить соответствие возможностей экспертизы запросам инициаторов ее назначения постепенно приводят к тому, что круг задач, решаемых ТИС, расширяется. На практике это означает, что экспертам все чаще приходится устанавливать, когда изготовлена сигналограмма, является ли она сигналограммой-оригиналом, копией файла сигналограммы-оригинала или копией, изготовленной иным способом. Для того чтобы ответить на эти вопросы, эксперт должен выявить некие признаки, позволяющие определить в том числе дату и время¹ изготовления сигналограммы. Такие признаки можно назвать маркерами² времени.

Накопленный опыт производства экспертиз позволяет выделить достаточно полный перечень маркеров времени, что дает возможность с определенной точностью датировать события, зафиксированные записью, или технологические операции, про-

изводившиеся в процессе изготовления исследуемой сигналограммы.

Аппаратно-зависимые маркеры времени

Анализ большого количества цифровых сигналограмм показывает, что в качестве временных маркеров могут выступать:

- порядковый номер записи, явно указанный в имени файла сигналограммы;
- порядковый номер первого кластера носителя записи, занятый файлом сигналограммы;
- время записи, указанное в имени файла сигналограммы;
- временные атрибуты файла сигналограммы;
- временные атрибуты в метаданных файла сигналограммы;
- показания часов реального времени в текстовом потоке файла сигналограммы;
- показания часов реального времени в поле кадра видеограммы.

Очевидно, что перечисленные маркеры формируются комплексом аппаратно-программных средств, используемых для изготовления сигналограммы, и таким образом являются аппаратно-зависимыми маркерами времени. Перечисленные маркеры можно разделить на порядковые и собственно временные.

Порядковые маркеры³ позволяют определить место исследуемой сигналограммы в последовательности сигналограмм, записанных одним и тем же устройством документирования. Из этого явно следует, что порядковые маркеры являются информативными, только когда возможно исследовать несколько сигналограмм, созданных одним устройством. Такое исследование позволяет определить последовательность изготовления сигналограмм. Так, можно предполагать, что из двух сигналограмм, имеющих на запоминающем устройстве, сигналограмма FILE9517 записана раньше сигналограммы FILE9518 (рис. 1). Об этом

¹ Далее в тексте и дата, и время обозначаются термином «время».

² Маркер – специальная отметка, признак чего-либо.

³ Standard of Japan Electronics and Information Technology Industries Association. JEITA CP-3461B. Design Rule for Camera File system: DCF Unified Version 2.0.

\\SRoot\DCIM\100MEDIA					
Имя	Размер	Изменен	ID	Атрибуты	
FILE9517.MOV	14 494 178	2019-04-05 12:21	31191	----A	
FILE9518.MOV	36 793 164	2019-04-05 12:22	31716	----A	
FILE9519.MOV	1 608 585	2019-04-05 12:22	33010	----A	
FILE9520.MOV	11 494 419	2019-04-05 12:23	33060	----A	

Рис. 1. Сведения о файлах на носителе записи (в столбце ID указан номер первого кластера, занятого файлом)

Fig. 1. Information about files on the storage (the ID field contains the number of the first cluster of the file)

же свидетельствуют и порядковые номера первых кластеров, принадлежащих указанным файлам [4].

Однако следует учитывать, что соотношение между номерами кластеров и порядком записи сохраняется, только когда с носителя записи в процессе его использования не удаляются ранее записанные файлы. В противном случае для определения последовательности записи файлов обязательно следует учитывать правила, в соответствии с которыми устройство документирования осуществляет запись на носитель. При этом сравнение только порядковых маркеров нескольких сигналограмм позволяет определить лишь их относительную датировку, т. е. установить, создана ли одна сигналограмма раньше или позже другой.

Собственно маркеры времени содержат сведения о времени совершения тех или иных технологических операций изготовления сигналограммы. Они могут быть представлены как в явном, так и неявном (кодированном) виде. Источником сведений о времени являются часы реального времени (ЧРВ) устройства (устройств), средствами которого изготовлена сигналограмма. В процессе изготовления сигналограммы каждому такому маркеру времени присваивается значение, соответствующее пока-

заниям ЧРВ на момент начала или завершения технологической операции.

Различные маркеры времени, такие как временные атрибуты файла, временные атрибуты в метаданных файла и др., в большинстве случаев не воспринимаются непосредственно в том виде, в котором они были записаны на носитель, но опосредованно, через интерфейс программ, используемых для их исследования. В результате складывается впечатление, что временные маркеры содержат значение времени в явном виде (рис. 2). Однако это не соответствует действительности. В большинстве случаев сведения о времени хранятся на носителе записи (в его файловой системе или метаданных файла) в виде некоторого числа (рис. 3–5), определяющего обычно количество единичных отсчетов времени, прошедших с даты, принятой в качестве начала отсчета.

Так, например, современные операционные системы семейства Windows представляют дату и время как количество 100-наносекундных интервалов, прошедших с полуночи 1 января 1601 года [5]. В других операционных системах используются свои системы кодирования времени [6, 7].

На таких носителях записи, как твердотельные запоминающие устройства типа

d:\DCIM\100MEDIA*.*					
Имя	Тип	Размер	Дата создания	Дата модификации	
[-]					
FILE9514	MOV	313 969 680	28.04.2017 14:49:00	28.04.2017 14:54:10	
FILE9515	MOV	375 691 500	05.04.2019 11:10:34	05.04.2019 11:16:44	

Рис. 2. Сведения о дате создания и модификации файла, предоставляемые программой Total Commander

Fig. 2. Information on the file creation and modification date provided by Total Commander

46 49 4C 45 39 35 31 34	4D 4F 56 01 00 01	20 76	FILE9514MOV...
9C 4A B1 4E 02 00 C5 76	9C 4A DB 4A 10 CC B6 12		.J.N..Ev.JYJ.M..
41 46 00 49 00 4C 00 45	00 39 00 0F 00 75 35 00		AF.I.L.E.9...u5.

Рис. 3. Сведения о времени создания файла в таблице размещения файлов носителя записи

Fig. 3. Information about the file creation time in the file allocation table of the storage

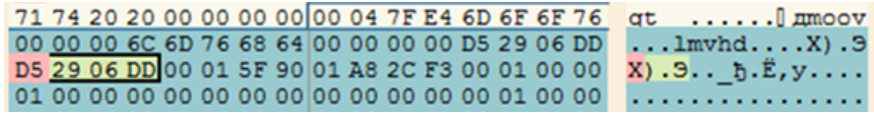

Рис. 4. Сведения о времени записи в теле файла
Fig. 4. Information on the recording time in file body

Name /	Size	Created	Modified
1D1488FFDCB4D5C.avi	10514944 Bytes	06.01.2016 16:39:04	06.01.2016 17:03:41
1D148900492FD4C.avi	10507776 Bytes	06.01.2016 16:39:15	06.01.2016 16:47:26

Рис. 5. Имена файлов, записанных цифровым видеорегистратором, представляющие собой 32-битный шестнадцатеричный код, обозначающий время начала записи
Fig. 5. File names recorded by the DVR, which are 32-bit hexadecimal code indicating the start time of recording

Type	N	Start	Length	idx1	Text
MOVI	1	2 044			CS
00db	1	2 048	19 909	Ok	C5 4D 00 00 D0 02 00 00 F0 00 00 00 50
01dc	2	21 966	8	Ok	AB 94 D0 FD DA 44 D1 01

Рис. 6. Кадр текстового потока (00dc), содержащий сведения о времени съемки в виде 32-битного шестнадцатеричного кода
Fig. 6. Frame of text stream (00dc), containing information about the shooting time, saved as a 32-bit hexadecimal code

Compact Flash или Secure Digital, чаще всего используется файловая система FAT32. В этой системе атрибуты даты и времени кодируются 16-разрядным числом. Особенности формирования значения временных атрибутов файлов, записанных на такие носители различными устройствами, позволяют установить некоторые из обстоятельств записи [8]. На практике для дешифрации сведений о времени, представленных в различных си-

стемах кодирования, может быть использована программа Dcode⁴.

В отличие от атрибутов или метаданных файла, сведения о времени в имени файла или в текстовых потоках файла могут иметь как явный (например, «Камера1_20170722 044010_20170722 052921.avi»), так и неявный вид (рис. 5, 6).

Сведения о времени записи, хранящиеся в текстовом потоке сигналограммы, часто оказываются недоступны при воспроизведении сигналограммы «бытовыми» программными проигрывателями.

Специализированные проигрыватели, включаемые в комплект программного обеспечения систем видеорегистрации, способны извлекать сведения из текстового потока и отображать их непосредственно в поле кадра (в виде субтитров) или в отдельном поле окна проигрывателя (рис. 7).

При анализе временных маркеров обязательно следует учитывать то обстоятельство, что большинство распространенных систем кодирования времени оперирует всемирным координи-

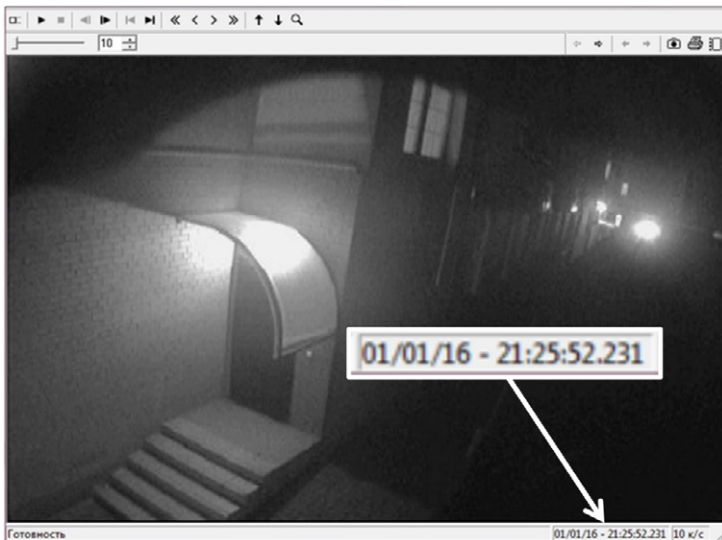

Рис. 7. Окно программного проигрывателя и увеличенный фрагмент поля, в которое выводятся сведения о времени съемки

Fig. 7. The window of the software player and an enlarged fragment of the field, which displays information about the shooting time

⁴ См. Digital Detective. Dcode. <https://www.digital-detective.net/dcode/>

рованным временем (Coordinated Universal Time, UTC). При декодировании временных маркеров устройство воспроизведения автоматически корректирует полученный результат с учетом часового пояса. В результате такая программа, как, например, проводник Windows, будет отображать разное значение временных атрибутов одного и того же файла в разных часовых поясах. Самым простым способом избежать подобных искажений информации о времени является изменение настроек даты и времени на компьютерах, на которых проводится исследование, на часовой пояс UTC.

Криминалистический анализ аппаратно-зависимых маркеров времени

Сравнительный анализ различных аппаратно-зависимых маркеров времени позволяет выдвинуть версии о способе изготовления сигналаграммы. Для этого необходимо иметь сведения, на каком этапе создания сигналаграммы присваиваются значения тем или иным маркерам времени.

Эмпирические сведения, полученные в результате анализа различных устройств документирования и сигналаграмм различных форматов, позволяют говорить, что для сигналаграммы-оригинала единственным источником сведений о времени являются часы реального времени устройства документирования. Из этого следует, что значения всех маркеров, отображающих одну и ту же стадию технологического процесса изготовления сигналаграммы, совпадают. Так, например, атрибуту времени создания файла сигналаграммы-оригинала обычно присваивается значение, соответствующее времени начала записи по показаниям ЧРВ устройства документирования, атрибуту времени последнего изменения – значение, соответствующее времени окончания записи.

Показания ЧРВ в первом и последнем кадре видеозаписи должны совпадать со значениями соответствующих временных атрибутов файла (с точностью, которая обусловлена алгоритмами работы встроеного программного обеспечения устройства документирования). Если файл содержит блоки метаданных, в которых предусмотрены временные маркеры, содержащие сведения о времени начала и/или окончания кодирования, то значения этих маркеров будут совпадать с атрибутами времени создания и времени последнего изменения

файла. Разница между временными маркерами, связанными с началом и окончанием съемки, будет соответствовать длительности записи.

В случае, когда файл сигналаграммы копируется на другой носитель, атрибут времени создания файла изменяется и принимает значение, соответствующее времени копирования. При передаче файла по сети или его записи на оптический диск всем временным атрибутам файла обычно присваиваются новые значения. В случае повторного кодирования фактически создается новый файл, и, соответственно, все маркеры времени, за исключением показаний ЧРВ в поле кадра, создаются заново и им присваиваются значения, соответствующие показаниям ЧРВ устройства, на котором осуществлялось повторное кодирование.

Большинство устройств документирования формируют запись о файле в таблице FAT в момент начала записи. Поскольку в этот момент время окончания записи еще неизвестно, имя файла, содержащее сведения о времени начала и окончания съемки, не может быть сформировано. Имена такого формата характерны для файлов видеогамм, записанных системами видеорегистрации, однако создаются они не в момент начала съемки, а при экспорте фрагмента записи на внешний носитель.

Таким образом, руководствуясь сведениями, полученными при сопоставлении маркеров времени с учетом механизма их образования, можно диагностировать факт внесения изменения в атрибуты файла, факты копирования файла сигналаграммы на другой носитель или факт ее повторного кодирования (перезаписи), т. е. решить некоторые задачи диагностики способа изготовления сигналаграммы. Например, только на основании сведений о файлах видеозаписи, приведенных в таблице, можно сделать вывод, что на один из файлов необходимо обратить особое внимание.

Таблица. Список файлов, один из которых имеет несоответствия между временными маркерами

Table. List of files, one of which has inconsistencies between time markers

Имя файла	Атрибут даты создания файла
11032011042.avi	2011:03:11 20:32:36
11032011045.avi	2011:03:11 20:33:28
11032011058.avi	2011:03:15 11:08:44

Аппаратно-независимые маркеры времени

Несмотря на то что аппаратно-зависимые маркеры содержат в том числе информацию о времени записи, их применение для датирования ограничено, т. к. ЧРВ устройства документирования (или иного устройства, использовавшегося для создания сигналаграммы), являются автономным устройством, и экспертным путем только в отдельных случаях возможно установить, насколько их показания соответствовали действительному времени на момент записи. В связи с этим большое значение приобретают маркеры времени, которые сформированы внешними по отношению к устройствам съемки и записи явлениями, поэтому их можно назвать аппаратно-независимыми.

Эти явления могут непосредственно фиксироваться устройством документирования или оказывать на него такое влияние, которое приводит к тем или иным изменениям записываемого сигнала. Как следствие, аппаратно-независимые маркеры всегда являются частью записанного сигнала той сигналаграммы, датировку которой необходимо произвести.

В качестве аппаратно-независимых маркеров могут выступать единичные или периодические события и непрерывные процессы, зафиксированные устройством документирования в случае, если они могут быть датированы с требуемой точностью, и источником сведений о времени их возникновения и развития не является само устройство документирования.

Маркером времени может выступать, в принципе, любое зафиксированное на видеозаписи событие, однако на практике приходится сталкиваться с тем, что не всякое из них может быть датировано. Так, например, если на записи зафиксировано, что некий неустановленный фигурант пользуется услугами банкомата, датировать время этого события крайне сложно, несмотря на то что все операции банкомата документируются. Вместе с тем, если два фигуранта пользуются услугами двух разных банкоматов одновременно, сопоставление списка операций каждого из

них позволяет решить поставленную задачу (рис. 8).

Таким образом, при исследовании датируемой видеозаписи одной из задач эксперта становится не просто поиск каких-либо событий, но и оценка возможностей их датирования теми или иными способами.

Очевидно, что лучшими маркерами времени будут выступать такие, датировка которых не вызывает затруднений. Чаще всего это астрономические события. Вычисление времени на основе положения небесных тел, в том числе по длине и направлению теней, является одной из популярных задач прикладной астрономии [9, 10]. Современные информационные системы предоставляют дополнительные возможности⁵.

Однако следует отметить, что, с одной стороны, для определения длины и направления тени по фото- или видеоизображению нередко необходимо применять достаточно трудоемкие методы трехмерного моделирования, с другой – достигаемая точность вычислений не позволит отличить полдень понедельника от полдня вторника. В силу периодичности астрономических явлений неотличимыми будут и любые два события, отстоящие одно от другого на время, кратное солнечному году. По этой причине метод датирования событий по астрономическим явлениям может иметь некоторые ограничения в использовании.

⁵ Shadows and SunCalc. Calculating time using clues within a Google Streetview scene. <https://medium.com/quiztime/lining-up-shadows-2351ae106cec>

Рис. 8. Событие, зафиксированное видеозаписью, которое может выступать маркером времени

Fig. 8. An event captured by video recording that can be used as a time marker

Одним из самых эффективных методов датирования записей с использованием аппаратно-независимых временных маркеров является метод, основанный на выделении в записанном сигнале гармоник частоты электрической сети и сопоставление ее колебаний с данными мониторинга, который ведется генерирующими предприятиями. Данный метод может быть применен для точной датировки как фонограмм [11, 12], так и видеogramм [13].

Абсолютная и относительная датировка событий

Как известно, в различных научных дисциплинах, рассматривающих датировку событий, может использоваться как относительная хронология – установление возраста фактов и явлений в терминах относительного времени при их соотнесении с другими фактами (до того как / после того как), так и абсолютная хронология – датировка факта или явления в терминах реального времени [14].

В практике криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей задачи датировки пока должным образом не освещены в методических публикациях, в связи с чем их решение не лишено некоторых ошибок. Наиболее распространены ошибки, обусловленные неверным пониманием относительной хронологии. Так, исходя из значений временных атрибутов файла или показаний ЧРВ в кадре видеозаписи, эксперт приходит к выводу о том, что видеозапись снята в такое-то время, и далее указывает, что указанная датировка является относительной, поскольку соответствие показаний ЧРВ и действительного времени на момент съемки установить невозможно. Как следует из определения относительной датировки, она может быть сделана в отношении фактов и явлений только при их соотнесении с другими фактами и явлениями. Соответственно, осуществляя относительную датировку, эксперт должен был сделать вывод, что, например, одна видеозапись

снята позже другой. В рассматриваемом же случае необходимо было найти маркеры времени, позволяющие выполнить абсолютную датировку по одной видеозаписи или относительную – по нескольким, а при отсутствии таких маркеров – сделать вывод о невозможности датировки.

Показания ЧРВ на видеозаписи в любом их виде могут служить основанием для относительной датировки, только когда они сравниваются с показаниями ЧРВ другой видеозаписи. При этом должно быть достоверно известно, что обе видеозаписи сняты одним устройством, в работу ЧРВ которого не вносились изменения, или разными устройствами, имеющими общий источник сведений о времени (например, различными камерами одной системы видеонаблюдения).

При возможности выполнить абсолютную или относительную датировку все маркеры времени можно разделить на абсолютные и относительные. Однако следует учитывать, что для относительной датировки необходимо сопоставить несколько одноименных маркеров.

Заключение

Описание и классификация основных маркеров времени позволяют целенаправленно использовать их в экспертной практике для того, чтобы получить дополнительные сведения для диагностики способа изготовления сигналаграммы, выполнить относительную или абсолютную датировку зафиксированных событий или технологических процессов изготовления сигналаграммы.

Для развития и совершенствования данного направления исследования звуко- и видеозаписей требуется накопление и обобщение практического опыта, что позволит расширить перечень используемых временных маркеров и разработать детальные методические рекомендации по их исследованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хуртилов В.О., Назарова Т.В., Манянин П.А., Серебряков И.А., Лебедев К.А. Типовая методика технического исследования фонограмм. М.: ЭКЦ МВД России, 2009. 96 с.
2. Кочетков А.Т., Матеркин В.А., Охотников А.А. Криминалистическое исследование видеogramм. Информационное письмо. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2003. 24 с.

REFERENCES

1. Khurtilov V.O., Nazarova T.V., Manyanin P.A., Serebryakov I.A., Lebedev K.A. *Typical Technique for Technical Research of Phonograms*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 2009. 96 p. (In Russ.)
2. Kochetkov A.T., Materkin V.A., Okhotnikov A.A. *Videogram Forensic Research. Information Letter*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 2003. 24 p. (In Russ.)

3. Каганов А.Ш. Средства фоно- и видеотехники как источник доказательственной информации / Вещественные доказательства. Информационные технологии процессуального доказывания / Под общ. ред. В.Я. Колдина. М.: Норма, 2002. С. 674–709.
4. Carrier B. *File System Forensic Analysis*. Addison-Wesley Professional, 2005. 600 p.
5. Cho G-S. A Computer Forensic Method for Detecting Timestamp Forgery in NTFS // *Computers & Security*. 2013. Vol. 34. P. 36–46. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2012.11.003>
6. Kaart M., Laraghy S. Android Forensics: Interpretation of Timestamps // *Digital Investigation*. 2014. Vol. 11. No. 3. P. 234–248. <https://doi.org/10.1016/j.diin.2014.05.001>
7. Bradley J. File System. In: Bradley J. *OS X Incident Response. Scripting and Analysis*. Syngress, 2016. P. 49–89. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-804456-8.00004-2>
8. Бояров А.Г. Способы выявления признаков изменений видео- и звукозаписей, произведенных после процесса записи, на цифровых накопителях с файловыми системами FAT16 и FAT32. (Методические рекомендации для экспертов) // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2014. № 3 (35). С. 76–92.
9. Wang Ch. A New Method of Measuring the Shadow Length / *Proceedings of the 2016 6th International Conference on Machinery, Materials, Environment, Biotechnology and Computer (Tianjin, China, June 11–12, 2016)*. 2016. <https://doi.org/10.2991/mmebc-16.2016.211>
10. Sandnes F.E. Determining the Geographical Location of Image Scenes Based on Object Shadow Lengths // *Signal Processing Systems*. 2011. Vol. 65. P. 35–47. <https://doi.org/10.1007/s11265-010-0538-x>
11. Grigoras C., Smith J.M. Audio Enhancement and Authentication. In: Siegel J.A., Saukko P.J., Houck M.M. (eds). *Encyclopedia of Forensic Sciences*. Elsevier, 2013. P. 315–326. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-382165-2.00128-8>
12. Бессонов А.А., Бояров А.Г., Степанов М.В. Метод производства судебной экспертизы фонограмм с использованием данных о частоте электрического тока сети // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2019. Т. 14. № 2. С. 43–50. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-43-50>
13. Garg R., Varna A.L., Hajj-Ahmad A., Min Wu. “Seeing” ENF: Power-Signature-Based Timestamp for Digital Multimedia via Optical Sensing and Signal Processing // *IEEE Transactions on Information Forensics and Security*. 2013. Vol. 8. No. 9. P. 1417–1432. <https://doi.org/10.1109/tifs.2013.2272217>
14. Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. *Хронология* / Под ред. В.Л. Янина. М.: Высшая школа, 1981. 191 с.
3. Kaganov A.Sh. Means of Phono and Video Technology as a Source of Evidentiary Information. In: Koldin V.Ya. (ed). *Material Evidence. Information Technology of Procedural Proof*. Moscow: Norma, 2002. P. 674–709. (In Russ.)
4. Carrier B. *File System Forensic Analysis*. Addison-Wesley Professional, 2005. 600 p.
5. Cho G-S. A Computer Forensic Method for Detecting Timestamp Forgery in NTFS. *Computers & Security*. 2013. Vol. 34. P. 36–46. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2012.11.003>
6. Kaart M., Laraghy S. Android Forensics: Interpretation of Timestamps. *Digital Investigation*. 2014. Vol. 11. No. 3. P. 234–248. <https://doi.org/10.1016/j.diin.2014.05.001>
7. Bradley J. File System. In: Bradley J. *OS X Incident Response. Scripting and Analysis*. Syngress, 2016. P. 49–89. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-804456-8.00004-2>
8. Boyarov A.G. Detecting Postproduction Tampering Artifacts in Video and Audio Recordings on FAT16 and FAT32 Formatted Storage Devices. (Methodology Recommendations for Forensic Practitioners). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 3 (35). P. 76–92. (In Russ.)
9. Wang Ch. A New Method of Measuring the Shadow Length. *Proceedings of the 2016 6th International Conference on Machinery, Materials, Environment, Biotechnology and Computer (Tianjin, China, June 11–12, 2016)*. 2016. <https://doi.org/10.2991/mmebc-16.2016.211>
10. Sandnes F.E. Determining the Geographical Location of Image Scenes Based on Object Shadow Lengths. *Signal Processing Systems*. 2011. Vol. 65. P. 35–47. <https://doi.org/10.1007/s11265-010-0538-x>
11. Grigoras C., Smith J.M. Audio Enhancement and Authentication. In: Siegel J.A., Saukko P.J., Houck M.M. (eds). *Encyclopedia of Forensic Sciences*. Elsevier, 2013. P. 315–326. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-382165-2.00128-8>
12. Bessonov A.A., Boyarov A.G., Stepanov M.V. The Electric Network Frequency Based Method of Forensic Audio Analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 43–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-43-50>
13. Garg R., Varna A.L., Hajj-Ahmad A., Min Wu. “Seeing” ENF: Power-Signature-Based Timestamp for Digital Multimedia via Optical Sensing and Signal Processing. *IEEE Transactions on Information Forensics and Security*. 2013. Vol. 8. No. 9. P. 1417–1432. <https://doi.org/10.1109/tifs.2013.2272217>
14. Pronshstein A.P., Kiyashko V.Ya. *Chronology* / V.L. Yanin (ed). Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 191 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петров Сергей Михайлович – заведующий отделом криминалистических экспертиз Калининградской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации; e-mail: pruss@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Petrov Sergei Mikhailovich – Head of the Forensic Examination Department of Kaliningrad Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: pruss@mail.ru

Статья поступила: 10.01.2021

После доработки: 15.02.2021

Принята к печати: 25.02.2021

Received: January 10, 2021

Revised: February 15, 2021

Accepted: February 25, 2021

Экспертное исследование исполнения условий договора инвестиционного страхования жизни

О.А. Абелев^{1,2}, М.М. Виноградова³, М.Г. Нерсесян³

¹ АО «Инвестиционная компания РИКОМ-ТРАСТ», Москва 121099, Россия

² ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации», Москва 119285, Россия

³ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Существенное снижение доходности по банковским депозитам заставляет граждан искать более выгодные варианты вложения денежных средств, в том числе приобретать различные финансовые продукты. Одним из таких продуктов является договор инвестиционного страхования жизни. Однако ожидания инвесторов не всегда оправдываются в полной мере, поскольку обращение с финансовыми инструментами, например опционами, требует определенной финансовой грамотности, понимания вопросов организации и функционирования срочного фондового рынка. Возникший из претензий инвесторов спор зачастую разрешается в суде. Для получения ответов на вопросы из области экономики назначается и проводится судебная экспертиза.

Судебно-экспертное исследование по данной тематике имеет особенности, которые рассмотрены в статье. Перечислены объекты экспертного исследования, приведены их краткие характеристики. Указаны основные источники справочной информации о котировках финансовых инструментов. Рассмотрены некоторые понятия и экономические категории, относящиеся к фондовому рынку и деривативам. Приведены и разъяснены русскоязычные и англоязычные термины, которыми эксперты оперировали в ходе исследования.

На примере из экспертной практики объяснена логика исследования опционного контракта и показана последовательность действий, позволивших рассчитать величину инвестиционного дохода. Обоснованы условия, которые ограничивали экспертов при проведении расчетов и которые следует учитывать при формировании экспертных выводов и их дальнейшем использовании правоприменителем.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, договор инвестиционного страхования жизни, производные финансовые инструменты, американский опцион, европейский опцион, базовый актив, инвестиционный доход

Для цитирования: Абелев О.А., Виноградова М.М., Нерсесян М.Г. Экспертное исследование исполнения условий договора инвестиционного страхования жизни // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 78–91. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-78-91>

Expert Study of the Execution of the Terms of an Investment Life Insurance Contract

Oleg A. Abelev^{1,2}, Marina M. Vinogradova³, Medeya G. Nersesyan³

¹ RICOM-TRUST Investment Company JSC, Moscow 121099, Russia

² Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow 119285, Russia

³ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. A significant decrease in bank deposits' profitability forces citizens to look for more profitable investment options, including purchasing various financial products. One such product is an investment life insurance contract. However, investors' expectations are not always fully met since dealing with financial instruments, such as options, requires a certain of financial literacy, understanding of the futures stock market's organization and functioning. Arising disputes are often resolved in court. To obtain answers to

economical questions, a forensic examination is appointed and carried out.

Forensic analysis on this topic has some features that are discussed in the article. The paper gives a list of objects for expert research and their brief characteristics. The main sources of reference information on quotations of financial instruments are provided. Some concepts and economic categories related to the stock market and derivatives are considered. The Russian and English terms used by the experts during the study are presented and explained.

Using an example from expert practice, the authors explain the logic of the analysis of an option contract and show the sequence of actions that makes it possible to calculate the investment income amount. The article justifies the conditions that restrict the experts when carrying out calculations and should be taken into account when forming and studying the expert opinions.

Keywords: *forensic economics, investment life insurance contract, derivatives, american-style, european-style, underlying asset, investment income*

For citation: Abelev O.A., Vinogradova M.M., Nersesyan M.G. Expert Study of the Execution of the Terms of an Investment Life Insurance Contract. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 78–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-78-91>

Введение

В последние несколько лет в нашей стране наблюдается устойчивое снижение доходности по вкладам в банках. Поэтому для сохранения и увеличения своих сбережений граждане ищут альтернативу классическим депозитам. В ряде случаев в такой роли выступает договор инвестиционного страхования жизни (ИСЖ). Как правило, этот продукт предлагают менеджеры кредитной организации при оформлении или переоформлении физическим лицом договора срочного банковского вклада. Однако регулятор – Банк России – неоднократно обращал внимание на то, что методы продажи, к которым прибегают агенты, не всегда корректны. Так, например, потребителей не в полном объеме информируют об особенностях продукта и рисках ИСЖ; при изложении условий договора клиента убеждают, что покупка полиса принесет значительно большую прибыль, чем депозит (банковский вклад)¹, а это не соответствует имеющимся у Банка России статистическим данным; у клиента создают неверное впечатление, что так же, как и депозит, предлагаемый продукт застрахован Агентством по страхованию вкладов (АСВ)², что в слу-

чае досрочного прекращения договора по различным причинам денежные средства, выплаченные в качестве премии, в полном объеме могут быть возвращены вкладчику. Все перечисленное, как неоднократно отмечал регулятор³, формирует некорректные ожидания потребителя. Последний же, не являясь профессиональным финансистом или игроком на бирже и подписывая многостраничный договор, напечатанный мелким шрифтом, со множеством формул и специфических терминов, как правило, не вникает во все нюансы, а ориентируется только на слова менеджера и уходит, уверенный в том, что совершил выгодное вложение и гарантированно получит свои высокие (особенно по сравнению с банковским депозитом/вкладом) проценты, как по денежному вкладу с повышенной ставкой. Но в дальнейшем, распорядившись приобретенным финансовым продуктом так же, как и депозитом, вкладчик, ставший инвестором, сталкивается с рядом проблем и, полагая, что его права нарушены, а претензии оставлены без внимания, обращается с иском в суд.

Когда суть судебного (в данном случае гражданского) спора составляет экономический вопрос, требующий для разрешения применения соответствующих специальных

¹ Термины «депозит» и «вклад» в данной статье используются как синонимы, т. е. как денежные средства, переданные в банк (на счет в кредитную организацию) под проценты на определенных условиях.

² Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» обеспечивает реализацию программы по обязательному страхованию вкладов при наступлении страхового случая в соответствии с Федеральным законом от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации». См.: <https://www.asv.org.ru/agency/>

³ Банк России предлагает усовершенствовать регулирование инвестиционного страхования жизни // Пресс-служба ЦБ РФ. 30.10.2018. <https://www.cbr.ru/Press/event/?id=2202>; Концепция по совершенствованию регулирования инвестиционного страхования жизни // Банк России. 30.10.2018. http://www.cbr.ru/Content/Document/File/51259/concept_20181030.pdf; Банк России оформит полис // Российская газета. № 66 (7824). 26.03.2019. <https://rg.ru/2019/03/26/cb-nachnet-kontrolnye-zakupki-strahovaniia-zhizni.html>

знаний, правоприменитель может назначить судебную экономическую экспертизу⁴. Поскольку ИСЖ представляет собой довольно специфический финансовый продукт и его исследование пока еще не часто встречается в экспертной практике, рассмотрим более подробно основные моменты, которые помогут эксперту-экономисту при производстве экспертизы.

Что представляет собой инвестиционное страхование жизни

Российский информационный финансовый портал Банки.ру <banki.ru> определяет инвестиционное страхование жизни как «вид накопительного страхования с инвестиционной составляющей. Договор ИСЖ заключается, как правило, на длительный срок, в течение которого страхователь осуществляет взносы с установленной периодичностью (ежемесячно, ежеквартально или сразу всю сумму)»⁵.

Несмотря на то что полис ИСЖ в большинстве случаев предлагают менеджеры банков и соответствующий договор с клиентом, как правило, подписывается на территории кредитного учреждения, этот продукт не является продуктом банка или аналогом срочного вклада или депозита, а создается страховой компанией. Кредитная организация в данном случае выступает посредником, агентом по продажам, который «от имени и за счет страховщика... совершает действия по привлечению и консультированию физических лиц... по сбору и оформлению документов... с целью заключения ими договоров страхования (полисов)»⁶ и получает за это соответствующее комиссионное вознаграждение.

Сам по себе договор инвестиционного страхования представляет сочетание классического страхования определенных рисков (смерти, болезни, несчастного случая) и инвестиционного продукта, позволяющего застрахованному, его наследникам или выгодоприобретателям, указанным в договоре, получить не только страховую сумму (сумму взносов), но и дополнительный, однако не гарантированный доход. Договор

заключается на срок от трех лет. По его истечении клиент получает гарантированную сумму выплаты и возможный инвестиционный доход.

Клиент (страхователь) уплачивает страховую взнос целиком при заключении договора или вносит его частями с определенной периодичностью – это зависит от условий конкретного договора. По самой распространенной стратегии полученные от клиента средства разделяются на две части – гарантированную и инвестиционную; кроме того, часть денег направляется на премию посреднику (комиссионное вознаграждение) и покрытие расходов создателя страхового продукта.

Гарантированная часть вкладывается в консервативные финансовые инструменты с фиксированной и крайне низкой (не превышающей 2 % или вообще нулевой) доходностью, например в государственные облигации, банковские депозиты. Таким образом обеспечивается гарантированная сумма, подлежащая выплате, возврату, в том числе при наступлении страхового случая.

Вторая часть – инвестиционная – вкладывается в высокодоходные (как считается на момент заключения договора), но в то же время рискованные финансовые инструменты, например в покупку опциона на какой-либо актив или в так называемые акции второго и третьего эшелона⁷, за счет которых в дальнейшем и предполагается получить существенный инвестиционный доход. Если ожидания не оправдаются и актив подешевеет (на момент выплат по договору ИСЖ), убыток по нему с определенной долей вероятности может быть покрыт доходом от другой части вложений.

Выбор направления, стратегии инвестирования предоставляется клиенту из вариантов, предлагаемых страхователем, кроме того, их можно изменять в течение срока действия договора. Далее деньгами клиента управляют страховые компании самостоятельно или передают их посредникам – инвестиционным или управляющим компаниям.

В качестве основных аргументов для приобретения ИСЖ вместо обычного де-

⁴ Судебная экономическая экспертиза не относится к числу экспертиз, проводимых в обязательном порядке при рассмотрении дела. Решение о ее назначении принимает правоприменитель, в том числе и по ходатайству сторон.

⁵ Словарь банковских терминов и экономических понятий / Информационный портал Банки.ру <banki.ru>. https://www.banki.ru/wikibank/investitsionnoe_strahovanie_jizni/

⁶ Здесь и далее приводятся примеры и выдержки из реальных документов, представленных в материалах дела.

⁷ Определение опциона приведено далее по тексту. Ценные бумаги второго эшелона характеризуются умеренной ликвидностью, но потенциально возможным, хотя и не гарантированным, высоким доходом. Акции компаний третьего эшелона характеризуются высоким уровнем риска и низкой ликвидностью.

позита (банковского вклада) выдвигаются следующие:

1) вероятность получения более высоких процентов по вложениям;

2) необложение страховых выплат налогом на доходы физических лиц при наступлении страхового случая⁸;

3) возможность получения налогового вычета в размере 13 % оплаченных страховых взносов (на сумму до 120 000,00 руб. в год, т. е. не более 15 600,00 руб., и при условии заключения договора на срок не менее 5 лет);

4) до момента выплаты или возврата (при наступлении страхового случая, завершении или расторжении договора ИСЖ) эти вклады являются неделимой личной неприкосновенной собственностью, т. е. они не делятся при разводе и не подлежат конфискации при наложении взыскания или ареста на имущество;

5) возможность выбора и смены стратегии инвестирования.

При этом другие существенные, но не столь привлекательные подробности менеджеры, как правило, опускают. Так, не акцентируется внимание на следующих обстоятельствах.

1. Такие инвестиции в отличие от банковских вкладов не защищены гарантиями государства, т. е. системой обязательного государственного страхования, осуществляемого ГК АСВ⁹, и в случае банкротства организации их возврат в полном объеме маловероятен (если только банкрот не был застрахован в другой компании).

2. ИСЖ – продукт долгосрочный, а потому в случае досрочного расторжения договора клиент получит так называемую «выкупную» сумму, значительно меньшую, чем его взнос (особенно в начале срока действия договора), и, как правило, не ранее чем через год после заключения договора. В случае же досрочного снятия денежных средств с депозита вкладчик теряет только проценты по вкладу.

3. Полис ИСЖ не является инструментом гарантированного получения прибыли, и имеется высокая неопределенность по

уровню его доходности. Если инвестиционная стратегия не оправдывается, страхователь с большой долей вероятности получит только сумму гарантированного дохода, равную внесенным взносам. Депозит же имеет фиксированную доходность, проценты по нему определены заранее и будут получены в соответствии с условиями договора банковского вклада.

4. Имеются возможные риски инвестирования, связанные, например, с состоянием фондового рынка и поведением игроков на нем.

5. При выборе стратегии клиент может допустить ошибку, поскольку рекламируемое и настойчиво рекомендуемое направление (сектор) инвестирования переоценено и не сможет сгенерировать значимого дохода всем участникам. В этом случае даже при высоком коэффициенте участия доход будет весьма незначительным.

6. Клиент не является профессиональным финансовым аналитиком, а потому высока вероятность допущения типичных стратегических ошибок начинающего инвестора, а именно:

– смена стратегии (выход из фонда) при снижении стоимости базового актива (товара, валюты, акции, облигации) или производного финансового инструмента (опциона, фьючерсного контракта и т. п.), к которым привязаны инвестиции; от колебания цены не застрахован ни один актив, однако профессиональные участники рынка рекомендуют менять стратегию (избавляться от падающего актива) только при наличии уверенности, что это падение глобальное, и последующий рост в обозримой перспективе невозможен;

– смена стратегии (смена фонда¹⁰) сразу после получения ощутимого инвестиционного дохода; в данном случае возрастает вероятность финансовых потерь, поскольку при смене стратегии активы будут проданы и полученные средства вложены в новый актив, однако его рост окажется под вопросом, поэтому профессиональные финансисты советуют сначала зафиксировать накопленный доход и только после этого менять фонд, но и здесь есть свои особенности: при каждой фиксации инвестиционного дохода в течение срока действия полиса ИСЖ сумма рискованной части продукта, который направляется на покупку опциона, уменьшается, что снижает потенциал доходности.

⁸ Однако следует иметь в виду, что подоходным налогом облагается инвестиционный доход, если его сумма превышает ставку рефинансирования (облагается в части превышения).

⁹ ГК АСВ была создана в 2004 году и в числе прочего осуществляет выплату возмещения вкладчикам банков – участников системы страхования вкладов при наступлении страховых случаев, т. е. отзыве лицензии и банкротстве кредитной организации.

¹⁰ Как правило, это ПИФы (паевые инвестиционные фонды) и ETF (биржевые фонды).

7. Поскольку полис ИСЖ не является продуктом банка, то последний не несет ответственности за выполнение каких-либо обязательств по нему, и претензии следует предъявлять совсем другим лицам.

Все перечисленное представляет собой нюансы, которые вряд ли сможет объяснить менеджер банка (а равно и представитель иного финансового посредника, поскольку такие продукты могут предлагать и другие профессиональные участники рынка финансовых услуг), поэтому заключать договор ИСЖ целесообразно не сразу, получив заманчивое предложение, а подумав и взвесив свои финансовые возможности, оценив вероятность риска потери вложенных средств, обновив знание предмета, обратившись к тематической литературе [1–11] и иным источникам, например к программам повышения финансовой грамотности населения, которые имеются в свободном доступе¹¹.

Далее рассмотрим случай, когда конфликтная ситуация, возникшая в результате приобретения финансового продукта, разрешается в суде, и назначается судебная экономическая экспертиза.

Суть гражданского судебного спора

Истец вместо продления имеющегося в кредитной организации договора банковского вклада воспользовался предложенным менеджером продуктом «Двойной», в рамках которого был приобретен трехлетний Полис страхования жизни, здоровья и трудоспособности по программе «Управление капиталом+». Последний представлял собой накопительный продукт с гарантированной страховой суммой и начисляемым инвестиционным доходом на соответствующем (инвестиционном) счете. Таким образом вкладчик стал инвестором, причем инвестором неквалифицированным¹², и страхователем. Банк в данном случае выступил агентом по продаже продукта страховой компании – страховщика.

По условиям Полиса страхователь (истец) оплатил страховой взнос (страховую

премию) одновременно при заключении договора и выбрал из предложенных вариантов направление инвестирования «Азиатские драконы». Страховую премию страховщик обязался инвестировать в активы с фиксированной доходностью и рыночные активы путем «приобретения производных финансовых инструментов (опционных контрактов), базовыми активами по которым являются активы по выбранному направлению инвестирования», и приобретать их у контрагентов с высокой репутацией. Выбор контрагентов для заключения с ними опционных контрактов страховщик осуществлял самостоятельно, «принимая во внимание их финансовую устойчивость, надежность, достаточность собственного капитала, опыт работы с производными финансовыми инструментами». О начальной стоимости базового актива и ее изменениях, которые публикуются в информационной системе Bloomberg, о коэффициенте участия в росте базового актива (устанавливается страховщиком самостоятельно) страховщик должен был периодически информировать страхователя.

Кроме того, договором было предусмотрено право страхователя один раз в шесть месяцев фиксировать накопленный инвестиционный доход или его часть, увеличивая в его пределах страховую сумму. В этом случае страховщик должен реализовать встречный опционный контракт на весь или на часть номинала первоначального опционного контракта по текущим котировкам и перевести полученную по опциону премию в активы с фиксированной доходностью, известив надлежащим образом страхователя. В случае досрочного расторжения договора по письменному заявлению страхователя размер возвращаемой выкупной суммы устанавливался в процентах от уплаченной страховой премии и в зависимости от времени, оставшегося до окончания срока страхования. Кроме того, возврату подлежал сформированный инвестиционный доход, зачисленный на счет.

В течение первых полутора лет действия договора истец периодически получал информацию о росте стоимости базового актива и отчеты о состоянии своего инвестиционного счета, в которых указывалась сумма накопленного инвестиционного дохода. Несколько раз страхователь пытался воспользоваться своим правом и зафиксировать доход, однако его заявки оставались без внимания, а на предъявленные пись-

¹¹ Программа повышения финансовой грамотности населения. <https://www.fingram39.ru/publications/sberezheniya-i-investitsii/>

Информационно-просветительский ресурс Центрального банка Российской Федерации «Финансовая культура». <https://fincult.info/>

¹² Различия между квалифицированными и неквалифицированными инвесторами закреплены в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

менные претензии был получен ответ, что дохода нет и фиксировать нечего.

Истец посчитал, что его права нарушены, поскольку он был введен в заблуждение, не получил достоверную и полную информацию о предоставляемой услуге, условия договора противоположной стороной не были соблюдены (в том числе в части условий инвестирования), а потому обратился в суд с иском о защите прав потребителей, взыскании страховой премии, накопленного дохода, штрафа, компенсации морального вреда и с просьбой в судебном порядке расторгнуть договор страхования жизни, здоровья и трудоспособности. Ответчик возражал против иска, указывая, что условия договора были соблюдены им полностью.

Для установления всех обстоятельств дела, получения полной и объективной картины события, установления факта наличия и величины инвестиционного дохода, в том числе на те даты, когда истцом подавались заявления на его фиксацию, судом была назначена судебная экономическая экспертиза. Для ее проведения экспертам были переданы материалы дела, представленные в суд истцом и ответчиком, в которых имелись документы – носители экономической значимой информации, часть из которых описана ниже.

Объекты экспертного исследования и источники информации

Полис (договор) страхования жизни, здоровья и трудоспособности является основным документом, регламентирующим взаимоотношения сторон, его подписавших. В числе основных сведений, необходимых для экспертного исследования, в нем указаны: дата заключения и срок действия; страховщик и страхователь (застрахованное лицо); страховые случаи (риски) и размеры страховых сумм; выбранная стратегия и направление инвестирования; размер страховой премии и периодичность ее уплаты; сроки и возможность изменения и дополнения договора страхования; условия и возможность досрочного расторжения договора и иные условия.

Детализация условий и порядка страхования по конкретной программе приведена в *приложении к полису*, которое содержит наименование программы, например «Управление капиталом+», и ее основные положения в актуальной редакции, в том числе: тип продукта, например «накопительный продукт с гарантированной стра-

ховой суммой и начисленным инвестиционным доходом на инвестиционном счете»; сроки и условия страховой выплаты; обязательства страховщика по инвестированию полученной страховой премии; коэффициент участия страхователя в росте базового актива и начальную стоимость последнего как при заключении договора, так и при изменении его условий (направления инвестирования); определение инвестиционного дохода и формулы его расчета как для базового актива, исчисляемого в российских рублях, так и для валютного актива, а также определение инвестиционного дохода при досрочном завершении договора страхования или смене направления инвестирования и в целях фиксации накопленного промежуточного дохода; правила фиксации накопленного промежуточного инвестиционного дохода и отмены данной операции; порядок учета величины инвестиционного дохода на инвестиционном счете страхователя и предоставления информации владельцу счета; возможные варианты направления инвестирования в виде перечня рыночных активов, один из которых может быть выбран страхователем, например «Азиатские драконы», «Акции российских компаний, входящие в состав индекса РТС», «Энергия будущего», «Золото», «Нефть»; правила смены направления инвестирования и досрочного расторжения договора по желанию страхователя; размер выкупной суммы, которую получит страхователь при досрочном расторжении договора (рассчитывается в процентах от уплаченной страховой премии и в зависимости от количества полных лет, оставшихся до окончания срока страхования по договору); права и обязанности сторон договора страхования и др.

Упомянутый выше коэффициент участия (КУ) выражается в процентах и означает следующее: если КУ указан в размере 100 %, то при росте базового актива клиент получит 100 % доходности от роста; если он составляет 80 %, то клиент получит 80 %; если 200 %, то клиент получит в два раза больше, чем рост базового актива, однако последнее встречается редко. При этом изменение базового актива фиксируется на определенную дату. Считается, что чем выше потенциал доходности самого базового актива, тем меньше для него будет КУ.

Отчеты о состоянии инвестиционного счета содержат необходимую для экспертных расчетов информацию, предостав-

ленную страховой компанией клиенту при осуществлении операционного сопровождения по заключенному договору страхования, в том числе: сумму оплаченных страховых взносов; величину КУ; тип приобретенного в пользу клиента опциона с учетом направления инвестирования; результаты инвестирования – накопленный промежуточный доход и текущее состояние инвестиционного счета; динамику выбранного направления инвестирования с момента заключения договора и на дату отчета; изменение (прирост, снижение в процентах) стоимости базового актива; величину промежуточного дохода, доступного для целей фиксации, и др.

Заявления страхователя, на основании которых эксперт устанавливает, на какую дату страхователь выразил желание зафиксировать накопленный инвестиционный доход, на всю сумму или ее часть надлежало увеличить размер страховой суммы.

Как правило, информация, необходимая для проведения экспертных расчетов, в том числе о ценах рыночных активов, в которые были инвестированы средства истца, котировках финансовых инструментов и базового актива по состоянию на моменты открытия и закрытия биржи на даты операций с опционом клиента, спецификация опциона, условия эмиссии ценных бумаг и др. должна быть представлена в материалах дела. В случае отсутствия каких-либо справочных данных их необходимо запросить посредством заявления соответствующего ходатайства. Если оно будет удовлетворено не в полной мере, определенную часть из них можно извлечь самостоятельно, обратившись к официальным информационным сайтам. В данном случае эксперта нельзя упрекнуть в самостоятельном сборе материалов для экспертного исследования, поскольку такая информация является справочной, вспомогательной и публикуется в официальных источниках в общем доступе. При этом в тексте заключения важно указать электронные адреса, по которым они расположены, или выходные данные печатного издания.

Выше мы указали, что сведения о начальной стоимости базового актива и ее изменениях, которые должны были предоставляться страхователю по условиям заключенного договора, публикуются в информационной системе Bloomberg – одном из крупнейших поставщиков информации для профессиональных участников финан-

совых рынков. Посредством обращения к ней можно получить различные данные, в том числе сведения о ценах, по которым торгуются финансовые продукты на мировых биржах и внебиржевых рынках¹³ в режиме реального времени, а также прошлые (исторические) цены на интересующие даты. Доступ к Bloomberg Terminal платный и достаточно дорогой, его вряд ли целесообразно оплачивать для производства экспертизы. Однако возможно получить доступ к системе в режиме демонстрации и в ряде случаев найти сведения об интересующем продукте. При этом следует иметь в виду, что данная информация (например, о цене bid – цене, по которой покупатели готовы принять предложения о приобретении продукта), по сути, представляет собой ориентировочные котировки продукта, т. е. цены, предлагаемые покупателями и продавцами, а не цены, по которым были совершены реальные сделки.

На финансовом портале <ru.investing.com> можно получить доступ к информации «о мировых фондовых рынках, сырьевых товарах, криптовалютах, мировых индексах, мировых валютах, облигациях, фондах и процентных ставках, ETF, фьючерсах и опционах»¹⁴. Сведения о котировках финансовых инструментов, базовых активов с данного портала, а также с сайта <investfunds.ru> могут быть использованы в экспертном исследовании.

Для идентификации финансового инструмента, который может торговаться на различных биржах и в различной валюте, иметь международное или внутринациональное обращение, ему присваиваются международный идентификационный код ценной бумаги – ISIN (International Securities Identification Number) и международный код классификации финансовых инструментов – CFI (Classification of Financial Instruments). По 12-значному буквенно-цифровому ISIN-коду можно однозначно идентифицировать конкретную ценную бумагу, финансовый инструмент (акцию, облигацию, фьючерс, опцион и др.) при проведении сделок и расчетов с ними, т. е. по данному коду эксперт

¹³ Внебиржевой рынок ценных бумаг создается дилерами или агентами; ценные бумаги, которые на нем торгуются, не прошли листинг (не котируются) на бирже; стоимость ценной бумаги формируется по результатам индивидуального соглашения между продавцом и покупателем, а не в результате действия рыночных факторов; другие участники рынка не имеют информации о том, по какой цене была совершена сделка.

¹⁴ Информация с официального сайта портала.

может найти информацию по исследуемому финансовому инструменту в различных системах. В 6-разрядном буквенном CFI коде содержится информация о существенных характеристиках финансового инструмента, в том числе о его виде, типе и форме выпуска, особенностях обращения, погашения и др. Информацию об этих кодах можно получить на сайте <isin.ru>.

Сведения о листинге европейских ценных бумаг, выпущенных компаниями разных стран, и спецификации по ним, информация о различных инструментах, акциях, облигациях, инвестиционных фондах (ETF) доступны, например, на сайте Люксембургской фондовой биржи <bourse.lu>. Именно на этой площадке торговались рыночные инструменты в рассматриваемом нами конкретном случае.

Часть перечисленных выше информационных ресурсов представлена на английском языке. В этом случае эксперт может использовать, например, сервис перевода Google. Если сайт предоставляет возможность выбора языка, его удобно применять в режиме «на русском».

Основные понятия и экономические категории, задействованные в ходе экспертного исследования

Одним из требований, предъявляемых к тексту заключения эксперта, является требование излагать его так, чтобы он был понятен лицам, не обладающим специальными знаниями в данной области, а кроме того, разъяснять специфические термины, в том числе профессиональные, и те, которые могут иметь несколько толкований.

Область экономики, к которой относится оборот финансовых инструментов, характеризуется узкопрофильной терминологией, в том числе англоязычной. Со многими терминами можно ознакомиться в тематических изданиях, например [1, 2, 12, 13]. Здесь эксперт сталкивается с рядом трудностей, поскольку у одного понятия в разных источниках (в книгах, статьях или на трейдерских сайтах) имеется довольно большое количество названий, синонимов, например: английские слова, их буквальное переводы, их аналоги в русскоязычной финансовой и торговой традициях, просто кальки с английского языка и т. п. Именно поэтому в заключении следует приводить ту формулировку, пояснение термина, которую эксперт счел предпочтительной применительно к конкретному исследованию.

Приведем основные термины (с указанием ряда их синонимов) и категории, отталкиваясь от конкретного примера из экспертной практики. Одновременно будем учитывать, что значения некоторых терминов, определения ключевых понятий могут оговариваться в объектах, переданных эксперту на исследование, например в Полисе страхования и приложениях к нему. В таком случае следует руководствоваться трактовкой из этих документов. Например, страховая премия в конкретной программе страхования, а соответственно и в проводимой экспертизе, определялась как «плата за страхование, уплаченная страхователем в валюте Российской Федерации одновременно и по тарифам страховщика»; начальная стоимость базового актива – как «цена на рыночный актив, соответствующий выбранному страхователем направлению инвестирования, действовавшая в последний рабочий день месяца заключения договора страхования или изменения направления инвестирования»; инвестиционный доход страхователя – как «положительный прирост стоимости базового актива опционного контракта, умноженный на коэффициент участия и на размер страховой премии клиента в валюте базового актива, переведенной из рублей по курсу ЦБ РФ на дату оплаты премии». Кроме того, имеющиеся в данных документах формулы расчетов тех или иных величин в случае необходимости также должны быть применены экспертом в ходе исследования.

В рассматриваемом нами примере по условиям договора страховщик обязался приобрести в пользу страхователя «финансовые и инвестиционные инструменты (опционные контракты), привязанные к изменению расчетной цены ETF iShares MSCI All Country Asia ex Japan (тикер: AAXJ US equity)».

Опцион (option) представляет собой двустороннее соглашение, финансовый контракт, по которому одна из сторон (владелец, покупатель, держатель опциона) получает право, но не обязанность совершить установленные договором действия, в том числе купить или продать ценные бумаги, валюту, другие контракты, долговые обязательства и др., то есть оговоренный базовый актив по оговоренной цене (exercise price, strike price – англоязычные варианты; цена исполнения, цена реализации – русскоязычные синонимы) и в оговоренный договором срок в будущем. За право заявить

требование по опционному договору одна сторона – покупатель (держатель) опциона уплачивает другой стороне – подписчику предусмотренную таким договором сумму – опционную премию (ст. 429.3 Гражданского кодекса Российской Федерации). Эта сумма является *ценой опциона*.

По срокам исполнения (по стилю) опционы разделяют на американский и европейский. Существуют и другие виды опционов. *Американский опцион* (american-style) можно исполнить в любой день до истечения срока действия договора, включая последнюю дату, *европейский опцион* (european-style) – только в день истечения контракта. Срок действия опциона называют *экспирацией* (expiration date, expiry date).

В основе опционного контракта лежит финансовый или товарный актив, который называют *базисным* или *базовым активом* (underlying asset, share). Как правило, он торгуется на бирже. Такой актив всегда имеет две цены: текущую рыночную цену, или *цену спот* (spot, cash – цена, сложившаяся в момент торга, кассовая цена), и *цену страйк* (strike, striking price, exercise price – цена исполнения, зафиксированная в договоре, по которой опцион может быть исполнен в оговоренное в нем время).

Исполнение опциона (exercise, exercising an option) означает, что держатель опциона (владелец, покупатель), следуя условиям опциона, покупает или продает базовый актив по цене страйк, одновременно с этим вторая сторона обязана выполнить противоположное действие.

Дата завершения опционного контракта (maturity date) – это последний день, в который можно совершить сделку по контракту.

Словосочетание «расчетная цена ETF iShares MSCI All Country Asia ex Japan (тикер: AAXJ US equity)» включает следующие понятия.

Расчетная цена ETF – это стоимость чистых активов фонда, разделенная на количество выпущенных им акций.

ETF (Exchange Traded Fund) – биржевой инвестиционный фонд, паи которого торгуются на бирже; представляет собой биржевой инструмент для анализа и минимизации рисков и формирования диверсифицированного инвестиционного портфеля активов. Детальная информация о ETF-фонде содержится в проспекте и приложениях к нему, а базовая информация (доходность, состав активов, описание индексов, информация о рисках, стоимость чистых активов

на одну акцию фонда, финансовые отчеты, еженедельная аналитика и др.) – в справках по фонду (factsheet). Индексный ETF практически полностью повторяет изменения биржевого индекса, лежащего в его основе (фондовый индекс страны, глобальный или страновой отраслевой индекс и т. п.).

ETF iShares MSCI All Country Asia ex Japan – инвестиционный фонд из линейки (серии) iShares, ориентированный на широкий индекс азиатского рынка акций, фонд с ориентиром на индекс MSCI (Morgan Stanley Capital International) All Country Asia ex Japan (или AAXJ), при этом сам основной индекс сформирован из акций фирм стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Гонконг, Индии, Филиппин, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Малайзии, Индонезии, Таиланда), исключая Японию. Этот фонд (выпущенные им акции) представляет собой базовый актив. Следует отметить, что для одного базового актива может существовать множество опционов.

Morgan Stanley Capital International Inc. – это международная аналитическая компания, которая рассчитывает финансовые индексы, являющиеся индикаторами экономического состояния государств, секторов экономики, отдельных компаний. MSCI – семейство глобальных фондовых индексов, которые она публикует. На их основании выпускаются ETF.

Индекс в данном случае означает не число, а перечень компаний, чьи ценные бумаги (их средняя стоимость в торгах на рынке) составляют основу для расчета биржевого (фондового) индекса. С помощью данного показателя характеризуется общее направление и скорость изменения биржевых котировок, например компаний определенной отрасли (или всего рынка в целом), т. е. показывается общий тренд движения определенного сегмента рынка без необходимости оценки положения отдельных компаний. Список акций, чьи котировки используются для построения индекса, зависит от целей построения конкретного индекса и включает в себя финансовые инструменты со сходными характеристиками. Индексы дают информацию инвесторам о целесообразности вложений в компании того или иного сектора экономики (или в экономику в целом) в данный момент времени. С их помощью выравниваются колебания курсов отдельных акций, входящих в конкретный индекс. *Покупка индекса* означает покупку набора ценных бумаг (в пропорциях), вхо-

дящих в индекс, а точнее – покупку акций соответствующего ETF-фонда.

Тикер – краткое название, уникальный идентификатор биржевого инструмента (акции определенной компании).

Equity (Equity index) – индекс, имеющий в основе расчетов своей базы только акции. То есть в нашем примере «тикер: AAXJ US equity» означает, что базовый актив (в данном случае индекс акций) торгуется как акция на американском (US) фондовом рынке. Отличается от *Equity Option* – опциона, ориентированного сугубо на индекс акций, который предполагает наличие возможности (права) покупки только акций согласно структуре того или иного индекса акций.

Информация (reference data, справочные данные) о конкретном инвестиционном продукте, в том числе проспект эмиссии (base prospectus), окончательные условия (ценовое предложение) (final terms, pricing supplement) и др., отражается на сайте биржи и определяется по уникальному коду продукта ISIN. Спецификация является неотъемлемой частью опциона, в ней указываются ключевые характеристики контракта, в том числе стиль опциона (европейский, американский); количество базового актива, подлежащего поставке при погашении; дата окончания действия контракта.

В рассматриваемом нами примере в пользу истца был приобретен Call Certificate, то есть оплаченный контракт/договор на право покупки оговоренного количества ценных бумаг ETF-фонда (базового актива) по зафиксированной цене в будущем (то есть продукт, по основным экономическим характеристикам аналогичный опциону «колл» – приобретенному покупателем или предоставленному продавцом опциону на покупку определенного количества акций по установленной цене в пределах установленного периода [10]), со следующими основными параметрами:

ISIN – XS1317239207 (US 4642881829);

CFI – DYZXXR (то есть: D – долговой инструмент, Y – инструмент денежного рынка, Z – статус оплаты: финальный день обращения, X – данный символ означает, что соответствующий атрибут финансового инструмента или не определен из-за отсутствия достаточной информации, или не может быть применен на дату присвоения кода, или не применяется для инструмента данной категории, R – форма выпуска, срок: среднесрочный)¹⁵. Согласно данным

Национального расчетного депозитария Московской биржи (https://www.isin.ru/foreign_isin/db/) данные коды присвоены эмитенту Goldman Sachs International, GB;

Exercise Type / Exercise Style of Certificates – European (стиль опциона европейский);

Nominal – USD 100 (номинал 100 долл. США);

Trading Size / Minimum investment – USD 100 and multiples of USD 100 thereafter (минимальный размер сделки составляет 100 долл. США и кратные ему суммы);

Initial Valuation Date – February 29, 2016 (дата первоначальной оценки продукта Goldman Sachs);

Exercise Date / Valuation Date / Expiration Date – February 28, 2019 (дата исполнения опциона, то есть дата окончания срока его действия);

Exercise Payment Date / Maturity Date – March 7, 2019 (дата погашения опциона, дата окончания выплат по опциону);

Issue Date – April 4, 2016 (дата листинга, т. е. дата допущения ценных бумаг к торгам (включение ценных бумаг в список допущенных к торгам) в соответствии с правилами биржи);

Reference Price (Initial) – USD 49,31 (начальная цена базового актива на дату старта продукта; по условиям данного договора ею является цена закрытия базового актива в день торгов);

Issue Price – 19,71 % (цена вопроса, процент от номинала), то есть опцион предлагался к покупке с дисконтом в 80,29 %;

Exchange – NASDAQ Global Select Market (торговля базовым активом осуществляется NASDAQ¹⁶).

Общая методика и этапы экспертного исследования

Любая судебная экспертиза начинается с уяснения экспертной задачи и ознакомления с материалами дела, имеющими отношение к поставленному на разрешение экспертов вопросу (вопросам), в том числе для определения их полноты и достаточности представленной информации для формирования экспертного мнения. Это составляет первый этап экспертного исследования. В него же входит изучение нормативной базы и специальной профильной научной литературы по теме исследования.

¹⁵ По ISO 10962.

¹⁶ National Association of Securities Dealers Automated Quotation – один из крупнейших фондовых рынков, фондовая биржа США.

Следующие этапы экспертного исследования составляют логические действия, направленные на решение задачи по установлению факта наличия и величины инвестиционного дохода от приобретения финансового актива – опционного контракта, в том числе на те даты, когда истцом подавались заявления на его фиксацию:

- изучение документов, порождающих возникновение экономических и правовых взаимоотношений между страховщиком и страхователем, устанавливающих права и обязанности сторон, условия их взаимодействия (Полиса/Договора страхования);

- анализ фактического исполнения заключенных соглашений обеими сторонами, в том числе: внесение страховых взносов страхователем, размещение страховщиком вверенных ему денежных средств в доходные финансовые активы;

- сопоставление механизма реализации заключенного договора с закрепленными в нем положениями, в том числе: полноту и своевременность оплаты взносов, приобретение от имени и в пользу страхователя предусмотренных договором финансовых инструментов, исполнение обязанности по фиксации инвестиционного дохода при наличии соответствующих распоряжений;

- изучение рынка производных финансовых инструментов по доступным источникам, анализ динамики доходности приобретенного страхователем финансового продукта с учетом дат подачи страховщиком заявлений на фиксацию дохода по нему;

- расчет инвестиционного дохода на заданные даты в соответствии с условиями и по алгоритмам, предусмотренным Полисом страхования, с учетом котировок базового актива и курса валюты.

На завершающем этапе экспертного исследования формируются выводы в форме ответов на поставленные вопросы.

Практическое применение описанной методики и выполнение этапов экспертного исследования показано далее.

Вначале эксперты ознакомились с материалами дела, исходя из поставленной перед ними задачи.

Затем изучили условия Договора (Полиса) страхования жизни, здоровья и трудоспособности и Программы страхования, поскольку именно эти документы послужили основанием для осуществления финансовых операций с денежными средствами истца, результаты которых привели к судебному иску, а далее рассмотрели полноту и

качество исполнения обеими сторонами этих условий.

Было установлено, что истец выполнил возложенные на него обязанности в полном объеме – своевременная уплата страхового взноса подтверждалась платежным документом на обусловленную в договоре сумму. Кроме того, истец несколько раз воспользовался оговоренным правом и заявлял письменные ходатайства об увеличении размера страховой суммы и фиксации накопленного инвестиционного дохода, ориентируясь на информацию из отчетов о состоянии своего инвестиционного счета. По условиям договора их представляла страховая компания в рамках его операционного сопровождения.

Ответчик же исполнил свои обязанности не вполне корректно и не в полном объеме. Как мы указывали выше, денежные средства истца были инвестированы в финансовый продукт (Call Certificate), который относился к так называемому европейскому стилю, а европейский стиль производных финансовых инструментов не подразумевает возможности фиксации промежуточного инвестиционного дохода по ним¹⁷, исполнение такого опциона возможно только в установленную дату экспирации. Следовательно, приобретение данного финансового инструмента не соответствовало условиям заключенного договора страхования.

Далее эксперты проанализировали динамику доходности приобретенного в пользу истца финансового инструмента.

Сведения о котировках базового актива (индекса) на каждую дату торгов в течение исследуемого периода (цена открытия, закрытия, максимальная и минимальная цена) были получены с сайтов <investing.com> и <investfunds.ru>; они показали, что стоимость базового актива за полтора года увеличилась с 49,31 до 74,61 долл. США.

Данные о стоимости (котировках) опциона, размещенные на сайте <bloomberg.com>, свидетельствовали о том, что за указанный период активная торговля не осуществлялась (стоимость продукта не менялась в течение торговой сессии), информация о том, как оценивался опцион по состоянию на даты подачи истцом заявлений о фиксации дохода, отсутствовала. Поэтому для ответа на поставленный судом вопрос о наличии инвестиционного дохода по приобретенному в пользу истца инвестиционному

¹⁷ Возможность такой фиксации характерна для так называемого американского типа опциона.

продукту в рамках направления «Азиатские драконы» эксперты исходили из следующего.

1. Приобретенный в пользу истца инвестиционный продукт – Call Certificates – по сути представляет собой трехлетний европейский опцион с датой экспирации в феврале 2019 года, не предусматривающий возможности промежуточной фиксации инвестиционного дохода по нему.

2. С учетом задания суда, содержащегося в сформулированном в определении о назначении экспертизы вопросе, экспертами в качестве инвестиционного дохода определяется условная величина, которая рассчитывается в соответствии с положениями договора страхования жизни. При этом следует обратить внимание на то, что данный показатель (промежуточный инвестиционный доход) не предусмотрен режимом выпуска и обращения приобретенного финансового продукта. Это обстоятельство необходимо учитывать правоприменителю при оценке выводов экспертизы и принятии решения по гражданскому спору.

3. Расчет показателя, условно принимаемого в качестве «инвестиционного дохода», осуществляется исходя из изменений стоимости базового актива за исследуемый период, как это предусмотрено условиями договора страхования. Информация о биржевых сделках с приобретенным в пользу истца опционом и его стоимости на даты подачи заявлений о фиксации промежуточного дохода отсутствует. Поэтому показатель стоимости опциона не применяется в расчетах экспертов.

4. Поскольку по условиям эмиссии продукта его приобретение возможно только лотом с шагом в 100 долл. США (номинал также равен 100 долл. США), величина инвестированной суммы принимается кратной номиналу, то есть на внесенную истцом сумму возможно было приобрести неделимые лоты номиналом 100 долл. США на сумму 6 800,00 долл. США.

5. Курс валюты учитывается по данным сайта ЦБ РФ на дату приобретения финансового продукта в пользу истца и на даты имеющихся в материалах дела заявлений о фиксации инвестиционного дохода.

Для инвестиционного дохода по базовому активу, котируемому в иностранной валюте, стоимость в рублях по курсу ЦБ РФ на дату расчета дохода определялась по формуле:

$$\text{ИД}_c = \sum_1^n \max [0; \{ \text{Премия в валюте}_i \times \text{КУ}_i \times \frac{\text{Стоимость БА} - \text{Начальная стоимость БА}_i}{\text{Начальная стоимость БА}_i} \} \times \text{курс ЦБ РФ валюты базового актива к рублю РФ на дату расчета ИД},$$

где ИД_c – инвестиционный доход страхователя,

\sum_1^n – сумма инвестиционного дохода, рассчитанного в отношении каждого страхового взноса, оплаченного за время действия договора страхования,

\max – максимальная величина из 0 и значения, рассчитанного по формуле:

$$\left\{ \left[\text{Премия в валюте}_i \times \text{КУ}_i \times \frac{\text{Стоимость БА} - \text{Начальная стоимость БА}_i}{\text{Начальная стоимость БА}_i} \right] \times \text{курс ЦБ РФ валюты базового актива к рублю РФ на дату расчета ИД} \right\},$$

Премия в валюте_{*i*} – размер *i*-ой уплаченной страховой премии в валюте базового актива, пересчитанная по курсу ЦБ РФ на дату оплаты премии,

КУ_i – коэффициент участия, действовавший в дату оплаты *i*-го страхового взноса,

Стоимость БА – стоимость выбранного страхователем базового актива в дату окончания срока действия инвестиционного договора страхователя,

Начальная стоимость БА_{*i*} – начальная стоимость базового актива, действовавшая в месяц оплаты *i*-го страхового взноса по данным, опубликованным в информационной системе Bloomberg.

С учетом перечисленных условий в результате проведенных расчетов была определена величина, принятая экспертами в качестве «промежуточного инвестиционного дохода», которая составила:

на февраль 2016 года – почти 76 000,00 руб.,
на октябрь 2016 года – около 100 000,00 руб.,
на октябрь 2017 года – более 202 000,00 руб.

Установление правомерности фиксации такого промежуточного инвестиционного дохода (расчет производился в соответствии с условиями заключенного договора, но в противоречии с правилами обращения приобретенного в пользу истца инвестиционного продукта – европейского опциона), а значит, и сумм, подлежащих выплате истцу, было оставлено экспертами на усмотрение суда. При вынесении решения суд опирался на расчеты и пояснения экспертов. В результате

истцу была присуждена выплата всей уставленной суммы инвестиционного дохода.

В заключение отметим, что торговля на рынках акций, опционов, фьючерсов в нашей стране имеет более короткую историю, чем за рубежом. Поэтому профессиональное описание различных стратегий поведе-

ния на фондовых рынках, экономической и юридической сути различных финансовых инструментов можно изучить не только в тех источниках, на которые мы ссылались в данной статье, но и в иностранной литературе, например [14–16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балабушкин А.Н. Опционы и фьючерсы. Методическое пособие. М.: Фондовая биржа РТС, 2004. 104 с.
2. Буренин А.Н. Форварды, фьючерсы, опционы, экзотические и погодные производные. М.: НТО им. академика С.И. Вавилова, 2005. 524 с.
3. Жуков Д. Инвестиционное страхование жизни: плюсы и минусы // Информационный портал Банки.ру (banki.ru). <https://www.banki.ru/news/columnists/?id=9289412>
4. Ипатьев И.Р. Управление рисками и основные проблемы использования внебиржевых производственных финансовых инструментов. Страхование опционных позиций // Финансовые рынки и банки. 2020. № 3. С. 144–150.
5. Лахно Ю.В. К вопросу о развитии российского рынка деривативов // Финансы и кредит. 2013. № 14 (542). С. 49–54.
6. Левин В.С. Матвеева Т.А. Классификация производных финансовых инструментов // Финансы и кредит. 2011. № 39 (471). С. 9–14.
7. Пенюгалова Л.А., Василенко Е.Ю. Рынок производных ценных бумаг: методики работы с фьючерсными контрактами и биржевыми опционами // Финансы и кредит. 2011. № 28 (460). С. 27–36.
8. Рыкова И.Н. Опционы и виды опционных стратегий на финансовом рынке // Финансы и кредит. 2009. № 40 (376). С. 2–14.
9. Соловьев В.Н., Тумаков А.В. Опцион на заключение договора и опционный договор // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 80–83. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2018-10014>
10. Томсет М. Биржевые секреты: опционы / Пер. с англ. В.В. Найдёнова, А.В. Бушуева. Смоленск: Русич, 2008. 384 с.
11. Чекулаев М.В. Загадки и тайны опционной торговли: механика биржевого успеха. М.: ИК Аналитика, 2001. 432 с.
12. Халл Д.К. Опционы, фьючерсы и другие производные финансовые инструменты. 6-е изд. Пер. с англ. М.: ИД Вильямс, 2007. 1056 с.
13. Вайн С. Опционы. Полный курс для профессионалов. 4-е изд. испр. и доп. М.: Альпина Паблшер, 2016. 438 с.
14. Schwager J.D., Etkorn M. A Complete Guide to the Futures Market: Technical Analysis and Trading Systems, Fundamental Analysis, Options, Spreads, and Trading Principles. John Wiley & Sons, 2017. 723 p.

REFERENCES

1. Balabushkin A.N. *Options and Futures. Methodological Guide*. Moscow: Fondovaya birzha RTS, 2004. 104 p. (In Russ.)
2. Burenin A.N. *Forwards, Futures, Options, Exotic and Weather Derivatives*. Moscow: NTO im. akademika S.I. Vavilova, 2005. 524 p. (In Russ.)
3. Zhukov D. Investment Life Insurance: Pros and Cons. *Information Portal Banki.ru*. (In Russ.). <https://www.banki.ru/news/columnists/?id=9289412>
4. Ipatyev I.R. Risk Management and Basic Problems of Derivatives Dealing. Insurance of Optional Positions. *Financial and Banking Sectors*. 2020. No. 3. P. 144–150. (In Russ.)
5. Lakhno Yu.V. On the Issue of the Russian Derivatives Market Development. *Finance and Credit*. 2013. No. 14 (542). P. 49–54. (In Russ.)
6. Levin V.S. Matveeva T.A. Derivatives' Classification. *Finance and Credit*. 2011. No. 39 (471). P. 9–14. (In Russ.)
7. Penyugalova L.A., Vasilenko E.Yu. Derivative Securities Market: Methods for Working with Futures Contracts and Stock Options. *Finance and Credit*. 2011. No. 28 (460). P. 27–36. (In Russ.)
8. Rykova I.N. Options and Types of Option Strategies on the Financial Market. *Finance and Credit*. 2009. No. 40 (376). P. 2–14. (In Russ.)
9. Soloviev V.N., Tumakov A.V. Option on the Conclusion of the Contract and Optional Agreement. *Vestnik Ekonomicheskoi Bezopasnosti*. 2018. No. 4. P. 80–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2018-10014>
10. Thomsett M. *Getting Started in Options* / Translated from English by V.V. Naidenov, A.V. Bushuev. Smolensk: Rusich, 2008. 384 p. (In Russ.)
11. Chekulaev M.V. *Mysteries and Secrets of Option Trading: the Mechanics of Stock Success*. Moscow: IK Analitika, 2001. 432 p. (In Russ.)
12. Hull J.C. *Options, Futures, and Other Derivatives*. 6th ed. / Translated from English. Moscow: ID Vil'yams, 2001. 1056 p. (In Russ.)
13. Vain S. *Options. The Complete Course for Professionals*. 4th ed. Moscow: Alpina Pablisher, 2016. 438 p. (In Russ.)
14. Schwager J.D., Etkorn M. *A Complete Guide to the Futures Market: Technical Analysis and Trading Systems, Fundamental Analysis, Options, Spreads, and Trading Principles*. John Wiley & Sons, 2017. 723 p.

-
15. Hull J.C. *Fundamentals of Futures and Options Markets*. 9th ed. Pearson, 2017. 624 p.
16. Burns S., Burns H. *Options 101: A Beginner's Guide to Trading Options in the Stock Market*. Stolly Media, 2016. 41 p.
15. Hull J.C. *Fundamentals of Futures and Options Markets*. 9th ed. Pearson, 2017. 624 p.
16. Burns S., Burns H. *Options 101: A Beginner's Guide to Trading Options in the Stock Market*. Stolly Media, 2016. 41 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абелев Олег Александрович – к. э. н., доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли при Минэкономразвития РФ, начальник аналитического отдела АО «ИК РИКОМ-ТРАСТ»;
e-mail: abelevoleg@gmail.com

Виноградова Марина Михайловна – к. юр. н., главный государственный судебный эксперт отдела судебных экономических экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России;
e-mail: economist-expert@rambler.ru

Нерсисян Медея Григорьевна – заведующая отделом судебных экономических экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России;
e-mail: economist-expert@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Abelev Oleg Alexandrovich – Candidate of Economics, Associate Professor of the Russian Academy of Foreign Trade under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation; Head of the Analytical Department of RICOM-TRUST Investment Company, JSC;
e-mail: abelevoleg@gmail.com

Vinogradova Marina Mikhailovna – Candidate of Law, Master State Forensic Examiner at the Department of Forensic Economics, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice;
e-mail: economist-expert@rambler.ru

Nersesyan Medeya Grigor'evna – Head of the Department of Forensic Economics, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice;
e-mail: economist-expert@rambler.ru

Статья поступила: 22.12.2020
После доработки: 15.01.2021
Принята к печати: 02.02.2021

Received: December 22, 2020
Revised: January 15, 2021
Accepted: February 02, 2021

Просодия оскорбления

 К.В. Шульгина^{1,2}, А.В. Пасько¹

¹ Сибирский филиал ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации», Красноярск 660013, Россия

² ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», Красноярск 660049, Россия

Аннотация. Актуальность изучения просодической структуры речевых актов оскорбления обусловлена задачами, стоящими перед экспертами-лингвистами при исследовании устного дискурса. Настоящая работа носит экспериментальный характер; впервые рассмотрен набор универсальных и индивидуальных просодических средств, используемых при произнесении конфликтного высказывания с признаками вербальной агрессии. Цель статьи – выявление просодических характеристик оскорбления как иллокутивного акта, в частности изучение особенностей надсегментных единиц речи, содержащей инвективные элементы, в том числе в структуре высказываний, не ограниченных семантикой и прагматикой оскорбления. К анализу звучащих текстов применен междисциплинарный подход, основанный на методах акустического, аудитивного и лингвистического анализа. Объектами исследования являлись уникальные аутентичные высказывания, представляющие собой спонтанную звучащую речь и квалифицированные органами предварительного следствия как публичное оскорбление представителя власти. В результате выявлены суперсегментные единицы, характеризующие инвективную речь дикторов. К просодическим компонентам речевого акта оскорбления в рамках высказывания относится восходяще-нисходящий характер частоты основного тона, а также повышенные динамические характеристики речи. Высказывания, содержащие признаки оскорбления, нередко являются носителями и иных целеустановок. Просодические акценты в таких высказываниях изменяются в зависимости от речевой цели высказывания. Пропозициональное содержание анализируемых высказываний в совокупности с реализуемой их адресантом речевой целью манифестировано определенной просодической структурой. Интонационная модель таких высказываний выступает при решении диагностических экспертных задач в качестве одного из показателей субъективной отрицательной оценки, что способствует идентификации речевого действия как оскорбления.

Ключевые слова: *просодия, вербальное оскорбление, вербальная агрессия, акустические параметры речи, энергия речевого сигнала, частота основного тона*

Для цитирования: Шульгина К.В., Пасько А.В. Просодия оскорбления // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 92–99. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-92-99>

Prosody of Abuse

 Kristina V. Shulgina^{1,2}, Alexander V. Pasko¹

¹ Siberian branch of the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation, Krasnoyarsk 660013, Russia

² V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk 660049, Russia

Abstract. The relevance of the study of the prosodic structure of speech acts of abuse is due to the tasks faced by an expert linguist in the study of oral discourse. The present study is experimental; in its course, for the first time, a set of universal and individual prosodic means used when pronouncing a conflict statement with signs of verbal aggression is considered. The purpose of the article is to identify the prosodic characteristics of abuse as an illocutionary act and study the features of suprasegmental units of speech containing invective elements, including those in the structure of utterances not limited by the semantics and pragmatics of abuse. An interdisciplinary approach is applied to analyzing spoken texts based on the appeal to acoustic, auditory, and linguistic analysis methods. The study's object was unique, authentic utterances: spontaneous sounding speech qualified by the preliminary investigation authorities as a public abuse to a government official. As a result of the study, we identified suprasegmental units that characterize the speakers' invective speech. The prosodic components of the speech

act of abuse within the framework of the utterance include the ascending-descending nature of the frequency of the main tone and increased dynamic characteristics of speech. Statements containing signs of abuse are often carriers of other goals. Prosodic accents in such utterances vary and depend on the leading speech purpose of the utterance. Together with their addresser's speech goal, the analyzed utterances' propositional content is manifested by a particular prosodic structure. The intonational model of such statements when solving diagnostic expert problems acts as one of the indicators of a subjective negative assessment, which contributes to identifying a speech act as an abuse.

Keywords: *prosody, verbal abuse, verbal aggression, acoustic parameters of speech, the energy of the speech signal, frequency of the main tone*

For citation: Shulgina K.V., Pasko A.V. Prosody of Abuse. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 92–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-92-99>

Введение

Вербальная агрессия является неотъемлемой частью речевого конфликта, где в качестве адресата речевого акта с признаками оскорбления порой выступает лицо, наделенное полномочиями представителя власти. Коммуникация такого рода отличается высокой степенью иерархичности отношений между коммуникантами. Публичное оскорбление представителя власти относится к деяниям, ответственность за которые предусмотрена ст. 319 Уголовного кодекса Российской Федерации. Речевое поведение адресанта реплик оскорбительного характера носит общественно опасный характер, противоречит нормам социальной этики, наносит моральный вред объекту негативной оценки, а во многих случаях служит причиной иных вредоносных последствий.

Оскорбление как речевое преступление обладает набором свойственных ему признаков. Инвективный речевой акт включен в речевую ситуацию, характеризующуюся составом участников, их коммуникативной и социальной ролью, а также обстоятельствами – местом, временем и каналом коммуникации. Исследователь Т.С. Шахматова к характеристикам оскорбления как речевого действия относит также «интенцию автора (иллокутивную силу)» и «перлокутивный компонент, соотносящий высказывание с тем воздействием, которое оно оказывает на адресата», понимая под оскорблением «вид языкового насилия» – «лишение человека свободы выбора» [1, с. 269]. К.И. Бринев в структуру речевого акта оскорбления (РАО) включает условия успешности инвективного акта, определяя оскорбление как «...одну из форм причинения морального вреда личности» [2, с. 97].

В настоящем исследовании речь идет о паралингвистических просодических характеристиках инвективного контактного речевого акта, направленного на унижение чести и достоинства представителя власти. Сверхсегментные свойства речевого потока, дифференцируемые в современной фонетике на слоги, синтагмы и фразы [3–6], несут экспрессивную функцию¹ [7]. Таким образом, оскорбление как стремление субъекта (адресанта) нанести «ущерб в области психики» находит свое воплощение уже на этапе фонации [2, с. 109]. РАО, послужившие поводом для обращения потерпевшей стороны к правоприменителю и ставшие объектом исследования судебной лингвистической экспертизы, обладают характерным просодическим рисунком.

Объекты и методы исследования

Для исследования методами акустического, аудитивного и лингвистического анализа нами отобраны 12 высказываний, зафиксированных на фонограммах о имевшей место конфронтации сторон, признанных вещественными доказательствами по уголовным делам об оскорблении представителя власти. Лексика, не соответствующая узусу приличного общения, обозначена в анализируемых высказываниях с помощью графического эвфемизма «...» [8, с. 11].

1. «*Вы вообще конченые!*»;
2. «*Б...я, идиотище, у...бище на х...й, с...ка!*»;
3. «*Ты чмо е...аное!*»;
4. «*Да заткнись ты уже, шлюха ты е...аная, зае...ла уже, е...аная овца!*»;

¹ Pierrehumbert J. Thesis (Ph. D.) – The Phonology and Phonetics of English Intonation. Massachusetts Institute of Technology. 1980. 401 p.

5. «П...дораска, что прокурорша шлюха, что ты бл...дь проститутка е...аная!»;
6. «Пошла на х...й я тебе сказал, дичь е...аная!»;
7. «Тебе п...зда бл...дь, товарищ говнюк!»;
8. «Пошёл на х...й, п...дорас е...аный!»;
9. «Ты п...дор!»;
10. «Что ты п...дор!»;
11. «А то я на х...й вас сожгу здесь п...дорасов!»;
12. «Вы п...дорасы!».

Представленные высказывания имеют гендерную специфику – произнесены лицами с мужским типом голоса. Таким образом, предметом настоящего исследования является просодическая структура коммуникативных действий, совершенных мужчинами и сопряженных с вербальным оскорблением.

Средством выражения смысловых различий высказываний выступает интонационная конструкция. Е.А. Брызгунова в системе интонационных конструкций русского языка выделяет семь комбинаций просодических единиц, компонентами которых являются тон, акцентная интенсивность, глоттализация в виде гортанной смычки. Так, ИК-2, ИК-5, ИК-7, различаемые по типу соотношения тона, тембра, интенсивности и длительности звучащей речи, служат в числе прочего средством выражения оценки в русском языке [9]. В данной работе мы рассматриваем систему просодических средств речи в русском языке, опираясь на комбинаторную модель просодии, предложенную С.В. Кодзасовым [10]. Анализу подлежат такие просодемы, как тон, акцентирование (долготный и контрастивный ему акцент) и интенсивность голоса. Составляющие просодии РАО оцениваются нами не только на уровне восприятия, но и на уровне их акустической реализации. Каждый компонент просодии имеет свой акустический коррелят, который можно вычислить с помощью специализированного программного обеспечения. Так, С. Оде (С. Odé) для экспериментально-фонетического исследования русского языка использует компьютерные программы для обработки речи Praat и Gipsos [11]. В нашем исследовании для анализа речи используется современная программа OTExpert (v. 6.1), которая позволяет отображать звуковые файлы в различных представлениях, а также обладает набором инструментов для вычисления акустических параметров речи.

Акустическим коррелятом тона голоса является частота колебаний голосовых связок. С. Оде относит движения кривой частоты тона к конститутивному признаку, определяющему восприятие реципиентами мелодики дикторского голоса [там же]. Данную частоту в акустике принято обозначать как частоту основного тона (ЧОТ). Величина ЧОТ измеряется в количестве колебаний голосовых связок в секунду (единицы измерения – герцы, Гц). Выделение ЧОТ в рамках высказываний и оценка его динамических характеристик проводятся с помощью визуализации звукового сигнала в кепстральное представление (кепстрограмму). Данный метод оценки ЧОТ – один из наиболее точных при исследовании фонограмм ограниченного качества. Как отмечает В.Р. Женило, более надежны методы, основанные на спектральном анализе амплитудного узкополосного спектра [12, с. 126]. График энергии сигнала отображается в логарифмической шкале в децибелах (дБ). Громкость звука коррелирует с интенсивностью или звуковой мощностью, которая зависит от величины звуковой энергии. Для темпа речи коррелятом выступает временная характеристика – длительность, под которой в исследовании понимается количество времени, затраченное на произнесение речи, а также продолжительность пауз между речевыми единицами. Цель данной работы заключается в качественной характеристике перечисленных средств просодии, используемых при порождении РАО. Это особенно актуально, поскольку просодия как структурный элемент современного разговорного дискурса указывает на существующую иерархию отношений между единицами общения [13].

Анализируемые высказывания были условно разделены на три группы в соответствии с доминирующей иллокутивной целью.

В первую группу включены высказывания (1–3), (5), (9), (10) и (12), авторы которых имели цель унижить честь и достоинство адресата. Пропозициональная структура указанных высказываний представлена логическими пропозициями, где характеризуемый объект – адресат, а инвективные предикаты выступают в качестве экспликаторов его негативной оценки.

Вторая группа объединяет высказывания (4), (6) и (8) с пропозициональным содержанием: «...я выражаю свое отрицатель-

ное отношение к тебе и свое желание не видеть, не слышать и т. д. тебя, не иметь с тобой дела (вообще или в данной ситуации); я выражаю требование, чтобы ты повел себя так, чтобы мое желание было выполнено; выбор способа выполнения предоставляется тебе; одновременно я хочу тебя оскорбить и делаю это» [14, с. 810]. Пейоративы в виде субстантивных групп «шлюха е...аная», «е...аная овца», «дичь е...аная», «п...дорас е...аный» выполняют в конфликтных высказываниях роль обращения.

К третьей группе относятся высказывания (7) и (11), объединенные доминирующей авторской интенцией – угрозой. Смысловое содержание разговора, из контекста которого «изъято» высказывание (7), свидетельствует о требовании адресанта угрозы выполнить определенное действие – адресату высказывания (7) необходимо прекратить составление протокола об административном правонарушении. Речевая коммуникация, включающая высказывание (11), указывает на наличие требования со стороны инвектора прекратить уголовное преследование его близкого родственника. Адресаты, опираясь на ненормативный статус инвективных слов и их прагматический характер, восприняли высказывания (7) и (11) не только как угрозу, но и как оскорбление.

Результаты и обсуждение

При анализе просодических параметров высказываний 1–12 выявлены следующие особенности, характерные для фразовой интонации оскорбления.

Для диктора высказывания «Вы вообще конченые!» (1) наблюдается восходяще-нисходящий характер движения ЧОТ, восходящий ЧОТ взрывного характера отмечается на 255 Гц в слове «конченые» (рис. 1а); также выявлен пик энергии рече-

вого сигнала на -15,7 Дб в первом слоге оценочного слова «конченые» (рис. 1б). Отмечается средняя по длительности пауза порядка 170 миллисекунд (мс) после произнесения местоимения «вы». Анализ спектрограммы триады «КОН/» слова «конченые» показал, что длительность гласного звука {О} составляет порядка 150 мс, то есть для диктора характерно акцентирование путем растягивания ударного гласного.

Восходяще-нисходящий ЧОТ характерен для диктора высказывания «Б...я, идиотнице, у...бище на х...й, с...ка!» (2). Восходящий ЧОТ отмечается на 242 Гц в слове «идиотнице», пик энергии речевого сигнала на-

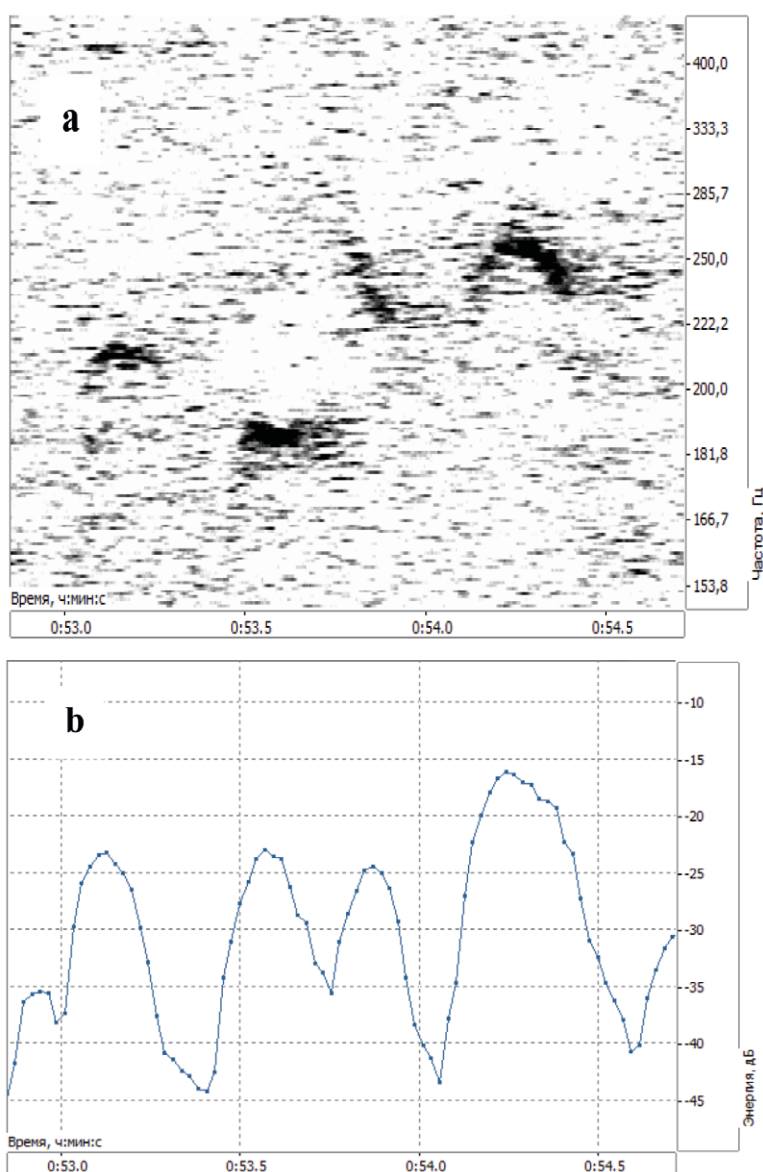

Рис. 1. Кепстрограмма (а) и энергия (б) высказывания «Вы вообще конченые!»

Fig. 1. The cepstrogram (a) and the energy of the utterance (b) "Vy voobshche konchenye!"

блюдается на -3,2 Дб в слове «б...я». Далее энергия фразы падает с каждым произнесенным словом.

Частота основного тона высказывания «Ты чмо е...аное!» (3) имеет восходяще-нисходящий характер. Восходящий ЧОТ зафиксирован на 195 Гц в слове «чмо», пик энергии речевого сигнала во фразе отмечен на -3,8 Дб в слове «чмо».

Высказывание «Да заткнись ты уже, шлюха ты е...аная, зае...ла уже, е...аная овца!» (4) характеризуется восходяще-нисходящим движением ЧОТ. Восходящий ЧОТ взрывного характера сосредоточен на 290 Гц в слове «заткнись», пик энергии речевого сигнала высказывания (4) приходится на -31,6 Дб в слове «шлюха».

Движение ЧОТ в высказывании «П...дораска, что прокурорша шлюха, что ты бл...дь проститутка е...аная!» (5) характеризуется как восходяще-нисходящее. Максимумы ЧОТ отмечены в обеих частях высказывания (5): так, восходящий ЧОТ взрывного характера отмечается на 271 Гц в словах «прокурорша» и «ты». Пик энергии речевого сигнала во фразе (5) наблюдается на -32 Дб в слове «прокурорша».

Восходяще-нисходящий ЧОТ характеризует высказывание «Пошла на х...й я тебе сказал, дичь е...аная!» (6). Восходящий ЧОТ взрывного характера отмечается на 281 Гц в слове «на х...й». Пик энергии речевого сигнала во фразе (6) сфокусирован на -26 Дб в слове «на х...й». Анализ спектрограммы фонетического слова «на х...й» показал, что длительность гласного звука {А} составляет порядка 300 мс, что указывает на дик-

торское акцентирование путем увеличения длительности произнесения гласного.

Высказывание «Тебе п...зда бл...дь, товарищ говнюк!» (7) характеризуется восходяще-нисходящим движением ЧОТ. Максимум ЧОТ отмечается на 211 Гц в слове «п...зда» (рис. 2), пик энергии речевого сигнала высказывания (7) наблюдается на -9,3 Дб в слове «п...зда». Анализ спектрограммы слова «п...зда» показал, что длительность гласного звука {И} составляет порядка 100 мс – то есть диктор путем увеличения длительности произнесения безударного гласного делает акцент на рематическом компоненте.

Восходящий ЧОТ в высказывании «Пошёл на х...й, п...дорас е...аный!» (8) (при общем восходяще-нисходящем движении тона) взрывного характера отмечается на 322 Гц в первой части высказывания «пошёл на х...й» (рис. 3), пик энергии речевого сигнала высказывания (8) обнаруживается на -5,4 Дб в слове «на х...й».

Высказывания «Ты п...дор!» (9), «Что ты п...дор!» (10) характеризуются нисходящим движением ЧОТ. Максимум ЧОТ в высказывании (9) отмечается на 267 Гц в слове «ты», пик энергии речевого сигнала этой фразы наблюдается на -12 Дб в слове «п...дор». Максимальный показатель ЧОТ для высказывания (10) отмечается на 253 Гц в словах «что ты», пик энергии речевого сигнала фразы (10) прослеживается на -8 Дб в слове «п...дор».

Высказывания «А то я на х...й вас сожгу здесь п...дорасов!» (11), «Вы п...дорасы!» (12) характеризуются восходяще-нисходящим движением ЧОТ. Для высказывания (11) восходящий ЧОТ взрывного характера

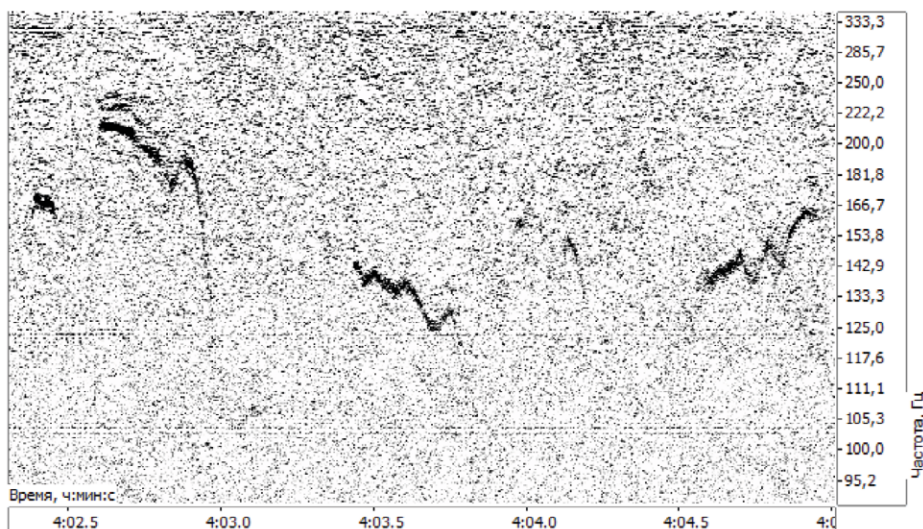

Рис. 2. Кепстрограмма высказывания «Тебе п...зда бл...дь, товарищ говнюк!»
Fig. 2. Cepstrogram of the utterance “Tebe p...zda bl...d’, tovarishch govnyuk!”

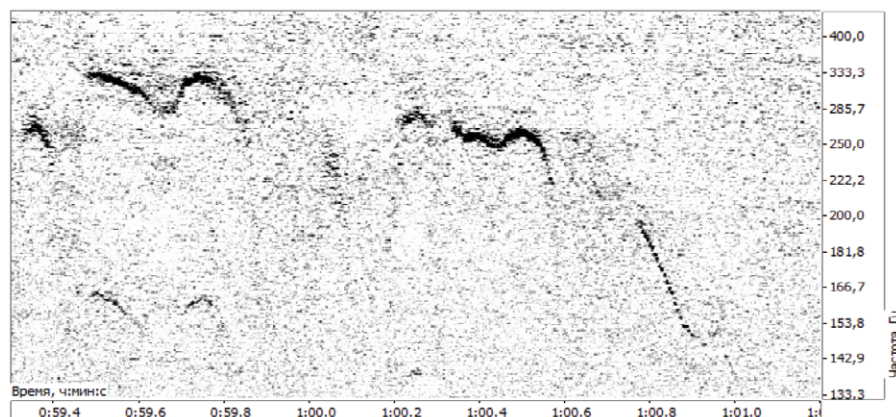

Рис. 3. Кепстрограмма высказывания «Пошёл на х...й, п...дорас е...аный!»
Fig. 3. Cepstrogram of the utterance "Poshel na kh...i, p...doras e...anyi!"

отмечается на 195 Гц в слове «сожгу», пик энергии речевого сигнала высказывания (11) наблюдается на -3 Дб в слове «то». Восходящий ЧОТ взрывного характера в высказывании (12) отмечается на 300 Гц в слове «п...дорасы», пик энергии сконцентрирован на -3,5 Дб в слове «п...дорасы». Анализ спектрограммы слова «п...дорасы» показал, что длительность ударного гласного звука {А} увеличена и составляет порядка 150 мс, что указывает на акцентированное произношение.

Проведенный анализ высказываний из первой группы показал наличие релевантных компонентов просодии, характерных для речевых актов, цель которых заключается в оскорблении адресата посредством использования инвективных предикатов. Так, в высказываниях «Вы вообще конченные!» (1), «Б...я, идиотище, у...бище на х...й, с...ка!» (2), «Ты чмо е...аное!» (3), «Вы п...дорасы!» (12) максимальные значения восходящего ЧОТ приходятся на предикаты, отражающие негативную оценку адресата; в высказываниях «Вы вообще конченные!» (1), «Ты чмо е...аное!» (3), «Ты п...дор!» (9), «Что ты п...дор!» (10), «Вы п...дорасы!» (12) с наибольшей громкостью диктором произносится оценочная инвективная лексика. Номинативные слова «прокурорша» в высказывании «П...дораска, что прокурорша шлюха, что ты бл...дь проститутка е...аная!» (5) и «ты» в высказываниях «П...дораска, что прокурорша шлюха, что ты бл...дь проститутка е...аная!» (5), «Ты п...дор!» (9), «Что ты п...дор!» (10) сопровождаются максимумами восходящего ЧОТ – просодический акцент адресанта сосредоточен именно на лексике, идентифицирующей отрицательно оцениваемые объекты. Для высказываний (9) и (10) характерно нисходящее движение

ЧОТ. Данная особенность объясняется произнесением указанных высказываний диктором «на выдохе». В высказываниях «Да заткнись ты уже, шлюха ты е...аная, зае...ла уже, е...аная овца!» (4), «Пошла на х...й я тебе сказал, дичь е...аная!» (6), «Пошёл на х...й, п...дорас е...аный!» (8) из второй группы пейоративы-обращения произносятся со средними показателями ЧОТ, взрывной характер частоты колебания голосовых складок реализуется при произнесении конструкций с семантикой «отстранение адресата от адресанта». В высказываниях «Тебе п...зда бл...дь, товарищ говнюк!» (7), «А то я на х...й вас сожгу здесь п...дорасов!» (11), составляющих третью группу, взрывной характер ЧОТ наблюдается при вербализации угрозы.

Акцентная структура высказываний «Вы вообще конченные!» (1), «Пошла на х...й я тебе сказал, дичь е...аная!» (6) отличается резким выделением синтагматически ударных слов «конченные», «на х...й» за счет увеличения интенсивности и длительности ударного слога – потенциально совпадающих словесно-просодических явлений [15]. В высказываниях «Вы п...дорасы!» (12), «Тебе п...зда бл...дь, товарищ говнюк!» (7) наблюдаются особенности ритмической структуры слов «п...дорасы» и «п...зда» – диктор увеличивает длительность и интенсивность безударных гласных, что также служит средством акцентирования.

Заключение

Как показало исследование, интонацию речевых актов оскорбления, в которых отрицательная оценка представителя власти выступает смысловой доминантой, составляют такие просодические компоненты, как восходяще-нисходящий ЧОТ в рамках высказы-

вания, произнесение оскорбительной лексикой с максимальным значением восходящего ЧОТ и повышенной громкостью. Также установлено, что оскорбление может присутствовать в высказывании наряду с ины-

ми иллокутивными целями. Комбинаторика просодических средств в таких высказываниях разнообразна и зависит от действительных прагматических установок, реализуемых автором в высказывании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахматова Т.С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 5. С. 267–278.
2. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза. Методология и методика. Монография. М.: Флинта: Наука, 2017. 304 с.
3. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.
4. Пиотровская Л.А. Интонация текста и речевая деятельность: психолингвистический анализ // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Т. 1. № 4. С. 52–63.
5. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
6. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л.: ЛГУ, 1982. 170 с.
7. Arndt W. Modal Particles in Russian and German // *Word*. 1960. Vol. 16. No. 2. P. 323–336.
8. Шульгина К.В. Способы и проблемы фиксации ненормативной лексики в протоколе допроса // Юрислингвистика. 2020. № 17 (28). С. 8–11. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1702](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1702)
9. Брызгунова Е.А. Интонация / Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. С. 96–120.
10. Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009. 496 с.
11. Odé C. Toward ToRI, a Manual Transcription System of Russian Intonation // *Proceedings 25. Institute of Phonetic Sciences University of Amsterdam*. 2003. P. 1–14.
12. Женило В.Р. Компьютерная фоноскопия. М.: Акад. МВД России, 1995. 208 с.
13. Hirschberg J., Pierrehumbert J. The Intonational Structuring of Discourse / *Proceedings of the 24th Annual Meeting of the Association of Computational Linguistics*. 1986. P. 136–144. <https://doi.org/10.3115/981131.981152>
14. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 809–819.
15. Hyman L.M. Towards a Canonical Typology of Prosodic Systems // *UC Berkeley Phonology Lab Annual Report*. 2012. No. 8 (8). P. 1–19. http://linguistics.berkeley.edu/phonlab/documents/2012/Hyman_Canonical_Tone_PLAR.pdf

REFERENCES

1. Shakhmatova T.S. Insult as an Instrument of Verbal Violence in Speech Situations of Institutional Communication. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2013. Vol. 155. No. 5. P. 267–278. (In Russ.)
2. Brinev K.I. *Forensic Linguistics. Methodology and Techniques. Monograph*. Moscow: Flinta: Nauka, 2017. 304 p. (In Russ.)
3. Zinder L.R. *General Phonetics*. Moscow: Vysshaya shkola, 1979. 312 p. (In Russ.)
4. Piotrovskaya L.A. Text Intonation and Language Behaviour: The Psycholinguistic Analysis. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2015. Vol. 1. No. 4. P. 52–63. (In Russ.)
5. Potapova R.K., Potapov V.V. *Language, Speech, Personality*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2006. 496 p. (In Russ.)
6. Cvetozarova N.D. *Intonational System of the Russian Language*. Leningrad: LGU, 1982. 170 p. (In Russ.)
7. Arndt W. Modal Particles in Russian and German. *Word*. 1960. Vol. 16. No. 2. P. 323–336.
8. Shulgina K.V. Issues and Ways of Recording Obscenities in Transcript of Interrogation. *Legal Linguistics*. 2020. No. 17 (28). P. 8–11. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1702](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1702)
9. Bryzgunova E.A. Intonation. *Russian Grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology*. Moscow: Nauka, 1980. P. 96–120. (In Russ.)
10. Kodzasov S.V. *Research in Russian Prosody*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. 496 p. (In Russ.)
11. Odé C. Toward ToRI, a Manual Transcription System of Russian Intonation. *Proceedings 25. Institute of Phonetic Sciences University of Amsterdam*. 2003. P. 1–14.
12. Zhenilo V.R. *Computer Phonoscopy*. Moscow: Akad. MVD Rossii, 1995. 208 p. (In Russ.)
13. Hirschberg J., Pierrehumbert J. The Intonational Structuring of Discourse. *Proceedings of the 24th Annual Meeting of the Association of Computational Linguistics*. 1986. P. 136–144. <https://doi.org/10.3115/981131.981152>
14. Levin Yu.I. *Selected Works. Poetics. Semiotics*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. P. 809–819. (In Russ.)
15. Hyman L.M. Towards a Canonical Typology of Prosodic Systems. *UC Berkeley Phonology Lab Annual Report*. 2012. No. 8 (8). P. 1–19. http://linguistics.berkeley.edu/phonlab/documents/2012/Hyman_Canonical_Tone_PLAR.pdf

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шульгина Кристина Витальевна² – старший эксперт первого экспертного отдела Сибирского филиала ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации», аспирант кафедры русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;

e-mail: watermark2@yandex.ru

Пасько Александр Викторович³ – старший эксперт первого экспертного отдела Сибирского филиала ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации»;

e-mail: bluetoth1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Shulgina Kristina Vital'evna – Senior Expert of the first expert department of the Siberian branch of the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation; postgraduate student, Department of the Russian Language and Methods, Faculty of Philology, V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University;

e-mail: watermark2@yandex.ru

Pasko Alexander Viktorovich – Senior Expert of the first expert department of the Siberian branch of the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation;

e-mail: bluetoth1@yandex.ru

Статья поступила: 12.01.2021

После доработки: 11.02.2021

Принята к печати: 20.02.2021

Received: January 12, 2021

Revised: February 11, 2021

Accepted: February 20, 2021

² Основной автор: работа с теоретической основой исследования, подбор экспериментального материала, проведение исследования методом аудитивного анализа и частнонаучными (лингвистическими) методами.

³ Проведение исследования методами акустического анализа, экспонирование результатов посредством акустических графиков.

Современные возможности судебной психологической и комплексной экспертизы при исследовании видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий

 Т.Н. Секераж

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Рассмотрены некоторые типичные ситуации, возникающие в ходе психологического судебно-экспертного исследования видеоматериалов при необходимости установления следующих фактических данных: «признаков достоверности» сообщаемой информации, спонтанности и подготовленности речи допрашиваемого, внешнего влияния на сообщаемые сведения (показания), эмоционального состояния индивидуально-психологических особенностей допрашиваемого. Разобраны ситуации, возникающие при исследовании видеоматериалов, фиксирующих неформальную коммуникацию. Определен круг задач, для разрешения которых необходимы различные специальные знания, прежде всего в области судебной психологической и судебной лингвистической экспертизы. Экспертные задачи, возникающие при судебно-экспертном исследовании видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий, зависят от категории дела, значения и процессуального статуса видеозаписи в системе доказательств по делу, а также от ряда других факторов. Особое внимание уделено пределам компетенции экспертов разных специальностей, в том числе вопросам, которые на данном этапе развития науки не могут быть решены экспертным путем.

Ключевые слова: *судебная психологическая экспертиза, судебная лингвистическая экспертиза, комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза, видеозаписи следственных действий, компетенция эксперта, экспертные ситуации, признаки достоверности показаний, подготовленность речи*

Для цитирования: Секераж Т.Н. Современные возможности судебной психологической и комплексной экспертизы при исследовании видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 100–113.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-100-113>

Current Capacities of Forensic Psychological and Comprehensive Analysis When Examining Footage of Procedural and Non-Procedural Actions

 Tat'yana N. Sekerazh

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article addresses some typical situations arising in the course of a forensic psychological examination of footage when it is necessary to establish the following factual data: signs of the credibility of the information reported, spontaneity and preparedness of an interrogated person's speech, external influence on the given testimony, the emotional state of the interrogated person and his/her psychological characteristics. The author analyses the situations that arise when examining the footage showing informal communication. The article also determines the range of tasks to solve which, the expert needs various specialized knowledge, primarily in the fields of forensic psychology and linguistics. Expert tasks occurring in forensic analysis of the footage of procedural and non-procedural actions depend on the case's category, significance and procedural status of the footage in the evidentiary framework on the case, and some other factors. The author pays particular attention to the scope of expert competence for different specialties, including on the issues that cannot be solved by expert means at the current stage of scientific development.

Keywords: *forensic psychology, forensic linguistics, comprehensive forensic psychological and linguistic analysis, footage of investigative actions, expert competence, expert situations, signs of credibility of testimony, preparedness of speech*

For citation: Sekerazh T.N. Current Capacities of Forensic Psychological and Comprehensive Analysis When Examining Footage of Procedural and Non-Procedural Actions. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 100–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-100-113>

Введение

Судебная психологическая экспертиза как прикладная отрасль психологической науки интенсивно развивается [1]. В 2017 году в системе федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений (СЭУ) Минюста России было нормативно закреплено новое направление – судебная психологическая экспертиза [2] и введена новая экспертная специальность 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов»¹. В это направление вошло исследование видеоматериалов, фиксирующих различные по процессуальному статусу действия: следственные действия (допрос, проверку показаний на месте, очную ставку и др.); объяснение, получаемое при проверке сообщения о преступлении; опрос, осуществляемый адвокатом; допрос нотариусом; результаты оперативно-розыскной деятельности (в рамках выявления коррупционных преступлений, мошенничества и др.), результаты скрытого наблюдения и прослушивания, записи наружного наблюдения, любительские аудио- и видеозаписи, домашнее видео, видеообращения. Такие видеоматериалы являются, как правило, иными доказательствами по делу в уголовном процессе (ст. 74 УПК РФ²) и представляют собой особый вид доказательств в гражданском процессе (ч. 1 ст. 55, ст. 77 ГПК РФ³), а для исследования их содержания нередко используют различные специальные знания.

Некоторые типичные ошибки, возникающие при производстве таких экспертиз, были рассмотрены в книге «Судебная экспертиза: типичные ошибки», которая с тех пор претерпела не одно стереотипное переиздание [3]. Вместе с тем методология судебной психологической экспертизы развивается, в связи с чем некоторые положения требуют пересмотра и уточнения. Современные возможности психологического и лингвистического исследования содержания видеозаписей допросов и иных следственных действий были обозначены нами в ходе разработки соответствующей экспертной методики [4–6]. В настоящее время методика прошла апробацию и валидацию, издана и включена в программу подготовки экспертов по судебной психологической и судебной лингвистической экспертизе (специальности 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов» и 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности»⁴). Продолжается ее внедрение в экспертную практику СЭУ Минюста России [7]. Изложенный в методике подход к установлению внешнего влияния на содержание показаний применим и при исследовании видеозаписей непроцессуальных действий, в том числе видеоматериалов, которые записывали участники процесса (например, законные представители потерпевших, стороны по гражданскому делу при фиксации взаимодействия одного из родителей с ребенком и другими лицами).

Задачи исследования видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий различны. Они зависят от категории дела, значения видеозаписи в системе доказательств по делу и ее процессуального статуса, а также от других факторов. Цель работы – рассмотреть наиболее типичные судебно-экспертные ситуации, возникающие при исследовании видеоматериалов

¹ Приказ Минюста России от 19 сентября 2017 г. № 169 «О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к приказу Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201709260015>

² Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 24.02.2021).

³ Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 08 декабря 2020 г., с изм. от 02 марта 2021 г.).

⁴ Здесь и далее приведены шифры и названия специальностей, по которым проходят обучение и аттестацию государственные судебные эксперты в системе СЭУ Минюста России.

процессуальных и непроцессуальных действий, определить круг решаемых задач и специальные знания, которые должны быть применены для их решения.

Исследование видеоматериалов процессуальных и непроцессуальных действий

В последнее время все чаще при производстве следственных действий применяется видеозапись. Согласно ч. 2 ст. 166 УПК РФ, при производстве следственного действия могут применяться кино съемка, аудио- и видеозапись, материалы которых хранятся при уголовном деле и прилагаются к протоколу следственного действия (ч. 8 ст. 166 УПК РФ). В ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (предусмотренных главой 26 УПК РФ) применение видеозаписи или кино съемки обязательно за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает (ч. 5 ст. 191 УПК РФ). Данное положение призвано, с одной стороны, повысить информативность следственного действия, а с другой – избежать повторных допросов (как факторов вторичной психотравматизации) несовершеннолетних участников процесса, и тем самым способствовать защите прав и интересов несовершеннолетних. Фиксация следственного действия с помощью видеозаписи позволяет более полно исследовать такие доказательства, как показания несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, поскольку в отличие от протокола следственного действия, видеозапись запечатлевает все особенности речи лица, дающего показания, отражает психическое (эмоциональное) состояние, в котором он находится, позволяет отследить влияние на его показания иных участников [8]. Поэтому отсутствие видеозаписи допроса несовершеннолетнего потерпевшего по причине несогласия его законного представителя часто лишает следователя и суд возможности объективной оценки показаний с учетом особенностей их формирования.

Согласно ст. 190 УПК РФ, ход и результаты допроса отражаются в протоколе, составляемом в соответствии со статьями 166 и 167 УПК РФ. Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно, а вопросы и ответы на них – в той последовательности, которая

имела место в ходе допроса. Вместе с тем практика и исследования⁵ показывают, что в протоколах допроса несовершеннолетних лиц их индивидуальная речь как авторов-информантов достаточно часто подвергается обработке со стороны лица, ведущего протокол (автора-оформителя), а задаваемые вопросы опускаются или редуцируются [9].

При изменении показаний наличие видеозаписи допроса позволяет оценить особенности получения показаний непосредственно в момент их формирования. Потребность в применении специальных знаний при необходимости последующей правовой оценки содержания видеозаписи допроса чаще всего возникает в случаях, когда допрашиваемый меняет показания, заявляет, что показания даны им не самостоятельно, а под воздействием (со стороны участников следственного действия или фигурантов по делу), либо сообщает, что находился в период допроса в таком эмоциональном состоянии, которое нарушало его способность правильно осмысливать происходящее и давать верные ответы на вопросы либо ориентироваться на месте преступления. Кроме того у следствия могут возникать сомнения в достоверности показаний, основания предполагать оговор или самооговор, в том числе ввиду противоречивости показаний. Такие обстоятельства порождают тактические действия двух основных видов – направленные на установление достоверности показаний либо на исключение факторов, которые могли оказать влияние на содержание показаний (например, исключение фактов неправомерного психологического воздействия в ходе допроса со стороны его участников или подготовленности/заученности речи).

Установление «признаков достоверности» сообщаемой информации

Некоторое время назад были предприняты попытки ввести в судебную практику так называемую экспертизу достоверности показаний⁶. Это побудило экспертное сообщество выступить с научных позиций.

⁵ См., например: Татарникова Н.М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле (на примере допроса и протокола допроса). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 23 с.

⁶ Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий). Монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.

Были изучены предложения по методике⁶ и заключения эксперта, которые выполнялись с его использованием, обобщена экспертная практика и проанализирована обширная отечественная и зарубежная литература на соответствующую тему, поскольку авторы монографии ссылались на зарубежный опыт. В результате ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (далее – РФЦСЭ) совместно с ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России при участии ведущих ученых страны подготовили информационное письмо «О недопустимости определения достоверности показаний путём судебной экспертизы» [10]. Информационное письмо рассматривалось на совещании в формате круглого стола в Главном управлении криминалистики Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) 24 марта 2017 г. По результатам совещания председателем СК России принято решение впредь до разработки соответствующей типовой экспертной методики назначать экспертизы такого вида только в исключительных случаях, при этом предусмотреть процедуру их обязательного согласования с Главным управлением криминалистики в целях определения в каждом конкретном случае альтернативных процессуальных способов участия специалистов-психологов в исследовании показаний участников уголовного судопроизводства. Данное решение было доведено до заинтересованных лиц на местах⁷.

В информационном письме [10] было показано, что современная наука не обладает возможностями установления достоверности сообщаемых сведений, искажения этих сведений и т. п. Было установлено, что уровень научной и методической обоснованности судебно-психологических исследований достоверности показаний недостаточен для проведения обоснованных исследований для решения данного вопроса в форме судебной экспертизы.

Аналогичный вывод о необоснованности подобных экспертных исследований содержится в резолюции Международной научно-практической конференции «Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей», которая проходила 16 марта 2017 г. в Российском государственном университете правосудия при широком представитель-

стве экспертного сообщества и судейского корпуса. Свою позицию, помимо психологов и юристов, высказали представители Верховного суда Российской Федерации. Согласно резолюции конференции, устанавливать при производстве судебной экспертизы достоверность сообщаемых сведений (их соответствие действительности, реальность, искажения и т. п.) на современном этапе развития науки и техники невозможно.

Одним из положений резолюции являлась констатация необходимости проведения эмпирических исследований, однако вместо таких исследований появились практически идентичные, будто клонированные, издания упомянутой выше монографии 2016 года. Так, работа была дважды переиздана под новым названием без изменения основного содержания, но с приращением авторского коллектива. Первоначальное название было преобразовано в «Методику выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): научно-практическое пособие» и затем в «Методику исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения информации». Представляется, что таким образом предполагалось завуалировать истинную направленность методики на установление достоверности показаний, о чем свидетельствуют, помимо собственно содержания, рекомендованные экспертные вопросы, а также заключения, выполняемые с применением этой методики⁸.

Ввиду того, что экспертизы, не имеющие строгих научных основ, в государственных СЭУ не проводятся [11], они выполняются отдельными специалистами ряда образовательных учреждений, а также частными организациями или негосударственными экспертами, извлекающими коммерческую выгоду (в том числе различными так называемыми академиями детекции лжи и т. п.), которые помимо указанных методик применяют другие различные «авторские

⁷ Письмо СК России № 215-36319-17 от 09 августа 2017 г.

⁸ Заключение эксперта анализировались нами на основании адвокатских запросов в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

методики»⁹. В настоящее время в СЭУ системы Минюста России продолжают поступать письма о возможностях проведения таких экспертиз с целью получить отказ от государственного СЭУ и поручить производство экспертизы частным экспертам.

При возникновении рассматриваемой судебно-экспертной ситуации – поручении эксперту производства экспертизы с вопросами о признаках достоверности показаний, достоверности сведений об обстоятельствах дела, даваемых в любой форме (в том числе в виде предтестовой беседы при проверке на полиграфе или направленной беседы в процессе очной судебной психологической экспертизы в отношении живого лица), о так называемых психологических признаках достоверности показаний, признаках конструирования ложных сообщений или скрываемых обстоятельств и тому подобных феноменов¹⁰ – эксперту не следует возвращать дело без исполнения постановления о назначении экспертизы, он должен составить мотивированное сообщение о невозможности дать заключение на том основании, что современный уровень развития психологической науки не позволяет ответить на поставленные вопросы, а также в связи с тем, что такие вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта. Кроме того, решение указанных вопросов лежит за пределами специальных знаний психологов и лингвистов.

Вместе с тем при раскрытии и расследовании преступлений помимо судебной экспертизы могут эффективно использоваться иные формы участия специалистов-психологов в исследовании показаний участников уголовного судопроизводства [12–14].

Установление подготовленности речи

Проблема подготовленности звучащей речи многоаспектна и возникла достаточно давно. В 2003 г. сотрудник РФЦСЭ М.В. Хитина под научной редакцией Е.А. Брызгуновой подготовила методическое письмо для экспертов «Дифференциация спонтанной (неподготовленной) и подготовленной устной речи» [15]. Задача дифференциации решалась

в рамках криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей лингвистами, аттестованными по специальности 7.1 «Исследование голоса и звучащей речи» [16, с. 108]. Позже, на заседании научно-методической секции РФЦСЭ по судебной экспертизе видео- и звукозаписей, было решено «временно приостановить решение вопроса спонтанности и подготовленности речи говорящего в рамках экспертной специальности 7.1 и подготовить соответствующее информационное письмо» (протокол от 14–15 ноября 2016 г.), что и было сделано¹¹. На том же заседании была поддержана инициатива создания рабочей группы с участием представителей различных экспертных специальностей «для методического усовершенствования решения данного вопроса». Но ввиду отсутствия результатов деятельность рабочей группы через два года была прекращена, а экспертам рекомендовано действовать в соответствии со своими компетенциями¹², что дало возможность возобновить необоснованно приостановленные экспертные исследования по вопросу установления спонтанности и подготовленности речи. В разных СЭУ системы Минюста России сложилась различная практика: в большинстве учреждений данный вопрос по-прежнему не решается экспертами в рамках специальности 7.1, в других – решается экспертами иных специальностей (например, психологами¹³). В РФЦСЭ по вопросам подготовленности речи проводятся аудитивно-лингвистические исследования экспертами-лингвистами, аттестованными по специальности 7.1 «Исследование голоса и звучащей речи», как единолично, так и комиссионно с экспертами-психологами, имеющими право подписи по специальности 20.1 «Исследование психологии человека».

Актуальность решения рассматриваемой задачи обусловлена спросом со стороны следственных органов, что нередко связано с потребностью получения данных для оценки достоверности показаний либо установления факта влияния третьих лиц на содержание сведений, сообщаемых допрашиваемым (речь которого подлежит

⁹ См., например: К вопросу о экспертизе идеальной следовой информации. <http://expert-spfi.ru/k-voprosu-o-ekspertize-idealnoy-sledovoy-informatsii>

¹⁰ Вопросы типа «Соответствует ли специфика организации речевого действия лица в процессе производства данных следственных действий моделям порождения речевого сообщения идеальной следовой информации?» и т. п.

¹¹ Письмо РФЦСЭ № 16-6761 от 27 декабря 2016 г.

¹² Протокол заседания научно-методической секции РФЦСЭ от 21–23 ноября 2018 г.

¹³ Нефедова Н.В. Психологические признаки подготовленности речи. Доклад на Всероссийском научно-практическом семинаре с международным участием «Актуальные проблемы комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы» (6–9 июня 2016 г., Ростов-на-Дону).

экспертному анализу). В случае исследования видеозаписи допроса (или иного следственного действия) подготовленность речи допрашиваемого не может быть доказательством недостоверности сообщаемой информации, равно как и спонтанность и неподготовленность речи не доказывают ее достоверность. Согласно ч. 3 ст. 189 УПК РФ при допросе допрашиваемое лицо вправе пользоваться документами и записями. Случается, что потерпевшие по сексуальным преступлениям используют свои записи о криминальных событиях, сделанные в менее психотравмирующей обстановке (нежели ситуация допроса или очной ставки с обвиняемым), которая способствует более полным воспоминаниям. Наличие таких записей при очевидной подготовленности речи не может свидетельствовать о недобросовестности потерпевшего или недостоверности его показаний. Поэтому в случае установления признаков подготовленности речи правильным будет дополнение экспертом вывода сообщением о том, что не исключается соответствие содержания речи действительности. С другой стороны, содержание спонтанной речи также может как соответствовать, так и не соответствовать действительности¹⁴. По сравнению с подготовленностью речи при использовании записей более информативными могут быть несоответствия между основными характеристиками речи говорящего на различных ее этапах, а также появление особенностей, характерных для нарушений заученной речи при перебивании говорящего.

Вопрос перед экспертом может быть сформулирован в одном из двух вариантов: 1) «Какова степень подготовленности речи допрашиваемого?» или 2) «Имеются ли в речи допрашиваемого признаки заученности? Если да, то в чем они выражаются?» Первый вопрос обусловлен наличием разных степеней подготовленности речи, таких как речь на заранее известную тему; речь по обдуманному плану; речь, отдельные части которой обдуманы/подготовлены; полностью подготовленная речь (по существу, заученная, воспроизводимая наизусть). При экспертной оценке звучащей речи степень ее подготовленности должна быть диффе-

ренцирована, а признаки указаны в заключении. В настоящее время при исследовании аудио- и видеозаписей не могут быть решены вопросы об инсценировке коммуникации или ее психологических признаках. Участие психолога в исследовании речи по данному вопросу связано с потребностью применения знаний не только об особенностях порождения речи и особенностях коммуникации [17–19] (которыми в должной для своей специальности и часто достаточной мере владеет лингвист и которые вместе с тем составляют предмет междисциплинарных исследований), но и знаний в области психологии личности, психологии эмоциональных состояний и особенностей речи в различных состояниях¹⁵ [20–23]. Такие специальные знания входят в перечень компетенций в рамках экспертной специальности 20.1 «Исследование психологии человека». Такие же компетенции необходимы эксперту при установлении эмоционального состояния говорящего (допрашиваемого) и влияния этого состояния на его психическую деятельность (при допросе, который зафиксирован в представляемом на исследование материальном объекте).

Среди материалов, поступающих на экспертизу, должны присутствовать видеозапись события (например, допроса) в качестве, пригодном для аудиального и визуального восприятия; сведения, характеризующие допрашиваемого, и заключение по делу в отношении данного лица судебно-психиатрической или комплексной судебно-психолого-психиатрической экспертизы. Желательно дословное содержание речи всех участников зафиксированного на видеозаписи события. Речь говорящего должна иметь форму повествования, не прерываться уточняющими вопросами. Речь, представляющая собой краткие ответы на вопросы, мало пригодна для исследования с целью установления степени ее подготовленности. Все это обуславливает особенности проведения следственного действия и его фиксации: требования к помещению, оборудованию и лицу, осуществляющему видеосъемку, ракурсу съемки, качеству изображения, к поведению лиц, присутствующих при следственном действии (законных представителей несовершеннолетних и др.), к лицу, ведущему следственное действие (например, ведение протокола следственного действия отвле-

¹⁴ Также как и при повышенной склонности к фантазированию или повышенной внушаемости потерпевший или свидетель может давать как достоверную, так и недостоверную информацию. Наличие той или иной индивидуально-психологической особенности напрямую с достоверностью показаний не связано.

¹⁵ Речь людей различного психологического типа и в различных состояниях обладает разными характеристиками.

кает внимание следователя от допрашиваемого и сообщаемой тем информации, порождает многочисленные паузы и прерывание речи, необходимые для письменной записи показаний, уточняющие вопросы)¹⁶.

Установление внешнего влияния на сообщаемые сведения (показания)

Типовых ситуаций, возникающих при необходимости установления внешнего влияния на сообщаемые сведения, несколько. Ситуация первого типа характерна для исследования видеозаписи следственного действия (например, допроса) либо ряда следственных действий (допроса, дополнительного допроса, проверки показаний на месте, очной ставки). На сегодняшний день исследования с целью установления внешнего влияния на содержание показаний методически обеспечены [7]. Юридическое значение такого вида экспертизы связано с требованиями уголовно-процессуального законодательства, которыми не допускаются некоторые способы воздействия на лицо, дающее показания. Это наводящие вопросы (ч. 2 ст. 189, ч. 2 ст. 194 УПК РФ), оказывающие содержательное речевое воздействие на допрашиваемого, также насилие, угрозы и иные незаконные меры, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ), т. е. психологическое воздействие в форме угрозы и физическое воздействие в форме насилия¹⁷. Психологическое и физическое воздействие может использоваться как в целях оказания влияния на содержание показаний (сообщение требуемой информации), так и в целях побуждения к сообщению известной лицу информации, формирования у него соответствующей мотивации [24–25]. Последней цели подчинено применение следователем знаний о психологии допроса и психологии обвиняемого, свидетеля, потерпевшего (в зависимости от статуса лица, дающего показания) при выборе тактики проведения допроса или иного следственного действия [26–29].

¹⁶ Требования к проведению следственных действий с использованием видеозаписи для ее последующего экспертного исследования изложены в готовящихся к изданию методических рекомендациях для следователей.

¹⁷ При допросе не могут нарушаться конституционные права граждан. Согласно ст. 21 Конституции Российской Федерации, никто не может подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Недопустимость использования наводящих вопросов касается всех участников следственных действий, имеющих право задавать вопросы, в том числе адвоката, эксперта, специалиста, переводчика, педагога или психолога. В экспертной практике нередки случаи, когда содержательное воздействие в виде особым образом сформулированных вопросов («закрытых» вопросов (closed), наводящих (leading, heavily-leading), вопросов, предполагающих ответ да/нет (yes/no questions) и содержащих альтернативы (multiple questions), вопросов, содержащих отрицание или двойное отрицание (questions with negatives and double negatives); и особой тактики их предъявления оказывают педагоги-психологи, принимающие участие в следственных действиях, проводимых в отношении несовершеннолетних лиц.

Следует подчеркнуть, что объектами исследования не являются ни деятельность следователя, ни деятельность иных лиц, участвующих в следственном действии¹⁸, а лишь особенности психической деятельности и поведения (в том числе речевого) допрашиваемого лица в юридически значимой ситуации. Наводящий вопрос способен оказать влияние на содержание ответа в зависимости от вводимого в вопрос количества его вариантов и аксиологической установки, которая может быть выражена как вербальными, так и невербальными средствами. Поэтому при данном виде экспертизы основная задача заключается в установлении таких высказываний допрашиваемого, которые были сформированы установкой на ответ. Задача решается в несколько этапов экспертами двух специальностей – 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности» и 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов».

Наряду с видеозаписями следственных действий сообщение лицом каких-либо важных (в том числе криминалистически и юридически значимых) сведений может быть зафиксировано в иной процессуальной форме. К таким формам относится объяснение, получаемое в порядке ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступ-

¹⁸ Поэтому вопросы о признаках недопустимого психологического воздействия, оказываемого на допрашиваемого со стороны допрашивающего или иных участников следственного действия, неправомерны.

лении¹⁹; допрос свидетеля нотариусом²⁰; опрос, проводимый защитником в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ; объяснение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, а также показания потерпевшего и свидетелей, которые в случае необходимости записываются и приобщаются к делу²¹. К непроцессуальным действиям относится опрос как оперативно-розыскное мероприятие, проводимое в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 30 декабря 2020 г.). Полученные в различных процессуальных формах сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УК РФ. Возникающая ситуация исследования видеозаписей перечисленных выше действий по типу в целом аналогична предыдущей (когда исследуются видеозаписи следственных действий). В случае же исследования аудиозаписи экспертные задачи решить нельзя, поскольку недоступен визуальный канал восприятия информации о поведении участников и коммуникативной обстановке.

Помимо ранее указанных требований к направляемым на экспертизу материалам относится наличие в деле предыдущих показаний допрашиваемого (если он допрашивается или опрашивается не в первый раз). Это необходимо для определения характера используемой во время допроса информации – как уточняющей, заведомо известной допрашиваемому и сообщенной им ранее, или новой, поскольку введение новых сведений может сформировать установку на ответ и повлиять на его содержание. Это наиболее актуально в случае несовершеннолетних (особенно дошкольников и младших школьников) [29–32] и лиц, обладающих повышенной податливостью

внешнему воздействию в силу своих индивидуально-психологических особенностей или эмоционального состояния [33–34]. Вместе с тем эксперт может использовать не всю представленную в деле информацию, поскольку результаты исследования видеозаписи допроса (являющейся одним из доказательств по делу) не должны существенно зависеть от иных доказательств, еще не получивших оценки следствия.

Описание технологии экспертного исследования видеозаписи допроса не входит в задачи настоящей работы, ее последовательность подробно изложена в методике психолого-лингвистического исследования видеоматериалов процессуальных действий [7].

Установление эмоционального состояния допрашиваемого и его индивидуально-психологических особенностей

Задача, связанная с установлением эмоционального состояния допрашиваемого в период допроса, обуславливает экспертную ситуацию еще одного типа. К числу юридически значимых относится вопрос: «В каком эмоциональном состоянии находился допрашиваемый (опрашиваемый) во время процессуального действия, зафиксированного в представленном видеофайле? Оказало ли оно существенное влияние на его способность давать показания?»²² [6].

При исследовании видеозаписей следственных действий с помощью невключенного наблюдения (визуальной диагностики) тонкое дифференцирование психических (эмоциональных) состояний крайне затруднительно. Вместе с тем необходимость в нем отсутствует, поскольку в контексте установления способности лица к осознанно-волевому поведению при проведении следственного действия с его участием психические (эмоциональные) состояния (нервно-психическое напряжение, фрустрация и др.) должны рассматриваться с точки зрения выявляемых нарушений протекания психических процессов и деятельности [29, с. 16–20]. Поэтому значимым является установление существенности либо несущественности влияния состояния на деятельность и поведение допрашиваемого. Такая задача выходит за пределы

¹⁹ Такие объяснения в отношении несовершеннолетних жертв сексуальных правонарушений (при сообщении о таком преступлении) нередко именуются в литературе и практике опросами, что не корректно. При получении объяснения лицо, проводящее проверку, вправе привлекать к участию в этих действиях специалистов.

²⁰ Согласно ст. 103 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», утвержденных Верховным Судом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1 в ред. от 30 декабря 2020 г., в порядке обеспечения доказательств нотариус допрашивает свидетелей.

²¹ Ст. 26.3 Федерального закона от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред. от 24 февраля 2021 г., с изм. и доп., вступившими в силу с 07 марта 2021 г.).

²² В РФЦСЭ разработан методический подход к диагностике эмоционального состояния и характера его влияния на способность давать показания, который в настоящее время проходит испытания.

специальных знаний эксперта в рамках специальности 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов» и требует применения специальности 20.1 «Исследование психологии человека».

В ходе исследования видеозаписи допроса потерпевшего или свидетеля при наличии в деле достаточных характеризующих материалов, заключения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении данного лица (если таковая проведена) либо при возможности очного экспертного психологического обследования подэкспертного может быть решен вопрос: «Имел ли подэкспертный, учитывая его индивидуально-психологические особенности, эмоциональное состояние во время следственного действия, зафиксированного на видеозаписи, а также конкретные обстоятельства дела, актуальную возможность давать показания об интересующих следствии обстоятельствах?». Эксперт может ходатайствовать перед лицом, назначившим экспертизу, о предоставлении возможности очного обследования, руководствуясь ч. 3 ст. 57 УПК РФ. Если такая задача не стоит, проведения очного психологического исследования не требуется. Указанная задача может быть поставлена также при назначении судебной психологической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшего или свидетеля, когда в материалах дела имеются видеозаписи допросов и иных следственных действий с участием подэкспертного. Это позволит экспертам более полно и всесторонне выполнить оценку его способности воспроизводить юридически значимые обстоятельства, что включает определение как *потенциальной* способности давать показания (зависит от сформированности психических процессов и психологических структур и устанавливается на основании клинко-психопатологического и экспериментально-психологического исследования), так и *актуальной* возможности ее реализации в юридически значимой ситуации допроса, зафиксированной на видеозаписи, т. е. в полной мере учесть влияние на способность давать показания эмоционального и ситуационного факторов [35, с. 10–14; 36, с. 211].

Установление исключительно по видеозаписи допроса индивидуально-психологических особенностей допрашиваемого,

в том числе повышенной²³ внушаемости или повышенной склонности к фантазированию, представляется на современном этапе развития психологии и судебной психологической экспертизы преждевременным. Несомненно, суждение о личностных особенностях человека на основании визуальной психологической диагностики по видеозаписи допроса может выносить специалист, но вряд ли это может делать судебный эксперт²⁴. Возможности последнего пока ограничены (в силу требования закона о строгой научной обоснованности проводимых исследований) установлением особенностей поведения и эмоционального реагирования допрашиваемого непосредственно в ситуации допроса. К таким особенностям могут относиться ситуативная податливость влиянию со стороны окружающих, а также фантазирование (например, в виде своеобразной образности речи, семантических приращений информации, ее комбинирования, нанизывания), которые проявляются в зависимости от внешних, средовых, факторов (обстановки допроса, поведения окружающих, особенностей формулирования вопросов и др.). Сущность фантазирования (воображения) состоит в преобразовании представлений памяти, в создании новых образов на основе имеющихся, в отражении реальной действительности в новых сочетаниях и связях (в том числе с перестановкой элементов реальности). Механизмы воображения могут включаться при необходимости восполнения забытых или не воспринятых (пропущенных) образов, элементов ситуации, событий, а также при замещении воспринятых образов воображаемыми (вымышленными) (см., например, [37–39]). В связи с этим важно учитывать жизненный опыт ребенка, от которого могут зависеть содержание и продуктивность его воображения, но который не всегда становится достоянием уголовного дела. В настоящее время дети имеют гораздо большую информированность в вопросах, например, половых отношений, нежели 5–10 лет назад, что беспрецедентно повышается в связи с феноменом «цифрового детства» [40, 41], доступностью социальных сетей

²³ Повышенной по сравнению с нормотипичными показателями (в том числе возрастными нормами).

²⁴ А также решение в процессе судебной экспертизы (а не консультирования).

и различных сервисов, содержащих сексуальный контент²⁵.

Исследование видеоматериалов, фиксирующих неформальную коммуникацию

К направляемым на экспертизу материалам, в которых зафиксирована неформальная коммуникация, прежде всего относятся видеозаписи следующих событий и явлений: разговоров (бесед) или взаимодействия взрослых с детьми; поведенческих проявлений и/или речи ребенка или взрослого; взаимодействия между детьми (например, в детском образовательном учреждении, ином общественном месте, дома). Направленность материалов и коммуникации, которая в них зафиксирована, разнообразна. Содержащиеся в объектах беседы с ребенком или речь ребенка, как правило, имеют две основные темы – совершение родителем ребенка или иным взрослым противоправных действий в отношении него (сексуального злоупотребления, жестокого обращения и др.) либо отношение ребенка к одному из родителей. Такие видеозаписи могут быть приобщены к делу, как уголовному, так и гражданскому по иску, связанному с лишением или ограничением родительских прав, со спором о воспитании детей. В первом случае, если поступающие на экспертизу видеозаписи, рассматриваются как доказательства совершенных в отношении ребенка противоправных действий, о которых ребенок сообщает (как в виде монолога, так и в диалоге со взрослым), то исследование проводится комплексно лингвистом и психологом в соответствии с методическим подходом, содержащимся в методике [7] (специальность 20.2), а также по вопросам о внешнем влиянии на содержание речи ребенка, о подготовленности и самостоятельности речи (специальность 20.1). В иных случаях (при фиксации межличностной коммуникации между взрослым и ребенком) могут быть установлены коммуникативные намерения говорящих (что бывает важно при оценке направленности речи взрослого при подозрении на жестокое обращение, унижение человеческого достоинства ребенка, доведение до само-

убийства и др.). Исследуемые объекты могут не иметь целостности и законченности, представлять собой фрагменты коммуникации, что необходимо учитывать при определении и формулировании вывода. Учитывая особенности объектов, вопросы могут быть решены не всегда. Решение ряда вопросов требует очного психологического или психолого-психиатрического обследования ребенка. Например, не может быть решен только по видеозаписи вопрос о наличии у ребенка психологических последствий совершения в отношении него противоправных действий. Установление психического состояния ребенка, наличия у него посттравматических реакций и их связи с действиями виновного возможно только при очном обследовании ребенка в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы [42].

Экспертные задачи по исследованию видеозаписей, приобщенных к материалам гражданского дела по семейным спорам, могут решаться различными экспертами, обладающими компетенциями: в исследовании звучащей речи, ее подготовленности и эмоциональной окрашенности (специальность 7.1), в исследовании влияния поведения и речи окружающих на речь ребенка (специальности 20.1, 26.1), в исследовании поведенческого и эмоционального реагирования ребенка (специальность 20.1). Помимо указанных выше вопросов о подготовленности речи и внешнем влиянии на ее содержание, могут быть поставлены следующие вопросы: «Каково эмоциональное состояние ребенка во время разговоров, содержащихся на представленных видеозаписях, и с чем оно связано?», «Какое отношение ребенок проявляет к матери (отцу) во время разговоров, содержащихся на представленных видеозаписях, и с чем оно связано?», «Отражено ли в представленных видеозаписях какое-либо воздействие на ребенка со стороны матери, отца, других членов семьи? Если да, то в чем оно выражается и на что направлено?»

Приобщенные к делу видеозаписи, фиксирующие поведение детей и проявляемое ими отношение к родителям, иным взрослым (воспитателям, педагогам, учителям и др.), могут исследоваться также при производстве судебной психологической экспертизы, проводимой в отношении живых лиц как по уголовным, так и по гражданским делам. В связи с этим актуальной представляется интеграция психологических зна-

²⁵ По данным отечественных исследователей, полученных до 2012 года, 40 % российских школьников сталкивались с изображениями сексуального характера онлайн и офлайн, 34 % из них в Интернете. По данным 2017 года 48 % московских школьников посещают сайты, содержащие сексуальный контент [40].

ний, входящих в различные специальности в рамках рода судебной психологической экспертизы (20.1 «Исследование психологии человека» и 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов»).

Заключение

При назначении судебной экспертизы по видеоматериалам следственных действий, а также по видеозаписям процессуальных действий, могут возникать различные судебно-экспертные ситуации. К наиболее типичным относятся ситуации, возникающие при необходимости установления следующих фактических данных: «признаков достоверности» сообщаемой информации, спонтанности и подготовленности речи допрашиваемого, установления внешнего влияния на сообщаемые сведения (показания), эмоционального состояния допрашиваемого и его индивидуально-психологических особенностей, а также ситуации, возникающие при исследовании видеоматериалов, фиксирующих неформальную коммуникацию. В каждом из этих

случаев орган, назначающий экспертизу, и эксперт, принимающий экспертизу к производству, должны исходить из общего понимания возможностей современной науки и методологии судебной экспертизы и пределов компетенции эксперта. От этого зависит продуктивность их взаимодействия – результативность такой формы применения специальных знаний, как судебная экспертиза, и корректность оценки заключения эксперта.

Мы обозначили основные задачи, которые могут быть поставлены перед экспертами при исследовании видеоматериалов процессуальных и непроцессуальных действий, где зафиксирована речь лица, сообщающего какую-либо значимую (в контексте уголовного или гражданского дела) информацию.

Некоторые экспертные ситуации не вошли в данную статью, например исследование видеоматериалов, фиксирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий (по делам о коррупционных преступлениях, мошенничестве и др.). Они будут рассмотрены в последующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: формы, виды, перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4 (44). С. 98–107. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-4-98-107>
2. Секераж Т.Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 35–43. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43>
3. Секераж Т.Н. Экспертные ошибки при производстве судебной психологической экспертизы / Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С. 183–225.
4. Волохова Л.А., Секераж Т.Н. Производство судебных психологических экспертиз видеозаписей оперативных и следственных действий (по материалам обобщения экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 88–97. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2015-4-88-97>
5. Гагина О.В., Кузнецов В.О. Исследование содержания аудио- и видеозаписей оперативных и следственных действий: современное состояние и перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 45–48.

REFERENCES

1. Sekerazh T.N., Kuznetsov V.O. Integrated Forensic Psycholinguistic Analysis: Forms, Types, Prospects of Development. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 4 (44). P. 98–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-4-98-107>
2. Sekerazh T.N. Psychological Analysis of Informational Materials: Establishing a New Type of Forensic Psychological Evaluation and a New Forensic Science Specialty. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 35–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43>
3. Sekerazh T.N. Expert Mistakes in Conduct of Forensic Psychological Expertise. In: Rossinskaya E.R. (ed). *Forensic Expertise: Typical Mistakes*. Moscow: Prospekt, 2012. P. 183–225. (In Russ.)
4. Volokhova L.A., Sekerazh T.N. Conducting Forensic Psychological Assessments Using Video Recordings of Search Operations and Investigative Actions (Overview of Forensic Practice). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No. 4 (40). P. 88–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2015-4-88-97>
5. Gagina O.V., Kuznetsov V.O. Forensic Analysis of the Content of Audio and Video Recordings Obtained During Investigation: Review of Current State and Future Prospects. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 1 (33). P. 45–48. (In Russ.)

6. Гагина О.В., Кузнецов В.О., Секераж Т.Н. Психолого-лингвистическое исследование видеозаписи допроса: проблемы и возможные пути их решения // Психология и право. 2015. Т. 5. № 2. С. 93–104. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015100207>
7. Гагина О.В., Кузнецов В.О. Методика психолого-лингвистического исследования видеоматериалов процессуальных действий: влияние на содержание показаний. М.: РФЦСЭ, 2020. 52 с. <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-203-7-2020-4>
8. Дозорцева Е.Г., Красавина А.Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 23–31. <https://doi.org/10.17759/chp.2017130304>
9. Абрамкина Е.Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 158–163. <https://doi.org/10.17223/15617793/415/22>
10. Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я., Васкэ Е.В., Дозорцева Е.Г., Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н., Шипшин С.С., Ошевский Д.С., Бердников Д.В., Секераж Т.Н., Калинина А.Н. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 64–73. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-64-73>
11. Смирнова С.А., Усов А.И. Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы – один из важных международных трендов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 11–17. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-11-17>
12. Васкэ Е.В. Методика психологического взаимодействия следователя с несовершеннолетним при допросе. Практическое пособие. Н. Новгород: СУ СК РФ по Нижегородской обл., 2013. 82 с.
13. Васкэ Е.В. К вопросу об участии специалиста-психолога в подготовке и проведении допроса несовершеннолетнего, потерпевшего от сексуального насилия // Психология и право. 2012. Т. 2. № 2. <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52072.shtml>
14. Карпова А.В., Михайлова Ю.А., Чижова Д.С. Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 174–186. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090413>
15. Хитина М.В. Дифференциация спонтанной (неподготовленной) и подготовленной устной речи. Методическое письмо для экспертов. М.: РФЦСЭ, 2003. 52 с.
6. Gagina O.V., Kuznetsov O.V., Sekerazh T.N. Psycho-linguistic Study of Interrogation Videos: Problems and Possible Solutions. *Psychology and Law*. 2015. No. 2. P. 93–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015100207>
7. Gagina O.V., Kuznetsov V.O. *Methodology of Psychological and Linguistic Research of Video Footage of Proceedings: Influence on the Content of Statement*. Moscow: RFCFS, 2020. 52 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-203-7-2020-4>
8. Dozortseva E.G., Krasavina A.G. Interviewing Child Victims of Crime: Changes in Investigative Practices. *Cultural-Historical Psychology*, 2017. Vol. 13. No. 3. P. 23–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2017130304>
9. Abramkina E.E. The Interview Memo Authorship Examination: Basic Special Aspects and the Method of the Analysis. *Tomsk State University Journal*. 2017. No. 415. P. 158–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/415/22>
10. Smirnova S.A., Makushkin E.V., Asnis A.Ya., Vaske E.V., Dozortseva E.G., Safuanov F.S., Shishkov S.N., Shipshin S.S., Oshevskii D.S., Berdnikov D.V., Sekerazh T.N., Kalinina A.N. Information Letter “On the Issue of Legal Wrongfulness in Establishing Witness Credibility through Forensic Evaluation”. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 3 (43). P. 64–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-64-73>
11. Smirnova S.A., Usov A.I. Enhancing the Scientific Validity of Methodological Support in Forensic Science: An Important International Trend. *Theory and Practice of Forensic Science*. (In Russ.). 2017. Vol. 12. No. 2. P. 11–17. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-11-17>
12. Vaske E.V. *Methodology of an Investigator's Psychological Interaction with a Minor during Interrogation. Practical Handbook*. Nizhny Novgorod: SU SK RF po Nizhegorodskoi obl., 2013. 82 p. (In Russ.)
13. Vaske E.V. To the Question of Participation of a Specialist Psychologist in Preparation for and Carrying out of Interrogation of Minor Victim of Sexual Violence. *Psychology and Law*. 2012. Vol. 2. No. 2. (In Russ.). <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52072.shtml>
14. Karpova A.V., Mikhaylova Yu.A., Chizhova D.S. Possibilities of a Psychological Analysis of the Testimonies of Juvenile Witnesses and Victims in Criminal Proceedings. *Psychology and Law*. 2019. Vol. 9. No. 4. P. 174–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090413>
15. Khitina M.V. *Distinction of Spontaneous (Unprepared) and Prepared Oral Speech. Methodical Letter for Experts*. Moscow: RFCFS, 2003. 52 p. (In Russ.)

16. Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России / Под ред. Т.П. Москвиной. М.: Антидор, 2004. 501 с.
17. Лурия А.Р. Язык и сознание. / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: МГУ, 1979. 320 с.
18. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 3-е изд. М.: Смысл, СПб.: Лань, 2003. 287 с.
19. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. 3-е изд., стер. М.: URSS, 2005. 211 с.
20. Леонгард К. Акцентуированные личности. М.: Феникс, 1989. 358 с.
21. Наенко Н.И. Психическая напряженность. М.: МГУ, 1976. 112 с.
22. Носенко Э.Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск: ДГУ, 1975. 132 с.
23. Долинин К.А. Спонтанность – не спонтанность как стилистическая характеристика / Стилистика французского языка. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1987. С. 242–263.
24. Walsh D., Oxburgh G., Redlich A., Myklebust T. (eds). *International Developments and Practices in Investigative Interviewing and Interrogation*. London: Routledge, 2017. 318 p. <https://doi.org/10.4324/9781315769677>
25. Oxburgh G., Myklebust T., Grant T., Milne R. (eds). *Communication in Investigative and Legal Contexts: Integrated Approaches from Forensic Psychology, Linguistics and Law Enforcement*. Wiley-Blackwell, 2015. 402 p.
26. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.
27. Ратинов А.Р., Ефимова Н.И. Психология допроса обвиняемого. Методическое пособие. М.: ВНИИ проблем укрепления правопорядка, 1988. 114 с.
28. Васкэ Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. 312 с.
29. Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей. Методическое пособие. М.: ВИИПРМПП, 1984. 34 с.
30. Melinder A., Scullin M., Gravvold T., Iversen M. The Stability and Generalizability of Young Children's Suggestibility over a 44-month Interval // *Psychology, Crime & Law*. 2007. Vol. 13. No. 5. P. 459–468. <https://doi.org/10.1080/10683160601092997>
31. Andrews S.J., Lamb M.E., Lyon T.D. The Effects of Question Repetition on Responses When Prosecutors and Defense Attorneys Question Children Alleging Sexual Abuse in Court // *Law and Human Behavior*. 2015. Vol. 39. No. 6. <https://doi.org/10.1037/lhb0000152>
32. Kebbell M., Deprez S., Wagstaff G. The Direct and Cross-Examination of Complainants and Defendants in Rape Trials: A Quantitative
16. Moskvina T.P. (ed). *The Capacities of Conducting a Forensic Examination in State Forensic Institutions of the Russian Ministry of Justice*. Moscow: Antidor, 2004. 501 p. (In Russ.)
17. Luriya A.R. *Language and Mind* / E.D. Khomskaya (ed). Moscow: MGU, 1979. 320 p. (In Russ.)
18. Leont'ev A.A. *The Basics of Psycholinguistics*. 3rd ed. Moscow: Smysl, Saint Petersburg: Lan', 2003. 287 p. (In Russ.)
19. Leont'ev A.A. *Language, Speech, Speech Activity*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2005. 211 p. (In Russ.)
20. Leongard K. *Accentuating the Personality*. Moscow: Feniks, 1989. 358 p. (In Russ.)
21. Naenko N.I. *Mental Orientation*. Moscow: MGU, 1976. 112 p. (In Russ.)
22. Nosenko E.L. *The Features of Speech and States of Emotional Orientation*. Dnepropetrovsk: DGU, 1975. 132 p. (In Russ.)
23. Dolinin K.A. Spontaneity and Non-Spontaneity as a Stylistic Characteristic. *Statistics of the French Language*. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1987. P. 242–263. (In Russ.)
24. Walsh D., Oxburgh G., Redlich A., Myklebust T. (eds). *International Developments and Practices in Investigative Interviewing and Interrogation*. London: Routledge, 2017. 318 p. <https://doi.org/10.4324/9781315769677>
25. Oxburgh G., Myklebust T., Grant T., Milne R. (eds). *Communication in Investigative and Legal Contexts: Integrated Approaches from Forensic Psychology, Linguistics and Law Enforcement*. Wiley-Blackwell, 2015. 402 p.
26. Ratinov A.R. *Forensic Psychology for Investigators*. Moscow: Yurilitinform, 2001. 352 p. (In Russ.)
27. Ratinov A.R., Efimova N.I. *Psychology of an Accused Interrogation. Handbook*. Moscow: VNI problem ukrepleniya pravoporyadka, 1988. 114 p. (In Russ.)
28. Vaske E.V. *Psychology of Minor Offenders' and Sexual Abuse Victim's Interrogation*. Moscow: Genezis, 2014. 312 p. (In Russ.)
29. Kochenov M.M., Osipova N.R. *Psychology of Minor Witnesses' Interrogation. Handbook*. Moscow: VIIPRMPP, 1984. 34 p. (In Russ.)
30. Melinder A., Scullin M., Gravvold T., Iversen M. The Stability and Generalizability of Young Children's Suggestibility over a 44-month Interval. *Psychology, Crime & Law*. 2007. Vol. 13. No. 5. P. 459–468. <https://doi.org/10.1080/10683160601092997>
31. Andrews S.J., Lamb M.E., Lyon T.D. The Effects of Question Repetition on Responses When Prosecutors and Defense Attorneys Question Children Alleging Sexual Abuse in Court. *Law and Human Behavior*. 2015. Vol. 39. No. 6. <https://doi.org/10.1037/lhb0000152>
32. Kebbell M., Deprez S., Wagstaff G. The Direct and Cross-Examination of Complainants and Defendants in Rape Trials: A Quantitative

- Analysis of Question Type // *Psychology, Crime & Law*. 2002. Vol. 9. No. 1. P. 49–59.
<https://doi.org/10.1080/10683160308139>
33. Craig T. Memory Conformity and Suggestibility // *Psychology, Crime and Law*. 2013. Vol. 19. No. 7. P. 565–575.
<https://doi.org/10.1080/1068316X.2011.648637>
34. Балабанова Л.М. Судебная патопсихология. Донецк: Сталкер, 1998. 432 с.
35. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности малолетних и несовершеннолетних давать показания. Пособие для врачей. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского Минздрава России, 1996. 20 с.
36. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. Учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 309 с.
37. Розет И.М. Психология фантазии. Экспериментально-теоретическое исследование внутренних закономерностей продуктивной умственной деятельности. 2-е изд., испр. и доп. Минск: Университетское, 1991. 196 с.
38. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Пер. с фр. М. Бекетовой. СПб.: Наука, 2001. 319 с.
39. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. Психологический очерк. Книга для учителя. 3-е изд. М.: Просвещение, 1991. 90 с.
40. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России. Компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
41. Danby S.J., Flear M., Davidson C., Hatzigianni M. (eds.). Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives / *International Perspectives on Early Childhood Education and Development*. Vol. 22. Springer, 2018. 287 p.
<https://doi.org/10.1007/978-981-10-6484-5>
42. Нуцкова Е.В. Диагностическая и экспертная оценка психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении девочек // *Психология и право*. 2018. Т. 8. № 4. С. 75–98.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080408>
- Analysis of Question Type. *Psychology, Crime & Law*. 2002. Vol. 9. No. 1. P. 49–59.
<https://doi.org/10.1080/10683160308139>
33. Craig T. Memory Conformity and Suggestibility. *Psychology, Crime and Law*. 2013. Vol. 19. No. 7. P. 565–575.
<https://doi.org/10.1080/1068316X.2011.648637>
34. Balabanova L.M. *Forensic Abnormal Psychology*. Donetsk: Stalker, 1998. 432 p. (In Russ.)
35. *Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of the Minors' Ability to Testify. Textbook for Doctors*. Moscow: GNTs SSP im. V.P. Serbskogo Minzdrava Rossii, 1996. 20 p. (In Russ.)
36. Safuanov F.S. *Forensic Psychology. Examination. Textbook for Academic Baccalaureate*. 2nd ed. Moscow: Yurait., 2017. 309 p. (In Russ.)
37. Rozet I.M. *Psychology of Fantasy. Experimental and Theoretical Research of the Internal Patterns of Productive Mental Activity*. 2nd ed. Minsk: Universitetskoe, 1991. 196 p. (In Russ.)
38. Sartr Zh.-P. *Imaginary. Phenomenological Psychology of Imagination* / Transl. from French by M. Beketova. Saint Petersburg: Nauka, 2001. 319 p. (In Russ.)
39. Vygotskii L.S. *Imagination and Creativity in Childhood. Psychological Essays. Teacher's Book*. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1991. 90 p. (In Russ.)
40. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. *Digital Generation of Russia. Competence and Safety*. Moscow: Smysl, 2017. 375 p. (In Russ.)
41. Danby S.J., Flear M., Davidson C., Hatzigianni M. (eds.). Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives. *International Perspectives on Early Childhood Education and Development*. Vol. 22. Springer, 2018. 287 p.
<https://doi.org/10.1007/978-981-10-6484-5>
42. Nutskova E.V. Diagnostic and Forensic Assessment of the Psychological Consequences of Sexual Violence and Abuse against Girls. *Psychology and Law*. 2018. Vol. 8. No. 4. P. 75–98. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080408>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Секераж Татьяна Николаевна – к. юр. н., доцент, заведующий лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Статья поступила: 10.01.2021
 После доработки: 14.02.2021
 Принята к печати: 25.02.2021

ABOUT THE AUTHOR

Sekerazh Tat'yana Nikolaevna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Forensic Psychology, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Received: January 10, 2021
 Revised: February 14, 2021
 Accepted: February 25, 2021

Видеореги­стратор как объект исследования судебных экспертиз

 С.А. Крутов^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Россия

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные со стационарными видеореги­страторами: их виды, назначение, принцип работы, конструктивные особенности и основные компоненты, установленные в данных устройствах. Разобран порядок использования записей с камер видеонаблюдения в судопроизводстве. Обоснована необходимость проведения комплексных экспертиз при исследовании стационарных видеореги­страторов, показано, в каких случаях необходимо назначение экспертизы, а когда достаточно осмотра с участием специалиста. Представлена последовательность исследования стационарного видеореги­стратора как объекта судебной компьютерно-технической экспертизы. Перечислены возможные вопросы к эксперту, методы и подходы; рассмотрены трудности, возникающие в ходе экспертизы. Разобран пример исследования стационарного видеореги­стратора из экспертной практики лаборатории судебной компьютерно-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России.

Ключевые слова: *судебная компьютерно-техническая экспертиза, видеореги­стратор, накопитель на жестких магнитных дисках, видеозапись, файловая система, анализ данных в секторах, видеофайл*

Для цитирования: Крутов С.А. Видеореги­стратор как объект исследования судебных экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 114–123.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-114-123>

Video Recorder as an Object of Forensic Expert Analysis

 Sergei A. Krutov^{1,2}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russia

Abstract. The article addresses the issues related to stationary video recorders: their types, purpose, principles of functioning, design characteristics, key components installed in these devices. The author analyses the procedure for using the video recordings from the surveillance cameras in court proceedings. He also justifies the need for comprehensive examinations when investigating stationary video recorders and points out the cases when the appointment of an examination is necessary and when a specialist inspection is enough. The paper presents a research sequence for a stationary video recorder as a computer forensics' object. Possible questions to the expert, methods, and approaches are listed; difficulties arising during the examination are considered. The author analyzes a case study of a stationary video recorder examination from the expert practice of the laboratory of computer forensics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice.

Keywords: *computer forensics, video recorder, HDD, video recording, filesystem, data analysis in sectors, video file*

For citation: Krutov S.A. Video Recorder as an Object of Forensic Expert Analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 114–123. (In Russ.).

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-114-123>

Введение

Видеореги­стратор представляет устройство, предназначенное для записи, хранения и воспроизведения видеоинформации (видеофайлов). Видеореги­страторы достаточно популярны, они используются не только в промышленных целях, но и в быту. Благодаря большому выбору, доступности и относительно умеренной цене, видеореги­страторы становятся выбором многих людей, которые хотят организовать видеонаблюдение в офисе, магазине, загородном доме, квартире или на предприятии.

Системы видеонаблюдения устанавли­вают на промышленных, военных объектах, активно используют в городской среде, в том числе для фиксации правонарушений, обеспечения безопасности объектов инфраструктуры города. Записи с камер могут использоваться при рассмотрении уголовных или гражданских дел, поскольку современные видеосистемы способны идентифицировать человека по характерным признакам, что помогает следователям в поимке лиц, подозреваемых в совершении того или иного преступления. Росту популярности видеореги­страторов у населения поспособствовал и тот факт, что записи с камер стали принимать суды в качестве доказательств противоправных действий – будь то кража, хулиганство, проникновение на запрещенную или частную территорию и т. п.

Использование видеоматериалов в качестве доказательств

Приобщение записей с камер видео­наблюдения сторонами по делу в качестве доказательств при рассмотрении в судах дел об административных правонарушениях стало возможным после вступления в силу Федерального закона № 114-ФЗ¹. До принятия поправок решение о необходимости приобщения данных материалов к делу оставалось за судом.

В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) и Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федера-

ции (ГПК РФ) указанные поправки пока не вносились, и это означает, что в данных кодексах действуют ранее введенные правила приобщения видеоматериала в качестве доказательств (ст. 64 и 89 АПК РФ, п. 1 ст. 55 ГПК РФ, п. 2 ст. 84 УПК РФ) – эти решения принимают правоохранительные органы или суд [1, 2].

Типы видеореги­страторов

Сегодня на рынке представлено большое количество видеореги­страторов разных производителей и с разным набором функций. В целом их можно разделить на следующие группы.

1. Сетевой стационарный видеореги­стратор. В устройстве данного типа используются IP-видеокамеры – цифровые видеокамеры, которые передают видеопоток в цифровом формате по локальной сети или сети Ethernet с использованием протокола передачи данных IP (каждой камере присваивается свой IP-адрес).

2. Гибридный стационарный видеореги­стратор. Видеореги­страторы данного типа могут работать как с аналоговыми, так и с IP-видеокамерами. Аналоговая видеокамера – устройство, предназначенное для преобразования оптического изображения в аналоговый видеосигнал, для чего используются специальные интегральные микросхемы, так называемые ПЗС-матрицы, – микросхемы из светочувствительных фотодиодов, выполненных на основе кремния, и использующие технологию управляемого переноса заряда в объеме полупроводника.

3. Система видеонаблюдения на основе персонального компьютера с платой захвата и обработки видеосигнала и подключенными к данной плате камерами.

4. Стационарный видеореги­стратор, работающий только с аналоговыми видеокамерами.

В отдельную группу можно выделить так называемые автомобильные видеореги­страторы, а также IP-видеокамеры (например, для наблюдения за ребенком из соседней комнаты). Их исследование, как правило, сводится к анализу установленной в них карты памяти формата SD (microSD), отформатированной в файловую систему FAT32 или exFAT.

Остановимся более подробно на стационарных видеореги­страторах.

¹ Федеральный закон от 26 апреля 2016 г. № 114-ФЗ «О внесении изменения в статью 26.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части обязанности отнесения материалов фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи к доказательствам по делу об административном правонарушении» // Российская газета. 27 апреля 2016 г. № 90 (6958).

Конструктивные особенности стационарных видеорегистраторов

Стационарный видеорегистратор – это электронное устройство, сходное по строению с компьютером. В его состав входят: аналого-цифровой преобразователь, процессор, постоянная и оперативная память, устанавливаемый отдельно накопитель на жестких магнитных дисках (НЖМД) и другие компоненты. Для управления функциями видеорегистратора в его постоянной памяти записана микропрограмма. Многие видеорегистраторы могут подключаться к компьютерной сети для передачи видеозаписей на удаленные компьютеры.

Основной принцип работы видеорегистратора заключается в следующем. Видеосигнал поступает от камеры видеонаблюдения, обрабатывается процессором и сохраняется в виде видеопотока на установленном НЖМД. В случае использования аналоговых камер необходимо преобразование сигнала, за что отвечает аналого-цифровой преобразователь. Сохраненный видеопоток можно затем преобразовать в видеофайл и отправить его на удаленный компьютер или резервный носитель информации. Средствами программного обеспечения самого видеорегистратора возможен просмотр видеопотоков, в том числе удаленно с использованием компьютера или даже мобильного телефона.

Видеорегистратор как объект исследования комплексных экспертиз

Появление новых объектов или техническое усовершенствование уже существующих приводит к необходимости доработки имеющихся или разработке новых подходов к их исследованию. На сегодняшний день потребность следственных органов и судов в проведении исследования компьютерных средств достаточно высока, что в первую очередь связано с популярностью этих средств – сейчас они стали не только значимой частью нашей повседневной жизни (смартфоны, ноутбуки, видеорегистраторы), но и используются при совершении различных преступлений.

Аппаратные и программные возможности современных компьютерных систем позволяют видоизменять информацию внутри видеофайлов или файлов графических форматов, что может поставить под сомнение подлинность источников происхождения данных файлов. В этой связи возрастает ак-

туальность исследований видеофайлов на предмет монтажа. И эта задача относится к компетенции экспертов в области криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей (КЭВиЗ)².

При решении вопроса о монтаже на экспертизу может быть предоставлен носитель информации (флэш-накопитель, оптический диск или НЖМД), содержащий только необходимые для исследования файлы. Но может быть предоставлен и носитель, ранее установленный в какой-либо компьютерной системе, например, в видеорегистраторе или персональном компьютере. В этом случае, помимо искомым файлов или видеозаписей, носитель информации будет содержать и иные данные, в том числе других форматов. Тогда до решения основного вопроса (поиска признаков монтажа в видеофайлах) сначала необходимо найти интересные файлы или видеозаписи. Решение этой задачи уже выходит за рамки КЭВиЗ: поиск файлов определенных категорий или видеозаписей, например за конкретный промежуток времени, решается в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы (СКТЭ). Таким образом, при решении вопроса о монтаже проведение только КЭВиЗ может быть недостаточным – потребуются привлечение эксперта-компьютерщика.

Существует ряд иных вопросов, в частности о метаданных файлов, дате записи на носитель информации, изменении системного времени компьютерного средства, которые относятся к СКТЭ. Эти вопросы следственные органы также могут ставить перед экспертами наряду с вопросом о внесении изменения в содержимое файла (монтаже) [3–7].

Потребность в привлечении эксперта для проведения компьютерно-технического исследования нередко возникает при производстве лингвистических или психологических экспертиз. В этом случае задачи будут аналогичны тем, что могут возникнуть в ходе КЭВиЗ, – это определение метаданных файлов, поиск определенных категорий файлов и т. д. [8].

Таким образом, научно-технический прогресс в области компьютерной техники, популярность и частота использования электронных устройств в повседневной

² Было отмечено, что большинство имеющихся публикаций по исследованиям записей с камер видеонаблюдения относится не к судебной компьютерно-технической экспертизе, а к КЭВиЗ.

жизни определенным образом повлияли и на судопроизводство, а также на судебную экспертизу. Все чаще для решения тех или иных задач при различных исследованиях требуется привлекать экспертов в области компьютерной техники, появилась необходимость в проведении комплексных экспертиз с обязательным участием экспертов СКТЭ.

Видеореги­стратор как объект исследования СКТЭ

Как было показано ранее, а также в связи с конструктивными особенностями и принципом работы рассматриваемых устройств, любой из представленных сегодня на рынке стационарных видеореги­страторов прежде всего является объектом компьютерно-технической экспертизы.

Изучение вопросов, связанных с исследованием стационарных видеореги­страторов, входит в программу дополнительной профессиональной подготовки государственных судебных экспертов системы Минюста России по специальности 21.1 «Исследование информационных компьютерных средств». Эти вопросы рассматриваются также при проведении стажировок, семинаров, курсов повышения квалификации государственных судебных экспертов.

Исходя из статистики ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, экспертизы по исследованию видеореги­страторов по сравнению с иными экспертизами, объектами исследования которых являются, например мобильные телефоны или персональные компьютеры, назначаются достаточно редко. Основной причиной этого является простота эксплуатации и получения видеоинформации с данных устройств: чтобы просмотреть записи с камер видеонаблюдения в большинстве случаев не нужны специальные знания в области компьютерной техники. Многие стационарные видеореги­страторы конструктивно и программно рассчитаны на обычных пользователей. Таким образом, следователь в ходе выемки или проведения осмотра видеореги­стратора может получить необходимые ему записи с камер видеонаблюдения с участием технического специалиста. И тогда необходимость в привлечении эксперта к решению задачи получения видеозаписи отпадает.

Однако может получиться, что при осмотре необходимой видеозаписи среди прочих не окажется, или она будет повреждена, или будет поврежден сам видеореги-

стратор или носитель информации. В этом случае следователю потребуется не только специалист, обладающий специальными знаниями в компьютерной технике, но и специализированное программное обеспечение для анализа структур файловых систем и видеозаписей видеореги­стратора. У технического специалиста, принимающего участие в выемке или осмотре, имеется достаточно знаний в области компьютерной техники, но зачастую не хватает специализированных средств, поэтому следователю для выявления всех обстоятельств дела необходимо изымать видеореги­стратор и обращаться в экспертную организацию. Кроме того, лишь судебной экспертизе присуща процессуальная форма, гарантирующая соблюдение интересов всех участников судопроизводства, а также достоверность выводов эксперта [9–12].

Особенности исследования видеореги­страторов в рамках СКТЭ

Основной задачей при исследовании видеореги­страторов в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы является поиск записей с камер видеонаблюдения, в том числе за указанный промежуток времени. Затем эти видеозаписи нужно сохранить в виде файлов, скопировать их и предоставить лицу или органу, назначившему исследование. При этом важно, что видеозаписи необходимо предоставить в «читаемом» виде, т. е. видеофайлы нужно сохранить в известном формате (например, в расширении .avi), чтобы следователь или суд смогли просмотреть их на любом устройстве.

Вопросы, которые могут ставиться следователем или судом при проведении исследования стационарного видеореги­стратора, могут звучать так.

– Имеются ли на представленном на исследование видеореги­страторе записи с камер видеонаблюдения?

– Имеются ли на представленном видеореги­страторе записи с камер видеонаблюдения за следующий промежуток времени <указывается необходимый временной промежуток>?

Может быть поставлен и ряд других вопросов относительно информации из системного журнала видеореги­стратора или удаленных видеозаписей. Что касается удаленных файлов, то в алгоритме работы любого видеореги­стратора заложена цикличность. Это означает, что по мере заполнения

памяти носителя информации, установленного в видеореги­стратор, более ранние за­писи с камер видеонаблюдения удаляются, и на их место записываются новые. Восста­новление удаленных таким образом видео­записей не представляется возможным.

Основной спецификой видеореги­страторов, которая может вызвать определенные трудности, является файловая система но­сителей информации – НЖМД, на котором размещаются видеозаписи. Данная файло­вая система создается средствами само­го видеореги­стратора при инициализации НЖМД в видеореги­страторе, а точнее сред­ствами его операционной системы. Боль­шинство специализированного програм­много обеспечения, используемого при производстве СКТЭ, не способно иденти­фицировать и прочесть файловые системы стационарных видеореги­страторов. Более того, в алгоритме работы данных программ вообще не предусмотрена работа с фай­ловыми системами почти всех ныне суще­ствующих стационарных видеореги­страторов, что объясняется самобытностью этих файловых систем и их редкостью. Тем не менее некоторые разработчики програм­много обеспечения создали программы для исследования НЖМД видеореги­страторов, например, программу DVD Examiner. В некоторых случаях можно идентифицировать файловую систему НЖМД видеореги­стратора в операционной системе Linux на стен­довом компьютере эксперта.

Таким образом, основной подход к ис­следованию видеореги­страторов на сегодняшний день сводится к следующему. Из видеореги­стратора извлекают НЖМД и при помощи соответствующего оборудования или программного обеспечения (напри­мер, аппаратно-программных комплексов Tableau TX1 или PC-3000 Portable III) соз­дают его клон. Клон НЖМД устанавливают в видеореги­стратор. После этого видеоре­ги­стратор с установленным клоном НЖМД включают и средствами его операционной системы проводят поиск, конвертацию и выгрузку иско­мых видеозаписей.

Другим способом является использо­вание «плееров», соответствующих каждому типу, а точнее производителю видеореги­страторов. Данные «плееры» представляют собой программное обеспечение, разра­ботанное производителем видеореги­стратора и предназначенное для работы с ви­деозаписями, создаваемыми средствами именно этого видеореги­стратора. У каж­

дого производителя свой «плеер». Использо­вание «плеера» другого производителя в большинстве случаев не приведет к желае­мому результату, т. е. доступу к видеозапи­сам.

Трудности могут доставлять видеореги­страторы, в которых нельзя воспроизвести видеозапись с помощью «плееров». Данную функцию может не включить производи­тель, или может отсутствовать сам «плеер». К примеру, если в видеореги­страторе ре­ализованы лишь функции сохранения видео­потока на установленный НЖМД и отправки видеозаписей на удаленный компьютер по локальной сети или через сеть Интернет, то эксперту при исследовании необходимо воспроизвести эти настройки, что не всег­да возможно (нет необходимого дополни­тельного оборудования от видеокомплекса, существует риск внесения изменения в си­стемные настройки видеореги­стратора, от­сутствуют знания о тонкостях настройки кон­кретной видеосистемы). Кроме того, уста­новленный в стационарный видеореги­стратор НЖМД может иметь логические по­вреждения структуры данных. В этом слу­чае операционная система видеореги­стратора может не распознать НЖМД, частично или полностью не отобразить имеющиеся видеозаписи.

Пример из экспертной практики

Рассмотрим более подробно ход произ­водства СКТЭ³, объектом которой стал ста­ционарный видеореги­стратор, поступивший на исследование в лабораторию судеб­ной компьютерно-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. Экспер­тиза проводилась по уголовному делу, явля­лась повторной и была назначена судом. На разрешении эксперта стоял вопрос: «Име­ются ли на представленном на исследова­ние видеореги­страторе видеозаписи?».

При исследовании использовали рабо­чее место в следующей комплектации:

- аппаратная конфигурация – процессор Intel® Core™ i7-7700;
- системная плата ASUS H170 Pro; ОЗУ 32 Гб;
- SSD-накопитель объемом 250 Гб;
- НЖМД: Western Digital объемом 2000 Гб, Seagate объемом 750 Гб, Seagate объемом 1500 Гб;
- блокирующее запись информации на НЖМД устройство Tableau;

³ Экспертизу проводил автор статьи.

– аппаратно-программный комплекс Tableau TX1 – устройство, предназначенное для снятия образа или клонирования носителей информации с интерфейсами подключения SATA и USB (разъемы для подключения источников, т. е. объектов исследования, имеют блокировку от записи).

Использовали следующую программную конфигурацию:

- операционная система Windows 10 Pro;
- аппаратно-программный комплекс PC-3000 Express, предназначенный для работы с накопителями на жестких магнитных дисках, имеющих физические и логические повреждения;
- программа Any Video Converter, предназначенная для работы с видеофайлами;
- программа DVR Examiner, предназначенная для работы с носителями информации, устанавливаемыми в стационарные видеорегистраторы.

Ход исследования.

На первоначальном этапе проводили осмотр упаковки видеорегистратора и ее фотосъемку. Затем осматривали сам видеорегистратор, при этом из корпуса видеорегистратора был извлечен НЖМД. При помощи аппаратно-программного комплекса Tableau TX1 создали побитовую копию (клон) НЖМД видеорегистратора. Клон НЖМД установили обратно в видеорегистратор.

При включении видеорегистратора⁴ и загрузки его системы управления устано-

вили, что НЖМД-клон распознается системой, но видеозаписей при этом не имеется.

В результате изучения с использованием шестнадцатеричного редактора (HEX-редактора), входящего в состав аппаратно-программного комплекса PC-3000 Express, структуры НЖМД-клона установили, что на нем имеются данные, относящиеся, вероятно, к видеозаписям. При этом схожая структура имела практически по всему объему секторов НЖМД (рис. 1), за исключением некоторых начальных секторов, отведенных под нужды файловой системы.

Изучение инструкции по эксплуатации видеорегистратора на официальном сайте разработчика показало, что представленная на исследование модель конвертирует видеозаписи в формат .avi непосредственно средствами самого видеорегистратора, соответствующего «плеера» не имеет. В результате исследования НЖМД средствами программы DVR Examiner установили, что программа идентифицирует носитель информации, определяет тип его файловой системы, но не может получить доступ к имеющимся на НЖМД видеозаписям. Таким образом, провести информационное исследование НЖМД видеорегистратора средствами самого видеорегистратора, а также имеющимся в распоряжении у эксперта программными средствами, предназначенными для работы с носителями информации видеорегистратора, не представляется возможным.

Одним из способов решения поставленного вопроса может быть попытка понять логику размещения видеозаписей в сектора НЖМД – каким образом и по какому ал-

⁴ В постановлении о назначении экспертизы имелось разрешение на применение экспертом разрушающих методов исследования.

```

0x010  89 A6 E7 5F F0 4B 0F 91 65 9B 7E 7F C7 88 80 35  ..._.K#.e.~i^...5
0x020  2E BD 67 3B FB BE FA 0F E0 41 FD F8 F5 AF 9B 94  ..g;...x.A.....
0x030  B8 EB 47 8B 83 3C AF A4 01 2D 32 6E A5 FF 37 0D  ..G..<...-2n...7.
0x040  CF A8 08 EF 5D 4F 5D 78 8B 54 64 A6 7B AE 12 A2  ....]O]x.Td.{...
0x050  A4 92 53 E7 C4 74 86 5A FA 5C D1 FC 11 46 E5 6E  ..S..t.Z.\...F.n
0x060  24 8B AB BB 32 F5 C4 51 C6 48 BB 31 92 E2 D7 E1  $....2..Q.H.1....
0x070  4B AD D7 F4 E4 C6 6E D9 88 97 54 2A 90 C7 B7 6C  K.....n...T*...l
0x080  15 59 CD 9A 77 8D B5 40 EC EC 19 B3 2C BE 9F 99  $Y..w..@.....
0x090  BC B6 CF 5C 12 51 AA 5E F8 24 A8 CF 77 F8 23 D6  ...\.Q.^.$..w.#.
0x0A0  92 57 F8 22 B4 94 83 2F 7D D5 2F D5 BE AF 27 17  .W.".../}./'...'.
0x0B0  C8 68 74 06 15 47 B5 E0 9F C1 22 9B CD 49 9D E9  .ht.$G...."..I..
0x0C0  FE 32 9B 07 CF 0D 43 64 7C 99 8F B9 FF 09 78 3F  .2....Cd|.....x?
0x0D0  BF 42 F2 52 46 49 91 95 1B 8B F1 DF 01 84 6C 07  .B.RFI.....l.
0x0E0  D2 90 E7 BF 92 F2 FF 52 26 3E 8E 7D EB 49 1A 90  ....R&>..}..I..
0x0F0  31 56 DC DA 2F F6 D3 60 DF EB AE 5F 5C AB 0A 4A  1V.../...`..._\..J
0x100  76 8E 83 1E 68 1D 56 D2 47 C8 30 D9 24 BF 83 4F  v...h.V.G.O.$..0
0x110  1C F6 59 65 B2 FF D9 7F 27 48 65 85 68 C8 9A 2D  ..Ye...I'He.h...-
0x120  82 22 9B CE 84 C1 5D 4B 33 04 FB 38 0D 3B 8F E9  ."....]Kз..8...

```

Рис. 1. Структура данных на НЖМД исследуемого видеорегистратора
Fig. 1. Data structure on the HDD of the investigated video recorder

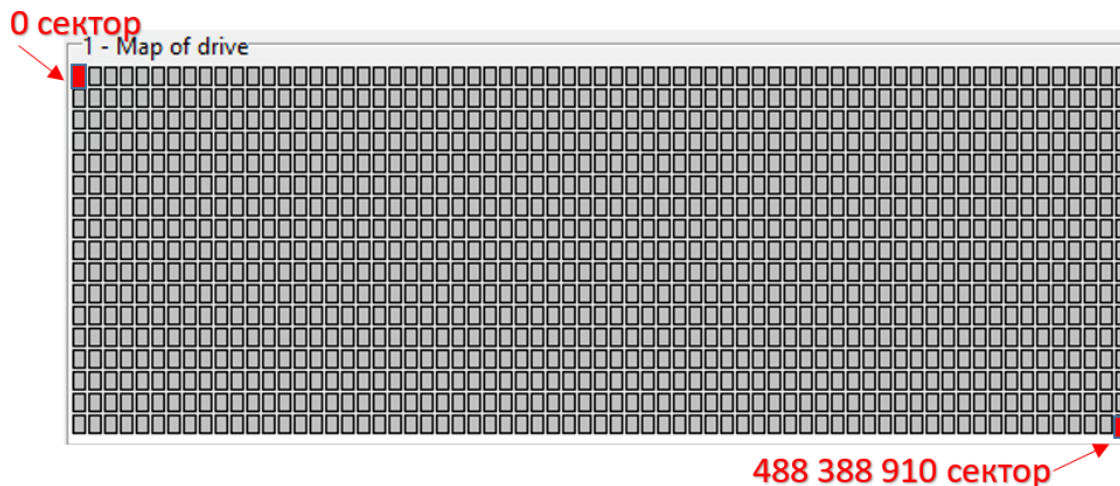

Рис. 2. Графическое представление секторов НЖМД
Fig. 2. Graphic representation of an HDD's sectors

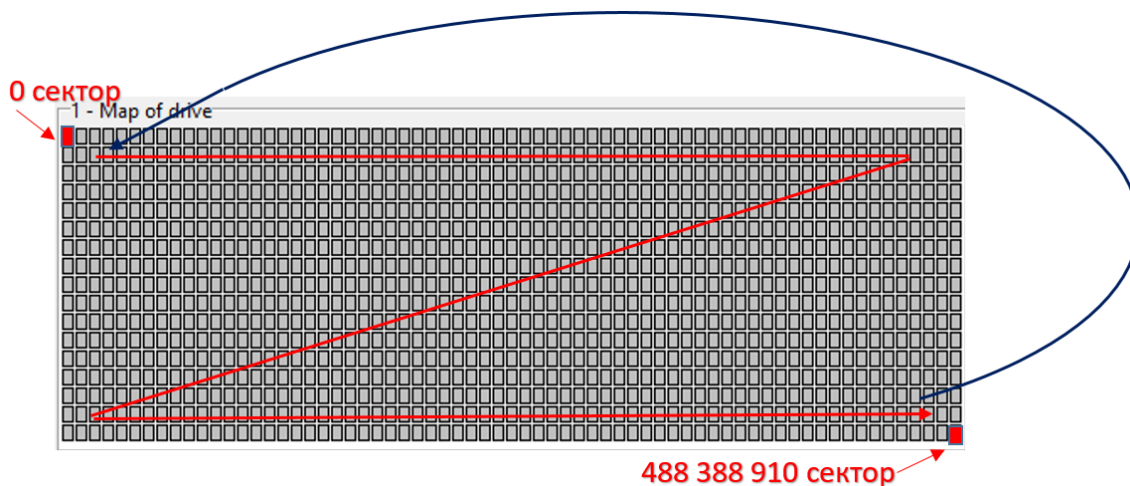

Рис. 3. Графическое представление примера записи информации на НЖМД видеорегистратором
Fig. 3. Graphic representation of an example of data record on an HDD by a video recorder

горитму система видеорегистратора записывала данные на НЖМД.

Для этого вновь использовали HEX-редактор из состава аппаратно-программного комплекса PC-3000 Express, средствами которого проводили анализ данных в секторах с целью поиска подобия структуры, т. е. определенной логики в построении данных.

Стоит отметить, что данный процесс может быть достаточно трудоемким и затратным по времени. В рассматриваемом примере размер одного сектора составлял 512 байт. Таким образом, для исследуемого НЖМД объемом в 250 Гб, количество секторов составляло $25\,000\,000\,000/512$ – около 500 000 000. (рис. 2), каждый из которых необходимо было просмотреть, чтобы понять, где начинаются и где заканчиваются видеопотоки.

Такая задача кажется непосильной, и ее решение отнимет много времени. Поэтому предположили, что сам видеорегистратор, хоть и является неким подобием компьютера, но не относится к устройству, способному на сложные операции, ввиду слабого по производительности процессора, небольшого объема постоянной и оперативной памяти. В совокупности с изложенным выше, а также принципом цикличности записи, можно допустить, что запись всегда начинается с начальных секторов диска (исключая сектора, занимаемые файловой системой и прочими служебными данными) и идет последовательно к конечным секторам. При заполнении всех секторов, запись начинается снова с начальных секторов, и далее – по кругу (рис. 3).

```

0x180 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 .....
0x190 00 00 00 00 00 00 00 48 59 41 56 FC 01 00 08 ..... HYAV .....
0x1A0 D4 06 97 03 D3 1D 00 00 A2 E3 9E 48 C0 1F D1 99 .....H....
0x1B0 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 01 41 9B 28 3D .....A.(=
0x1C0 E8 91 92 4F F7 19 67 3B 29 46 F7 50 D0 3E 43 A0 ...O..g;)F.P.>C.
0x1D0 A8 21 87 C9 A2 7C 10 18 4E 96 98 9C 04 C1 C6 76 .!...|..N.....v
0x1E0 6B 22 3D 3C 2D 1A 1F E3 E3 3B A5 42 47 31 04 F0 k"=<-....;.BG1..
0x1F0 6E 98 61 69 8F E3 B4 F0 21 E7 E2 04 3C 19 97 17 n.ai....!...<...

```

Рис. 4. Структура данных на НЖМД исследуемого видеорежистратора (начало контейнера)
Fig. 4. Data structure on the HDD of the investigated video recorder (beginning of the container)

```

0x0E0 04 9D B6 F1 BF 51 D4 11 B6 DC A0 86 EC 20 F9 77 .....Q..... .w
0x0F0 E8 BF D3 25 0C 9D 2A 16 5D 31 9D CB 52 60 F5 35 ...%..*.]1..R`.5
0x100 79 98 C8 64 7E 3C 95 6A 52 90 41 E9 FF A2 19 D6 y..d~<.jR.A.....
0x110 5B 1B A1 1D 47 04 77 D8 67 C0 45 68 79 61 76 7D [...G.w.g.Ehyav}
0x120 24 00 00 48 59 41 56 F0 00 00 04 66 5B 1F 01 24 $. HYAV .....f[.$.
0x130 08 00 00 A2 E3 9E 48 E7 20 D1 99 83 01 10 02 B5 .....H. ....
0x140 F7 CB F7 E2 F7 C4 F7 C1 F7 E3 F7 D6 F7 AA F7 AF .....

```

Рис. 5. Структура данных на НЖМД исследуемого видеорежистратора (окончание контейнера)
Fig. 5. Data structure on the HDD of the investigated video recorder (end of the container)

Таким образом, в процессе анализа секторов в начале НЖМД была найдена структура, похожая на начало контейнера (рис. 4).

Посекторный анализ позволил определить окончание этого контейнера (рис. 5) и следующий за ним ряд пустых секторов, а затем опять похожую на начало контейнера структуру.

Поскольку стали известны сектора размещения начала и окончания контейнера с предполагаемой видеозаписью, средства аппаратно-программного комплекса PC-3000 Express позволили выделить этот фрагмент и сохранить его на компьютере эксперта в виде файла.

В результате подбора соответствующего кодека (для большинства стационарных видеорежистраторов используется способ сжатия видеопотока в формат H.264) удалось запустить сохраненный файл на стендовом компьютере эксперта. Данный файл содержал запись с камеры видеонаблюдения. Для удобства просмотра файл с видеозаписью средствами программы Any Video Converter был перекодирован в формат .avi.

Дальнейший поиск и извлечение остальных видеозаписей проводили аналогичным образом.

Таким образом, в результате исследования видеорежистратора были найдены необходимые видеофайлы. Сложность и необычность данного подхода заключалась прежде всего в специфике файловой системы НЖМД видеорежистратора и отсутствии

универсального программного обеспечения для его исследования. Однако, предложенный метод хоть и сложнее, но позволяет более детально разобраться в ситуации и, как следствие, провести более полное исследование. Еще один аргумент в пользу данного метода заключается в том, что программа при анализе видеопотока может пропустить файл с отсутствующим окончанием. Такая ситуация может возникнуть при внезапном отключении питания видеорежистратора. «Ручной» метод позволит увидеть и в некоторых случаях восстановить целостность «недописанного» файла путем добавления в его структуру окончания. Данная процедура не будет являться изменением файла, поскольку не затрагивает его пользовательские данные, а лишь восстанавливает его целостность путем добавления системных данных.

Заключение

Приведенное исследование показало, что существующие подходы к исследованию стационарных видеорежистраторов сводятся лишь к извлечению информации средствами самих видеорежистраторов или их программного обеспечения. С одной стороны, для решения большинства задач, связанных с данными объектами исследования, этого достаточно, но с другой – существующий подход не учитывает сторонних факторов, связанных с физическим разрушением объекта исследования, будь то сам видеорежистратор или установленный в

него носитель информации. Как следствие, задача получения видеозаписи при наличии физических повреждений становится практически нерешаемой [13–15].

На сегодняшний день в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России был применен новый способ исследования стационарного видеорегистратора, что позволило решить поставленную перед экспертом задачу – поиск и

сохранение видеофайла. Дальнейшее изучение структуры размещения видеозаписей на НЖМД видеорегистраторов различных марок, моделей и производителей позволит установить, является ли данный подход универсальным, и возможно ли его применение в дальнейшем уже в статусе рекомендованного к широкой экспертной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Талынева З.З., Давыдова С.Р. К вопросу о доказательственном значении материалов аудио- и видеозаписи в уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 4 (82). С. 54–57.
2. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 94–104.
3. Воронкова Д.К., Воронков А.С., Пилипчак А.М. Комплексная судебная компьютерно-техническая и видеотехническая экспертиза // Modern Science. 2019. № 12-1. С. 300–306.
4. Эдзубов Л.Г., Усов А.И., Микляева О.В. Новая концепция и существующее представление о комплексной судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 2 (34). С. 142–149.
5. Эдзубов Л.Г., Усов А.И., Микляева О.В., Карпукхина Е.С. О месте новой концепции в теории комплексной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 2 (34). С. 10–17.
6. Вознюк М.А., Денисов Ю.А. Экспертная диагностика обстоятельств изготовления цифровых видео- и звукозаписей: аналитический обзор // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 1. С. 48–71. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2017-12-1-48-71>
7. Хатунцев Н.А., Лизоркин А.М. Метод доказательства неизменности фотоизображений в рамках компьютерно-технической экспертизы (на примере из экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3 (35). С. 69–73.
8. Бондарев А.А., Кривенок А.М., Кузнецов В.О. Применение методов СКТЭ и КЭЗ при решении вопроса о датировке видеофонограммы и наличии/отсутствии признаков ее монтажа и изменения // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. № 2 (22). С. 124–126.
9. Усов А.И. Судебно-экспертное исследование компьютерных средств и систем. Основы методического обеспечения. Учебное пособие / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Право и Закон, Экзамен, 2003. 368 с.

REFERENCES

1. Talyneva Z.Z., Davydova S.R. To the Question of Evidentiary Value of the Materials Audio and Video Recordings in Criminal Proceedings. *Bulletin of Ufa Law Institute*. 2018. No. 4 (82). P. 54–57. (In Russ.)
2. Rossinskiy S.B. Annex to an Investigative Proceedings Record: To Recognize or Not To Admit As Physical Evidence? *Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2017. No. 2 (81). P. 94–104. (In Russ.)
3. Voronkova D.K., Voronkov A.S., Pilipchak A.M. Comprehensive Forensic Computer and Video Examination. *Modern Science*. 2019. No. 12-1. P. 300–306. (In Russ.)
4. Edzhubov L.G., Usov A.I., Miklyaeva O.V. New Concept and Current Understanding of Integrated Forensic Investigation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 2 (34). P. 142–149. (In Russ.)
5. Edzhubov L.G., Usov A.I., Miklyaeva O.V., Karpukhina E.S. Introducing a New Concept in the Theory of Integrated Forensic Investigation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 2 (34). P. 10–17. (In Russ.)
6. Voznyuk M.A., Denisov Y.A. Forensic Diagnostics of the Circumstances of Digital Video and Audio Production: Analytical Review. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 48–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2017-12-1-48-71>
7. Khatuntsev N.A., Lizorkin A.M. Method of Proof Invariably Images in the Computer-Technical Expertise (from Expert Practice). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 3 (35). P. 69–73. (In Russ.)
8. Bondarev A.A., Krivenok A.M., Kuznetsov V.O. Application of Forensic Computer-Technical Expertise and Criminalistic Expertise of Sound Recordings Methods for Dating the Videophonogram and the Presence of Indices of Its Modification. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2011. No. 2 (22). P. 124–126. (In Russ.)
9. Usov A.I. *Forensic Examination of Computer Tools and Systems. Basics of Methodological Support. Textbook* / E.R. Rossinskaya (ed). Moscow: Pravo i Zakon, Ekzamen, 2003. 368 p. (In Russ.)

10. Производство судебной компьютерно-технической экспертизы. I. Общая часть. II. Диагностические и идентификационные исследования аппаратных средств. Методическое пособие / Под редакцией А.И. Усова М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2009. 80 с.
11. Momunkulov A.R., Nazarov M.A. The Theoretical Aspects of the Conducting Investigative Activity in the Cases of Cybercrimes // *Modern Science*. 2018. No. 8. P. 74–78.
12. Хатунцев Н.А. О специальных знаниях, необходимых при исследовании компьютерных средств и систем // *Актуальные проблемы российского права*. 2010. № 1 (14). С. 332–339.
13. Хатунцев Н.А., Карпукхина Е.С. Конференция ENFSI FIT WG «Информационные технологии в судебной экспертизе, 2014» // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2015. № 1 (37). С. 112–113.
14. Van Dongen W.S. Case Study: Forensic Analysis of a Samsung Digital Video Recorder // *Digital Investigation*. 2008. Vol. 5. No. 1–2. P. 19–28. <https://doi.org/10.1016/j.diin.2008.04.001>
15. Poole N.R., Abatis Q.Z.P. Analysis of CCTV Digital Video Recorder Hard Disk Storage System // *Digital Investigation*. 2009. Vol. 5. No. 3–4. P. 85–92. <https://doi.org/10.1016/j.diin.2008.11.001>
10. Usov A.I. (ed). *Conduct of Forensic Computer Expertise. I. General Part. II. Diagnostic and Identification Examination of Hardware. Handbook*. Moscow: RFCFS, 2009. 80 p. (In Russ.)
11. Momunkulov A.R., Nazarov M.A. The Theoretical Aspects of the Conducting Investigative Activity in the Cases of Cybercrimes. *Modern Science*. 2018. No. 8. P. 74–78. (In Russ.)
12. Khatuntsev N.A. On the Specialized Knowledge Required in Examination of Computer Tools and Systems. *Actual Problems of the Russian Law*. 2010. No. 1 (14). P. 332–339. (In Russ.)
13. Khatuntsev N.A., Karpukhina E.S. ENFSI FIT WG Conference “Information Technologies in Forensic Science 2014”. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No. 1 (37). P. 112–113. (In Russ.)
14. Van Dongen W.S. Case Study: Forensic Analysis of a Samsung Digital Video Recorder. *Digital Investigation*. 2008. Vol. 5. No. 1–2. P. 19–28. <https://doi.org/10.1016/j.diin.2008.04.001>
15. Poole N.R., Abatis Q.Z.P. Analysis of CCTV Digital Video Recorder Hard Disk Storage System. *Digital Investigation*. 2009. Vol. 5. No. 3–4. P. 85–92. <https://doi.org/10.1016/j.diin.2008.11.001>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крутов Сергей Александрович – заместитель заведующего лабораторией судебной компьютерно-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: serdgijob@yandex.ru

*Статья поступила: 05.01.2021
После доработки: 30.01.2021
Принята к печати: 15.02.2021*

ABOUT THE AUTHOR

Krutov Sergei Aleksandrovich – Deputy Head of the Laboratory of Computer Forensics; the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: serdgijob@yandex.ru

*Received: January 05, 2021
Revised: January 30, 2021
Accepted: February 15, 2021*

Экспертные понятия в судебно-экологической экспертизе

 Н.В. Михалева^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Россия

Аннотация. В статье проанализированы существующие точки зрения в отношении понятия «язык судебной экспертизы». Обращено внимание на то, что многие термины в области судебной экспертизы объединяют юридические и естественнонаучные категории. Изучены юридические понятия, содержащиеся в главе 26 «Экологические преступления» Уголовного кодекса Российской Федерации, а также определения некоторых из них. Указано, что ряд экспертных понятий, необходимых для целей судебно-экологической экспертизы, сформулирован в ГОСТ Р 58081-2018 «Судебно-экологическая экспертиза. Термины и определения», в том числе понятия «экологический вред» и «ущерб, нанесенный объекту окружающей среды». Их следует постепенно внедрять в практику производства судебно-экологических экспертиз.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, судебно-экологическая экспертиза, специальные знания, экспертные понятия, юридические понятия, язык судебной экспертизы, стандартизация*

Для цитирования: Михалева Н.В. Экспертные понятия в судебно-экологической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 124–129.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-124-129>

Expert Concepts in Forensic Ecology

 Natal'ya V. Mikhaleva^{1,2}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russia

Abstract. The article addresses the existing points of view on the term “the language of forensic expertise”. The author draws attention to the fact that many forensic expert terms comprise a synthesis of legal and scientific concepts. The legal concepts contained in Chapter 26 “Environmental crimes” of the Criminal Code of the Russian Federation, and the definitions of some of them are analyzed. It is pointed out that a range of expert notions necessary for forensic purposes is defined by the GOST R 58081-2018 “Forensic environmental expertise. Terms and definitions”, including the concepts of “environmental harm”, “damage caused to an environmental object”. They should be gradually implemented into the practice of conducting forensic environmental investigations.

Keywords: *forensic expertise, forensic ecology, specialized knowledge, expert concepts, legal concepts, the language of forensic science, standardization*

For citation: Mikhaleva N.V. Expert Concepts in Forensic Ecology. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 124–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-124-129>

Язык судебной экспертизы и экспертные понятия

Для юридической науки вообще и для судебной экспертизы в частности очень важна точность (четкость) в понятиях и суждениях, поскольку каждое употребление того или иного суждения или понятия влечет за собой определенные правовые последствия.

В судебной экспертизе языку эксперта, используемым им понятиям всегда уделялось большое внимание. Так, авторы монографии «Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология)» указывают, что учение о средствах и формах коммуникаций при производстве судебных экспертиз и в информационных процессах является важной составляющей общей теории судебной экспертологии. Центральная часть этого учения – «язык эксперта», система экспертных понятий и обозначающих их терминов, проблемы формализации и унификации экспертного языка [1, с. 56]. В энциклопедическом словаре теории судебной экспертизы для выражения той же системы понятий используется термин «язык судебной экспертизы», под которым понимается система общих и частных понятий и правил их использования, предназначенная для оптимального и эффективного проведения экспертного исследования, описания этого процесса и представления его результатов [2, с. 434]. Термин «язык судебной экспертизы» близок и другим исследователям. Так, Т.В. Толстухина с соавторами предлагает следующее его определение: язык судебной экспертизы – это специальная знаковая система, выступающая средством реализации научного и практического мышления, обусловленного методологией судебной экспертизы, и понятийно согласуемая с общей системой судопроизводства» [3, с. 651]. Представляется, что понятие «язык судебной экспертизы» в предложенных формулировках более приближено к практике производства экспертиз по сравнению с понятием «язык эксперта».

А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская еще в 1979 году отмечали, что теория судебной экспертологии должна строиться на четких научных понятиях [4, с. 8]. Как указывает В.О. Кузнецов со ссылками на других исследователей, в теории судебной экспертизы термин «экспертное понятие» понимается двояко. С одной стороны, он рассматривается как категория языка су-

дебной экспертизы, с другой – экспертные понятия рассматриваются как понятия, полученные в результате трансформации данных «материнских» наук в зависимости от юридического значения. Такое понимание характерно лишь для части родов (видов) судебной экспертизы, где имеет место опосредованная связь между базовой наукой и судебной экспертизой [5]. В настоящее время существует понимание того, что для судебного эксперта язык является своего рода инструментом. Правильное использование этого инструмента в значительной мере зависит от развития и совершенствования понятийного аппарата теории, от содержательной стороны раскрываемых терминов [1, с. 57].

Важность развития и совершенствования языка судебной экспертизы подчеркивается во многих публикациях (см., например, [6–8]). Как указывает О.А. Крестовников, сегодня перед судебной экспертизой (ее общей теорией) как специальной областью знания в качестве одного из приоритетных направлений теоретико-методологической работы стоит задача разработки и уточнения ее понятийного (категориального, терминологического) аппарата [9]. Можно добавить, что такие же задачи стоят и перед каждым классом, родом, видом судебных экспертиз.

Многие термины в области судебной экспертизы содержат синтез двух начал (сторон): юридических и естественнонаучных. Это заметил А.Р. Шляхов еще 40 лет назад [10]. А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская продолжили эту мысль следующим образом. По их мнению, общенаучные понятия обычно возникают на стыках наук в процессе развития комплексных проблем. Таков же процесс образования понятий и в судебной экспертологии, которая вбирает в себя научные основы многочисленных отраслей знаний – предметных судебных наук, отражающих все усиливающуюся тенденцию комплексного исследования вещественных доказательств, а также применение современных возможностей химии, физики, биологии, кибернетики, математики и других наук при изучении различных объектов исследования судебных экспертиз и необходимых для решения экспертных задач [4, с. 12].

Рассмотрим вопрос формирования экспертных понятий более подробно на примере судебно-экологической экспертизы (СЭЭ).

Экспертные понятия и судебно-экологическая экспертиза

Как указывает О.А. Петрухина, расследование каждого экологического преступления предполагает обязательное назначение и проведение судебно-экологической экспертизы [11, с. 254]. Под СЭЭ принято понимать практическую деятельность, состоящую в исследовании негативного антропогенного воздействия на конкретные (локальные) объекты окружающей среды и осуществляемую в процессе уголовного, гражданского, арбитражного или административного судопроизводства [12, с. 411].

В судебно-экологической экспертизе при соединении юридических и естественнонаучных специальных знаний также формируются свои экспертные понятия.

В главе 26 УК РФ¹ содержатся составы экологических преступлений, в которых используются следующие юридические понятия:

- существенное изменение радиоактивного фона (ст. 246);
- массовая гибель животных (ст. 246, ч. 2 ст. 247, ч. 1 ст. 248, ч. 2 ст. 250);
- угроза причинения существенного вреда окружающей среде (ч. 1 ст. 247);
- загрязнение, отравление или заражение окружающей среды (ч. 2 ст. 247);
- существенный вред животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству (ч. 1 ст. 250);
- загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха (ч. 1 ст. 251);
- загрязнение морской среды (ч. 1 ст. 252);
- существенный вред водным биологическим ресурсам, окружающей среде, зонам отдыха (ч. 2 ст. 252);
- отравление, загрязнение или иная порча земли (ч. 1 ст. 254);
- вред окружающей среде (ч. 1 ст. 254);
- ущерб (ч. 1 ст. 255, ч. 1 ст. 256, ч. 4 ст. 261);
- массовая гибель рыбы или других водных биологических ресурсов (ч. 1 ст. 257);
- ущерб лесным насаждениям (примечание к ст. 260).

В УК РФ отсутствуют определения вышеуказанных понятий. Некоторые термины, которые можно использовать применительно к экологическим преступлениям и иным экологическим правонарушениям, определены в базовом экологическом законе России – Федеральном законе от 10.01.2002

№ 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» Так, согласно статье 1 этого закона:

- вред окружающей среде – негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов;
- загрязнение окружающей среды – поступление в окружающую среду вещества и (или) энергии, свойства, местоположение или количество которых оказывают негативное воздействие на окружающую среду;
- окружающая среда – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов;
- природная среда – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов;
- компоненты природной среды – земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле;
- природный объект – естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства.

Разъяснения некоторых понятий, используемых в главе 26 УК РФ, содержатся также в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Например, в пункте 6 указанного постановления объясняется, когда имеет место создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде (см. ч. 1 ст. 247 УК РФ). В пункте 7 уточняется, результатом каких нарушений может быть загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств (см. ст. 250 УК РФ), а также как должен решаться вопрос о признании размера причиненного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству существенным. В пункте 15 разъясняется, что следует понимать под лесными насаждениями (см. ст. 260 и 261 УК РФ).

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020).

Все понятия, речь о которых шла выше, являются юридическими, поскольку сформулированы в законодательных актах. Для квалификации действий лица по соответствующей статье УК РФ необходимо установить, совершило ли оно преступление, то есть те деяния, которые указаны в этой норме УК РФ. Это прерогатива правоприменительных органов. Эксперты не вправе делать такие выводы, в противном случае они выходят за пределы своей компетенции. Поэтому в заключениях эксперта по судебно-экологическим экспертизам не могут использоваться юридические понятия, указанные в УК РФ. Экспертам-экологам нужно оперировать экспертными понятиями, смысл которых сходен с аналогичными юридическими понятиями.

Ряд экспертных понятий, необходимых для целей СЭЭ, сформулирован в ГОСТ Р 58081-2018 «Судебно-экологическая экспертиза. Термины и определения», который утвержден приказом Росстандарта от 21.02.2018 № 92-ст и введен в действие 01.09.2018 (далее также – ГОСТ).

Следует отметить, что стандартизация в судебной экспертизе – это важный путь обеспечения научных, достоверных и точных результатов судебно-экспертного процесса, а также минимизации риска ошибок [13, с. 187]. Стандартизация терминов и определений судебной экспертизы в целом и судебно-экологической экспертизы в частности является одним из этапов формирования языка судебной экспертизы. К способам такого формирования можно причислить унификацию терминологии, используемой в разных родах (видах) судебной экспертизы, в том числе путем ее закрепления в нормативно-правовых актах и национальных стандартах [14, с. 904].

Как указано в разделе «Введение» ГОСТа, термины, приведенные в стандарте, отражают систему понятий СЭЭ. Для каждого понятия установлен один стандартизованный термин, у которого могут быть синонимы. Согласно разделу 1 ГОСТа, термины, устанавливаемые этим стандартом, рекомендуются для применения во всех видах документации и литературы в области СЭЭ, входящих в сферу действия работ по стандартизации и (или) использующих результаты этих работ. Требования стандарта распространяются на деятельность как государственных, так и негосударственных судебных экспертов.

В пункте 22 ГОСТа содержится определение СЭЭ, под которой понимается процессуальное действие лиц, обладающих специальными знаниями, которые дают заключение, отражающее ход и результаты исследования антропогенного воздействия на объекты окружающей среды. При этом к специальным знаниям при производстве судебно-экологической экспертизы относятся знания в области экологии и смежных естественных, технических, экономических наук.

Кроме того, в указанном стандарте приведены такие понятия, как антропогенное загрязнение ландшафта, антропогенно-измененный ландшафт, антропогенный источник загрязнения, биологическое сообщество (биоценоз), вредное вещество, городская почва (урбанозем), длительность естественного периода восстановления, естественный биоценоз, захламление земель, искусственный биоценоз, механическое нарушение почвенного покрова, негативное антропогенное воздействие, последствия экологических нарушений, почва, рекультивация земель, угроза причинения экологического вреда, ущерб, нанесенный объекту окружающей среды, экологический вред и др.

В некоторых из приведенных выше экспертных понятий в большей степени проявляется влияние естественных наук (например, в таких, как почва, биологическое сообщество (биоценоз), естественный биоценоз, искусственный биоценоз). Другие находятся на стыке естествознания и юридической науки (к примеру, экологический вред, негативное антропогенное воздействие, антропогенное загрязнение ландшафта).

В настоящее время термины, содержащиеся в ГОСТе, не в полной мере применяются при производстве СЭЭ. Так, в заключениях эксперта, подготовленных в лаборатории судебно-экологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, используется экспертное понятие «вред с экологической точки зрения», хотя в пункте 25 ГОСТа содержится понятие «экологический вред», под которым понимается негативное изменение объекта окружающей среды, вызванное антропогенным воздействием на него в результате хозяйственной и иной деятельности.

Также хотелось бы обратить внимание на то, что в пункте 24 ГОСТа закреплено поня-

тие «ущерб, нанесенный объекту окружающей среды», то есть фактические экологические, экономические, социальные потери, возникшие в результате хозяйственной и иной деятельности человека. Ранее отмечалось, что понятие «ущерб» является юридическим (оно определяется статьей 15 ГК РФ²). Поэтому при производстве СЭЭ данное понятие не используется (эксперт определяет не размер ущерба, а стоимость восстановления объекта окружающей среды) [15, с. 76]. Однако термин «ущерб, нанесенный объекту окружающей среды» является уже экспертным понятием, которое может быть внедрено в практику производства судебно-экологических экспертиз.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020).

Заключение

Процесс формирования языка судебной экспертизы, в том числе и СЭЭ, продолжается. Принятие ГОСТ Р 58081-2018 «Судебно-экологическая экспертиза. Термины и определения» – очередной этап данного процесса. Если ранее экспертные понятия в рамках СЭЭ формировались по мере возникновения надобности в них, их определения часто не были сформулированы, то теперь в ГОСТе изложены часто применяемые понятия СЭЭ и их определения. Представляется, что в практику производства СЭЭ нужно постепенно внедрять экспертные понятия, установленные ГОСТом. Со временем можно прогнозировать изменение и дополнение существующего ГОСТа с учетом экспертной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) / Под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 368 с.
2. Эджузов Л.Г. Язык судебной экспертизы / Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. II. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под ред. С.А. Смирновой. М.: Эком, 2012. С. 434–439.
3. Толстухина Т.В., Светличный А.А., Панарина Д.В. Терминологические проблемы языка междисциплинарного института судебной экспертизы // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 647–652.
4. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. 181 с.
5. Кузнецов В.О. К вопросу об экспертных понятиях в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 1. С. 29–41. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-29-41>
6. Юматов В.А., Нестерова О.А. Язык криминалистики и судебной экспертизы. Современное состояние и перспективы развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1-1. С. 254–258.
7. Радбилль Т.Б., Юматов В.А. Язык судебной экспертизы: тенденции формирования и развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3-2. С. 185–190.
8. Толстухина Т.В., Светличный А.А., Панарина Д.В. Основные научные направления терминоведения общей теории судебной экспертизы // Известия Тульского государ-

REFERENCES

1. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *The Theory of Forensic Science (Forensic Expertology)* / E.R. Rossinskaya (ed). 2nd ed. Moscow: Norma: Infra-M, 2016. 368 p. (In Russ.)
2. Edzhubov L.G. The Language of Forensic Examination. In: Smirnova S.A. (ed). *Multimodal Edition "Forensic Science. Reboot". Part 2. Dictionary of Forensic Science*. Moscow: Ekom, 2012. P. 434–439. (In Russ.)
3. Tolstukhina T.V., Svetlichny A.A., Panarina D.V. Terminological Problems of the Language of the Interdisciplinary Institute of Forensic Examination. *Questions of Expert Practice*. 2019. No. S1. P. 647–652. (In Russ.)
4. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. *Forensic Expertology. (General Theoretical and Methodological Problems of Forensic Examinations)*. Volgograd: VSSH MVD SSSR, 1979. 181 p. (In Russ.)
5. Kuznetsov V.O. On the Issue of Expert Terms in Forensic Linguistics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 29–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-29-41>
6. Yumatov V.A., Nesterova O.A. The Language of Criminalistics and Forensic Examination. Current State and Development Prospects. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012. No. 1-1. P. 254–258. (In Russ.)
7. Radbil' T.B., Yumatov V.A. The Language of Forensics: Formation and Development Trends. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014. No. 3-2. P. 185–190. (In Russ.)
8. Tolstukhina T.V., Svetlichny A.A., Panarina D.V. The Main Scientific Areas of Terminology of General Theory of Forensics. *Izvestiya Tula*

- ственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4–2. С. 52–60.
9. Крестовников О.А. К вопросу о развитии языка общей теории судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 24–27. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-24-27>
 10. Шляхов А.Р. Пути повышения роли судебной экспертизы // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 82–87.
 11. Петрухина О.А. Судебно-экологическая экспертиза: перспективы развития и проблемы организации / Материалы ежегодной международной научно-практической конференции «Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее» (Санкт-Петербург, 1–2 июня 2017 г.). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России., 2017. С. 253–258.
 12. Омелянюк Г.Г., Михалева Н.В. Экологическая экспертиза судебная (СЭКЭ) / Мульти-модальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. II. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под ред. С.А. Смирновой. М.: Эком, 2012. С. 411–412.
 13. Zhai W., Zhang N., Hua F. The Development of Forensic Science Standards in China // *Forensic Science International: Synergy*. 2020. Vol. 2. P. 187–193. <https://doi.org/10.1016/j.fsisyn.2020.06.001>
 14. Хомяков Э.Г., Метелев А.В. О состоянии дел и проблемах терминологических проблемах терминологических стандартов в судебной экспертизе // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2019. Т. 29. Вып. 6. С. 904–910. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2019-29-6-904-910>
 15. Михалева Н.В. Теоретические и методические аспекты судебной экспертизы объектов окружающей среды в целях определения размера ущерба от экологического правонарушения // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 2 (42). С. 75–79.
 9. Krestovnikov O.A. Developing the Language of the General Theory of Forensic Science. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 24–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-24-27>
 10. Shlyakhov A.R. The Ways to Increase the Role of Forensic Science. *Soviet State and Law*. 1978. No. 3. P. 82–87. (In Russ.)
 11. Petrukhina O.A. Forensic Ecology: Perspectives for Development and Organizational Issues. *Materials of the International Scientific and Practical Conference “Criminalistics and Forensic Science: Past, Present and Outlook to the Future” (St. Petersburg. June 1–2, 2017)*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii., 2017. P. 253–258. (In Russ.)
 12. Omel'yanyuk G.G., Mikhaleva N.V. Environmental Forensics. In: Smirnova S.A. (ed). *Multimodal Edition “Forensic Science: Reboot”. Part 2. Encyclopedic Dictionary of Theory of Forensic Science*. Moscow: Ekom, 2012. P. 411–412. (In Russ.)
 13. Zhai W., Zhang N., Hua F. The Development of Forensic Science Standards in China. *Forensic Science International: Synergy*. 2020. Vol. 2. P. 187–193. <https://doi.org/10.1016/j.fsisyn.2020.06.001>
 14. Khomyakov E.G., Metelev A.V. On the State of Affairs and Problems of Terminology Standards in Forensic Examination. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2019. Vol. 29. No. 6. P. 904–910. (In Russ.). <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2019-29-6-904-910>
 15. Mikhaleva N.V. Theoretical and Methodological Aspects of Forensic Evaluation of Environmental Compartments for the Purpose of Environmental Damage Assessment. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 2 (42). P. 75–79. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михалева Наталья Валерьевна – к. юр. н., заведующая отделом научно-методического обеспечения в системе СЭУ Минюста России и информационно-издательским отделом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»,
e-mail: mikhaleva_nata@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mikhaleva Natal'ya Valer'evna – Candidate of Law, Head of the Forensic Research Methodology Department in the System of Forensic Institutions of the Russian Ministry of Justice, Head of the Information and Publishing Department of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; Associate Professor at the Department of Forensic Examination Activities, Law Institute of RUDN University;
e-mail: mikhaleva_nata@mail.ru

Статья поступила: 05.01.2021
После доработки: 10.02.2021
Принята к печати: 25.02.2021

Received: January 05, 2021
Revised: February 10, 2021
Accepted: February 25, 2021

Необходимость государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства

А.Ф. Волинский^{1,2}

¹ ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», Москва 117991, Россия

² ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», Москва 125080, Россия

Аннотация. Проанализированы этапы возникновения и развития в России экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности, показаны их содержательные особенности, причины и обстоятельства межведомственных противоречий в их организации. Сделан вывод о необходимости формирования общегосударственной (надведомственной) системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, включая экспертно-криминалистическую и судебно-экспертную деятельность, а также компьютерную криминалистику. Обозначены основные принципы такой системы.

Ключевые слова: *криминалистика, судебная экспертиза, министерства и ведомства, судебно-экспертные учреждения, полиция, экспертно-криминалистические подразделения, компьютерные преступления*

Для цитирования: Волинский А.Ф. Необходимость государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 130–140. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-130-140>

The Need for a State System of Scientific and Technical Support for Criminal Procedure

Alexander F. Volynskii^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow 117991, Russia

² Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow 125080, Russia

Abstract. The article consistently analyzes the features of forensic expert activities' emergence and development. It also shows the substantive features of these activities, the reasons, and circumstances of the manifestation of interdepartmental contradictions in the approaches to their organization. The author concludes that it is necessary to form a nationwide (supra-departmental) system of scientific and technical support for criminal proceedings, including forensic expert activities and computer forensics.

Keywords: *forensic science, forensic expertise, ministries and departments, forensic institutions, police, forensic departments, computer crimes*

For citation: Volynskii A.F. The Need for a State System of Scientific and Technical Support for Criminal Procedure. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 130–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-130-140>

Ежегодные статистические данные свидетельствуют о крайне низкой раскрываемости преступлений в нашей стране. Как заметил Президент России В.В. Путин, выступая на коллегии МВД России 28 февраля 2019 г., практически каждое второе преступление остается нераскрытым.

Изменились, но не к лучшему, показатели деятельности правоохранительных органов и в 2019 г. Из 494 092 зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений раскрыто лишь 212 259 (42,9 %) – их раскрываемость снизилась на 0,8 %¹. Разумеется, тому есть множество причин: как внешнесистемных, так и внутрисистемных.

Прошлое, предопределившее настоящее

Заимствование достижений естественных и технических наук, а также реализация их возможностей для раскрытия и расследования преступлений всегда рассматривались как одна из основных задач криминалистики, а их практическое использование в указанных целях изначально обеспечивалось в форме экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности (ЭКД и СЭД). В России это наглядно проявилось введением так называемой уголовной (антропологической в 1890 г. и дактилоскопической в 1906 г.) регистрации, которая сначала осуществлялась в местах лишения свободы². При этом сотрудники регистрационных бюро проводили сравнительные (идентификационные) исследования регистрируемых объектов. По существу, это были первые криминалистические (судебные) экспертизы, выполняемые в государственных учреждениях [1, 2]. Однако почти два десятилетия спустя стало понятно, что указанная регистрация – это прежде всего средство раскрытия преступлений, чем Минюст России не занимался как в то время, так и сейчас. В результате было принято обоснованное решение о передаче уголовной регистрации в ведение органов полиции (1908 г.). Для ее повсеместного внедрения была создана широкая сеть территориальных регистрационных бюро, сотрудники которых привлекались в том числе для участия в осмотрах мест происшествий и оказания технической помощи при производстве иных следственных действий [1].

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года. М.: ГИАТЦ МВД России, 2020.

² В те годы места лишения свободы находились в ведении Министерства юстиции России.

Представляется, что этот факт убедительно свидетельствует не в пользу высказываемых предложений относительно объединения всех судебно-экспертных учреждений (СЭУ) в нашей стране, включая правоохранительные министерства и ведомства, в единую судебно-экспертную службу в системе Минюста России (по примеру Республики Казахстан), или же создания организационно обособленного комитета судебных экспертиз (как было сделано в Республике Беларусь) [3].

Следует заметить, что практически в то же время (1893 г.) была организована первая в России государственная судебно-фотографическая лаборатория при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты, которая в 1912 г. была преобразована в кабинет научно-судебной экспертизы при том же ведомстве. Однако это учреждение оставалось в России единственным и не могло значимо влиять на судебно-экспертную практику [2].

Таким образом, возникнув фактически по общей причине из одного источника, преодолевая организационные «заблуждения», берут свое начало ЭКД и СЭД, так же как и осуществляющие их разноведомственные экспертно-криминалистические подразделения (ЭКП) и СЭУ [4]. При этом, будучи гласным, законодательно определенным средством доказывания, судебная экспертиза изначально приобрела широкое признание и популярность в уголовном судопроизводстве вне зависимости от ведомства, в котором она проводилась.

В Советской России (март 1919 г.) в Центроросыске был создан кабинет судебной экспертизы. Но уже через год стало очевидно, что такое название не соответствует задачам учреждения. В результате кабинет был переименован в научно-технический подотдел, а затем отдел Центроросыска. В его обязанности, кроме производства судебных (криминалистических) экспертиз, вменялось ведение уголовной регистрации, участие в осмотрах мест происшествий и производство иных следственных действий, оказание научно-технической и консультативной помощи работникам оперативно-розыскных аппаратов, обучение их научным методам раскрытия и расследования преступлений [5].

Позже были созданы Кабинет судебной экспертизы в Харькове (1923 г.), Институт криминалистики и судебной экспертизы в

Минске (1929 г.), криминалистические лаборатории для учебных целей в ряде юридических вузов Москвы, Ленинграда, Саратова, которые иногда выполняли судебные экспертизы для судов и органов прокуратуры. В 1944 г. была организована Центральная криминалистическая лаборатория Наркомюста СССР, но в 1946 г. ее передали в состав Всесоюзного института юридических наук. В 1962 г. на ее базе был создан Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз – головное учреждение в системе уже существовавших к тому времени в стране более сорока судебно-экспертных лабораторий, а в некоторых союзных республиках – институтов. И все же научно-технический отдел (НТО) милиции по-прежнему проводил большинство криминалистических экспертиз, назначаемых в стране по уголовным делам.

Развитие НТО милиции и СЭУ Минюста России с момента их возникновения не отличалось стабильностью. Изменялись названия учреждений, цели и содержание их деятельности, ведомственная принадлежность и положение в организационной структуре соответствующих ведомств, что главным образом было следствием недооценки их роли в раскрытии и расследовании преступлений, а по большому счету свидетельствовало об отсутствии научно обоснованной государственной политики в области научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Бесплодные дискуссии, ошибочные решения

Начало активного формирования системы СЭУ Минюста СССР пришлось на время разоблачения культа личности и борьбы с его последствиями (конец 50-х и 60-е годы прошлого века). В этих условиях НТО милиции, прямо скажем, голословно обвиняли в нарушениях социалистической законности и даже в причастности к репрессиям 30-х годов.

Заметим, что в 1960 г. Министерство внутренних дел (МВД) СССР было упразднено, а созданные прежде в МВД республик³ НТО милиции расформированы. Четверть сотрудников сократили, а остальных «укрыли» в оперативно-технических отделах вместе с инженерами по связи. Seriously обсуждались предложения вовсе запретить производство экспертиз в правоохранительных

³ Позже переименованы в Министерства охраны общественного порядка.

органах, но законодатель лишь ограничил их деятельность, приняв дополнение к ст. 67 УПК РСФСР (п. 3а), тем самым запретив назначать экспертизы лицам, участвовавшим в осмотре места происшествия по тому же уголовному делу (1966 г.). В действующем УПК РФ такое предписание отсутствует, что само по себе свидетельствует о его надуманности, если не сказать абсурдности с точки зрения организации раскрытия и расследования преступлений.

Никто в то время не говорил, что эксперты НТО милиции по определению не могли участвовать в идеологически мотивированных репрессиях в отношении определенных социальных групп населения: бывших царских офицеров, церковнослужителей, кулаков, троцкистов и др. Для установления и доказывания их «вины» не требовались ни экспертизы, ни эксперты. К тому же не учитывалось, что началу репрессий предшествовало создание НКВД СССР (1934 г.), где было два главных управления – государственной безопасности и рабоче-крестьянской милиции. Причем штатная численность сотрудников первого управления кратно превосходила численность второго. Из общего количества граждан, приговоренных к смертной казни в 1937–1938 гг. так называемыми тройками, в состав которых представители милиции не входили, меньше девяти процентов было по делам, подследственным милиции (бандитизм, убийства, вооруженные разбои и т. п.) [6].

Теперь об этой трагической странице истории нашей страны и ее правоохранительных органов можно было не вспоминать, если бы тогда ее не использовали борцы с культом личности в качестве основного аргумента для обоснования явно ошибочных, а в результате разрушительных организационных и правовых решений в отношении НТО милиции, и если бы до сих пор ее иногда не представляли в научной литературе с тех же ошибочных обвинительных позиций и не использовали при анализе и оценке современных проблем организации деятельности СЭУ Минюста России и ЭКП системы МВД России, да и в целом проблем криминалистики [7].

Возникшие по этой причине 60 лет назад межведомственные противоречия между правоприменителями (Министерством юстиции СССР, Генеральной прокуратурой СССР, Верховным судом СССР), с одной стороны, и правоохранителями (МВД СССР, КГБ СССР) – с другой, не разрешены

до сих пор, по существу став барьером при рациональном решении организационных и правовых проблем как СЭД, так и ЭКД. В настоящее время более чем очевидно, что избранные тогда методы и средства укрепления СЭД путем разрушительного воздействия на ранее сформированную и в целом успешно действующую систему НТО милиции нельзя признать обоснованными. Только при рациональном сочетании этих видов деятельности возможно формирование и успешное функционирование системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Длительные, бескомпромиссные, а потому бесплодные дискуссии по этому поводу стали основной причиной затянувшегося решения о новом федеральном законе о СЭД, проект которого в первом чтении рассмотрен в Государственной Думе Российской Федерации еще в 2013 г. Остаются не имплементированными в отечественное законодательство положения резолюции Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному судопроизводству «О судебно-экспертной деятельности», принятой в 2010 г.

Судебная экспертиза – и только?

Стремление правоприменителей и представителей судебно-экспертного сообщества создать в нашей стране мощную, действенную, отвечающую международным требованиям систему СЭУ вполне объяснима тогда, но эта проблема актуализировалась в настоящее время в условиях рыночной экономики и глобализации международных отношений. Судебная экспертиза как средство доказывания часто используется в разрешении межгосударственных экономических споров при установлении обстоятельств военных конфликтов. Ее результаты, например при решении вопросов об экстрадиции из других стран лиц, совершивших преступления в нашей стране, оцениваются с учетом требований, предъявляемых к ее назначению и производству международными правовыми актами. В этом смысле судебная экспертиза приобрела черты политико-правовой категории, и с этим необходимо считаться⁴.

Доминирующее положение судебной экспертизы, а в определенной мере ее абсолютизация как средства доказывания в

уголовном процессе, все более очевидны после ее отпочкования от криминалистики в виде самостоятельной науки. Дифференциация научных знаний – закономерное явление в их развитии, но в области прикладных наук она неизбежно сопряжена с деформацией, с разрывом традиционной системы отношений в той практической деятельности, которую такие науки призваны обеспечивать.

В рамках криминалистики экспертиза (в то время криминалистическая) выступала как элемент экспертно-криминалистической деятельности, осуществляемой органами внутренних дел (ОВД), и изначально была ориентирована на содействие правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступлений с использованием научно-технических методов и средств. Приобретению судебной экспертизой научной самостоятельности предшествовали острые и длительные дискуссии (60-е-70-е годы прошлого века), тем более что в числе отпочковавшихся оказывалась и криминалистическая экспертиза, составлявшая довольно объемную и принципиально важную часть экспертно-криминалистической деятельности ЭКП ОВД.

Значительная часть ученых, познавших реалии криминалистической практики и место в ней экспертизы, определяли его по аналогии с предметом криминалистики, связывая СЭД с обнаружением, фиксацией и экспертным исследованием доказательств (В.Д. Арсеньев, А.И. Винберг, Б.М. Комаринец и др.). Однако в итоге возобладало мнение, что это наука «о закономерностях формирования, развития и функционирования судебно-экспертной деятельности... ее комплексного научного отражения как единого целого» [8, с. 40–43].

Получается, да простят меня сторонники такой точки зрения, что предмет СЭД как науки в основе своей выражается в ее самообслуживании и самосовершенствовании; из него теперь исключены задачи по собиранию следов преступлений, их экспресс-анализу, предварительному исследованию. Из этого следует, что судебная экспертиза – это наука для науки. Но фактически представляется, что предметом судебной экспертизы должно являться содействие судебно-следственным органам в установлении истины по уголовным и гражданским делам.

⁴ Хазиев Ш.Н. Теоретические основы организации международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности. Дисс. ... докт. юрид. наук. Москва, 2017. 462 с.

После внесения упоминавшегося дополнения к ст. 67 УПК РСФСР (п. 3а), во исполнение содержащегося в нем предписания приказом Минюста СССР экспертам СЭУ этого ведомства запрещалось принимать участие в осмотрах мест происшествий и в производстве иных следственных действий.

Таким образом, после отпечкования судебной экспертизы, включая криминалистическую, от криминалистики произошло реальное ограничение предмета ее практической деятельности, из него была исключена поисково-познавательная деятельность, связанная с раскрытием и расследованием преступлений. Следует признать, что в определенном смысле для организации деятельности СЭУ Минюста России это оправдано, поскольку в этих учреждениях традиционно обеспечивается узкая предметно-экспертная специализация как один из важнейших факторов формирования профессионализма и компетентности судебных экспертов. Однако при этом происходила абсолютизация судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве, а точнее – в его научно-техническом обеспечении. Своеобразно и, как нам представляется, не лучшим образом проявилось это и в научных исследованиях проблем СЭД. На конференциях, круглых столах до сих пор продолжают дискуссии о предмете «новой науки» и даже о ее названии (экспертология, экспертика), как и о праве производства судебных экспертиз в правоохранительных органах и т. д., и т. п. Еще не так давно (60-70-е годы прошлого века) практически все диссертации по проблемам судебной экспертизы содержали если не заключительную главу, то параграф о правовой оценке ее результатов и их использовании в процессе доказывания, а иногда в решении розыскных задач. Сегодня, за редким исключением, этого нет [9].

Пока не видно определенности в решении организационных и правовых проблем СЭД, особенно в общей системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства со стороны исполнительной и законодательной власти. Приведем наглядные примеры.

1. В Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», утвержденной Постановлением Правительства России от 27.12.2012 № 1406 (в ред. от 29.12.2020), речь идет о модернизации СЭД, осуществляемой государственными СЭУ Минюста России, а СЭУ

других ведомств даже не упоминаются. И это несмотря на то, что годом ранее в федеральном законе от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в перечне основных направлений деятельности этого правоохранительного органа (п. 12 ч. 2 ст. 2) обозначено: «осуществление экспертно-криминалистической деятельности».

2. В апреле 2017 г. Генеральная прокуратура направила письмо в Совет безопасности Российской Федерации с предложениями определить меры по завершению разработки упомянутого выше проекта федерального закона о СЭД и запретить производство судебных экспертиз в правоохранительных органах. А два года спустя законодательно разрешено производство судебных экспертиз в Следственном комитете Российской Федерации⁵.

К этой же серии дискуSSIONных законодательных решений, по нашему мнению, относятся: а) разрешение назначать и проводить судебные экспертизы до возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 195 УПК РФ), когда для этого фактически еще нет условий, определенных тем же УПК РФ (ст. 198), не говоря уже о низведении судебной экспертизы до уровня проверочного действия; б) признание в качестве доказательства заключения и показаний специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), данных им без исследования, то есть на основе пусть и научных, но личных субъективных представлений. А ученые, как известно, также иногда ошибаются [10].

Однако практическая реализация этих явно небесспорных предписаний пока не стала предметом исследований «новой науки», хотя здесь как раз и очевидны проблемы правовой оценки заключений судебных экспертов и их процессуальной независимости. Впрочем, такие исследования, что уже отмечалось, не относятся к предмету СЭД как науки.

Об экспертно-криминалистической деятельности как она есть

Прошло уже почти 10 лет после издания упоминавшегося закона «О полиции», в котором экспертно-криминалистическая деятельность признается одним из основных направлений. Но вот парадокс: до сих пор

⁵ Федеральный закон от 26.07.2019 № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации” и Федеральный закон “О Следственном комитете Российской Федерации”» // Российская Газета. 31.07.2019 № 166 (7924).

в экспертно-криминалистической службе МВД России, призванной осуществлять эту деятельность, не проведено научных исследований в целях формирования однозначного, научно обоснованного представления о методологически важнейших, существенных категориях ЭКД: понятии, содержании, системе, задачах, организационном и правовом обеспечении, ее соотношении с СЭД. Получается, что ЭКЦ МВД России осуществляет организационно-методическое руководство деятельностью, не имея о ней системного представления [4].

Следует ли при этом удивляться, что ЭКД остается непонятой в правоприменительных министерствах и ведомствах страны, которые настойчиво, начиная с 60-х годов прошлого века, добиваются запрета производства экспертиз в ЭКП ОВД? Непониманием истинного значения ЭКД в раскрытии и расследовании преступлений объясняется крайне низкая результативность участия экспертов этих подразделений в осмотрах мест происшествий (в среднем с каждого из них изымается немногим более одного следа). А практика дисциплинарного стимулирования привела к увеличению фактов изъятия с мест происшествий объектов, причинно не связанных с событием преступления или, что еще хуже, следов, оставленных самими экспертами, выступающими в роли специалистов, и изымаемых ими для отчета.

Подобные факты можно объяснить безответственностью таких специалистов, отсутствием у них заинтересованности в конечном результате, а не только в решении частной в общем процессе раскрытия и расследования преступления ситуативно возникшей задачи. В этой связи обращают на себя внимание предложения об организации системного экспертно-криминалистического сопровождения расследования преступлений специалистами. Примерно такая практика формируется в Следственном комитете Российской Федерации, где рядом со следователями действуют следователи-криминалисты, а вновь созданная судебно-экспертная служба организационно от них обособлена. Поучителен в этом отношении опыт некоторых зарубежных стран [11].

Однако реализация данного предложения в условиях сложившейся сто лет назад организации деятельности ЭКП ОВД, когда в одном лице совмещены функции специалиста и эксперта, практически невозможна.

К тому же абсолютное большинство экспертов ЭКП системы МВД России профессионально не готово к такой деятельности. Еще в середине 80-х годов прошлого столетия более 40 % из них – это лица, не имеющие юридической, а следовательно и криминалистической, подготовки, в большинстве своем закончившие вузы естественно-технического профиля. В настоящее время это три четверти штатной численности соответствующих подразделений.

Следует отдать должное: многие из этих сотрудников – хорошие эксперты, но узко предметники, специализирующиеся на отдельных видах экспертиз в условиях лаборатории. Они без должного понимания (не тому их учили), а следовательно, и желания относятся к работе на месте происшествия, где приходится иметь дело с различными по природе и механизму образования следами преступлений, с разнообразными по конструкции и по функциональному назначению техническими средствами. Для этого необходимы универсальная технико-криминалистическая подготовка и постоянный, системно формируемый опыт. Образно говоря, самая сложная экспертиза – «это исследование места происшествия», но экспертов этого вида деятельности в ЭКП ОВД очень мало.

При этом и в вузах МВД России готовят не специалистов по ЭКД, а судебных экспертов. Например, в Институте судебных экспертиз (само название говорит о многом) Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя только на одной из многих кафедр со странным названием «технико-криминалистическое обеспечение судебно-экспертных исследований» преподается что-то, связанное с ЭКД. Но опять же без системного представления об этой деятельности.

Более чем убедительно об абсолютизации СЭД в экспертно-криминалистической службе (ЭКС) МВД России и искажении вектора ее развития свидетельствует проведенная в ЭКЦ МВД России в апреле 2019 г. научно-практическая конференция, посвященная столетнему юбилею службы. Естественно было ожидать услышать доклад руководства ЭКС МВД России с анализом исторического опыта ее развития, проблем современного состояния, с изложением возможных подходов к их решению. Но с первым основным докладом выступила директор ФБУ РФЦСЭ Минюста России С.А. Смирнова. Естественно, она говорила

о важных, требующих своего решения организационных и правовых проблемах, но, конечно, СЭД, а не ЭКД. Не изменили этой направленности конференции и последующие пленарные выступления ученых – представителей судебно-экспертного сообщества и высших учебных учреждений иных ведомств [4].

Такое положение в ЭКС МВД России сложилось неслучайно, оно формировалось с конца 80-х годов прошлого столетия и во многом было предопределено позицией руководства службы – лиц с образованием, полученным в тех же учебных учреждениях естественно-технического профиля, и с опытом ЭКД, приобретенным в научно-исследовательских институтах. Еще в 1988 г. В.А. Снетков, в то время начальник экспертно-криминалистического управления МВД СССР, писал, что применять технику в ходе следственных действий с успехом могут сами следователи и дознаватели (в его понимании это самоцель), а «профильными функциями» экспертов ЭКС являются производство экспертиз и исследований, ведение криминалистических учетов [12]. Эту руководящую установку с удовольствием восприняли его приемники по должности, искажая вектор развития ЭКС МВД России, возводя в абсолют производство судебных экспертиз.

Ущербность сложившегося положения особенно ярко проявилась по мере роста штатной численности ЭКП системы МВД России (в настоящее время около 17 тысяч человек) на фоне крайне скромных в этом отношении возможностей криминалистической службы Следственного комитета Российской Федерации. Это классический случай, когда форма (организация) ЭКД и СЭД с разном ведомственными, к тому же противоречивыми подходами оказалась в жестком противоречии с их содержанием и со стратегией формирования общегосударственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

СЭД и ЭКД: общее и особенное

Представим для начала более определенно суть, содержание, назначение и значение этих видов деятельности в уголовном процессе.

Судебная экспертиза возникла и развивается как средство доказывания. Ее значение в этом качестве проявляется, когда реально обозначается предмет доказывания:

признаки преступления, обстоятельства его совершения, лицо, подозреваемое в его совершении. Она проводится по постановлению уполномоченного на то лица (дознателя, следователя, судьи) с соблюдением довольно жестких, определенных законом требований, предъявляемых как к порядку ее назначения, так и к судебному эксперту. При этом исследования осуществляются, как правило, с использованием заранее разработанных методик и рекомендованных в них методов, средств, приборных комплексов. Иначе говоря, СЭД в своей основе – это лабораторно-исследовательская деятельность.

ЭКД в отличие от СЭД характеризуется как двуединая (по содержанию) и поисково-познавательная (по существу) деятельность. Ее цель – это решение задач двух групп: а) собирание следов преступлений – источников розыскной и доказательственной информации, их экспресс-анализ, предварительное исследование; б) производство экспертиз. Первая из них предполагает участие экспертов ЭКП ОВД (в качестве специалистов) в осмотрах мест происшествий и в проведении иных следственных действий, то есть работу в «полевых условиях». При этом по следам устанавливаются обстоятельства преступления, способ его совершения и признаки причастного к нему лица. Так раскрываются преступления «по горячим следам», так формируется основа доказательственной базы, предопределяющая возможности успешного расследования уголовного дела.

Становление и развитие СЭД и ЭКД в уголовном судопроизводстве нашей страны невозможно представить без учета особенностей формирования и современного состояния уголовного процесса. Как известно, после судебной реформы 1864 г., утверждавшей взамен сословно-розыскного судебно-следственное судопроизводство, в уголовном процессе России выделялись два этапа: первый – предварительного или генерального следствия, задачей которого было установление факта преступления и лица, подозреваемого в его совершении; и второй – специальное или формальное следствие, характеризуемое действиями по проверке уже имеющихся доказательств и собиранию дополнительных, достаточных для признания лица обвиняемым и придания его суду. Позже, уже в советской литературе по уголовному процессу и кримина-

листике, выделен и третий этап – заключительный [13].

Периодизация процесса расследования позволяет не только четко уяснить сущность и содержание его определенного этапа с позиции уголовного процесса и криминалистики, но и конкретизировать значимые практические рекомендации для оптимизации расследования. Иначе говоря, каждый этап расследования имеет свои цели и задачи, присущие их решению методы и средства, особенности организационного и правового обеспечения их использования.

Так, первоначальный этап расследования характеризуется поисково-познавательной деятельностью, осуществляемой прежде всего органами дознания (полиции) в целях установления факта преступления и лица, подозреваемого в его совершении. При этом применяют методы и средства собирания и исследования доказательств в формах, обеспечивающих неотложность, оперативность действий органа дознания. По этому поводу известный российский процессуалист И.Я. Фойницкий еще в 1898 г. писал, что «...успех дознания обеспечивается всего более возможностью проводить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но и вредно для интересов уголовного судопроизводства» [14, с. 404].

Отсюда следует вывод: в уголовном процессе кроме судебной экспертизы буквально напрашиваются иные формы исследования доказательств. Это может быть «следственная экспертиза» или «исследование специалиста» (по опыту других стран) [11]. Но здесь неизбежно возникает вопрос о правовом значении доказательств, полученных на первом этапе расследования, в том числе в результате экспертных исследований.

Представители судебно-экспертного общества и их сторонники в правоприменительных органах, судя по всему, оставаясь под влиянием идеологизмов 60-летней давности, фактически исключают такую возможность, возводя в абсолют всего процесса расследования принцип процессуальной независимости судебного эксперта, который исключает его службу в правоохранительных органах. При этом не придается значение не только вышеизложенному «принципу И.Я. Фойницкого», но и тому очевидному факту, что в уголовном процессе есть сторона обвинения и сторона защи-

ты. Реализацию их функции обеспечивают специально созданные государственные органы, в том числе органы дознания и следствия, наделенные правом осуществлять ЭКД по собиранию, исследованию и использованию доказательств.

Отрицать доказательственное значение результатов этой деятельности – значит, априори выражать недоверие указанным государственным органам и, как следствие, не придавать значение тому, что на их создание и функционирование государство расходует огромные средства. Кроме того, формально дублировать исследования специалистов или экспертов правоохранительных органов в форме судебной экспертизы не только бесполезно или вредно, но и расточительно. При этом следует учитывать, что на втором этапе расследования, когда доминирует процесс доказывания обстоятельств преступления и участия в его совершении подозреваемого лица, не только добываются дополнительные доказательства, но и проверяются доказательства, полученные на первом этапе расследования, причем с соблюдением установленных законом более жестких требований к их форме и содержанию, к порядку их получения, оформления и приобщения к уголовному делу. С этих позиций осуществляется их правовая оценка в части относимости, допустимости и достоверности.

Заметим, что принцип процессуальной независимости судебного эксперта возник и выступает как один из принципов в системе гарантий объективности и справедливости судебного решения (приговора) независимого суда. Подчеркнем: не органов следствия, а суда. В этом отношении не просто объяснимы, а вполне оправданы особые требования, предъявляемые к организации СЭД и к судебным экспертам. Однако, как известно, абсолютной независимости в условиях личностных, общественных, да и правовых отношений нет и быть не может. Это идеализированная, но фактически недостижимая цель, хотя стремиться к ней необходимо. В конечном итоге эксперты СЭУ Минюста России, так же как и эксперты ЭКП ОВД, зависимы от своих руководителей, от тех, кто дает им работу, кто оплачивает их труд. К тому же не следует исключать, что экспертный вывод может находиться в прямой зависимости от суммы гонорара [15, с. 28–30]. Следовательно, принцип процессуальной независимости судебного эксперта обеспечивается не его

ведомственной принадлежностью, не формальными запретами выступать в этой роли экспертам правоохранительных органов, а их ответственностью, уровнем профессионализма и компетентностью, наконец, проверяемостью даваемых ими заключений.

Что делать?

Найти оптимальный ответ на этот вопрос невозможно без критического анализа и оценки прошлого, а также без признания деструктивности узковедомственных подходов к решению проблем ЭКД и СЭД, возникших еще в советское время в весьма специфических условиях. Судя по дискуссиям, длящимся уже шесть десятилетий, суть этих проблем, образно говоря, сводится к выяснению, в каком ведомстве «экспертизы научней, а эксперты независимей». То есть эти споры преследуют ведомственно-тактические или даже служебно-конъюнктурные, но не стратегические цели.

Представляется, что криминалисты и судебные эксперты не до конца понимают, что возникновение и развитие как ЭКД так и СЭД были обусловлены реальными потребностями судебно-следственной практики, что одна не исключает существование другой, более того – только вместе они составляют основу научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Медленно осознается и тот факт, что коренные изменения социально-экономических отношений в нашей стране в сочетании с современными достижениями научно-технического прогресса обусловили резкие негативные количественные и качественные изменения преступности, которые явно сместились в сферу экономики и приобретают все более высокотехнологичный и общественно опасный характер, осваивая возможности компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий.

Показательный в этом отношении факт: в 2017 г. в сфере компьютерной информации было зарегистрировано 90 587 преступлений, а в 2019 – уже 294 409, т. е. за два года количество преступлений увеличилось в три раза [16]. По мере цифровизации экономики очевидна тенденция роста ущерба от таких преступлений, а следовательно, и опасности их для общества и государства. Впрочем, очевидно и то, что ни ЭКД, ни СЭД, как и осуществляющие их ЭКП системы МВД России и СЭУ Минюста России, не могут в их современном состоянии адекватно ответить на вызовы современной преступности.

Непреодолимо тяжелым оказался для них не только груз ошибок прошлого, но и несогласованных, противоречивых подходов к их исправлению.

В настоящее время стратегическую цель развития ЭКД и СЭД невозможно представить без учета основополагающих правовых актов, определяющих перспективы формирования в нашей стране цифровой экономики [там же], развития искусственного интеллекта, которыми на МВД России и Минюст России возложена задача создать в 2020 г. систему негосударственных экспертных организаций в целях разработки проблем компьютерной криминалистики [16].

Успешно решать обозначенные выше проблемы в рамках ЭКД и СЭД разрозненно, с позиции узковедомственных представлений или корпоративных интересов, вне общей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, в настоящее время невозможно. Опыт прошлого свидетельствует, что весьма велик риск ошибочных и даже вредных для судебно-следственной практики организационных и правовых решений. Необходима разработка концептуально нового подхода к формированию государственной системы научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, включая ЭКД и СЭД.

При этом очень важно в порядке межведомственного соглашения, а возможно и на законодательном уровне, определить концептуально важные требования (принципы), которым должна соответствовать такая система. Основные из них:

- законность – безусловное соблюдение законом установленного порядка осуществления ЭКД и СЭД;
- прагматизм – ориентация на решение реально существующих и ситуационно (поэтапно) проявляющихся проблем процесса раскрытия и расследования преступлений;
- экономичность – системно осмысленное решение вопросов о доказательственном значении результатов исследований экспертов и специалистов;
- рационализм – исключение формального дублирования исследования доказательств, организация СЭУ при вузах (на их базе);
- альтернативность – возможность повторного, в том числе иноведомственного исследования доказательств, как средства, гарантирующего обоснованность и достоверность их результатов;

• междведомственная согласованность классификации и стандартизации методик исследования доказательств.

Для разработки такой концепции научно-технического обеспечения уголовного су-

допроизводства, включая ЭКД и СЭД, следовало бы организовать междведомственное комплексное исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999. 496 с.
2. Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л.: Ленинградский университет, 1963. 214 с.
3. Волинский А.Ф. Республика Беларусь реформировала систему судебно-экспертных учреждений. А Россия? / Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (Москва, 22–23 января 2015 г.). М.: Проспект, 2015. С. 119–124.
4. Волинский А.Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90–100.
5. Кулагин П.Г. К истории развития учреждений судебной экспертизы в СССР // Экспертная практика. 1968. № 2. С. 3–17.
6. Сидорчик А. «Уникальный всплеск насилия». Историк Александр Дюков – о «Большом терроре» // Аргументы и факты. 27 сентября 2017 г. № 39. https://aif.ru/society/history/unikalnyy_vsplesk_nasiliya_istorik_aleksandr_dyukov_o_bolshom_terrore
7. Сокол В.Ю. Кризис Отечественной криминалистики. Краснодар: [б.и.], 2017. 332 с.
8. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 479 с.
9. Волинский А.Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175–185.
10. Волинский А.Ф. Соотношение судебной экспертизы и исследования специалиста // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 24–28.
11. Волинский А.Ф. Уроки исторического опыта использования опыта других стран в борьбе с преступностью // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 138–142.
12. Снетков В.А. Проблемы повышения эффективности экспертно-криминалистической службы (в период 1984–1991 гг.) / 85 лет Экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел России. Сб. статей. М.: ЭКЦ МВД России. Центр социальных программ МВД России, 2004. С. 113–125.

REFERECES

1. Belkin R.S. *The History of the Domestic Criminalistics*. Moscow: Norma, 1999. 496 p. (In Russ.)
2. Krylov I.F. *Forensic Expertise in the Criminal Procedure*. Leningrad: Leningradskii universitet, 1963. 214 p. (In Russ.)
3. Volynskii A.F. The Republic of Belarus Has Reformed the System of Forensic Institutions. And Russia? *The Materials of the 5th International Scientific and Practical Conference “Theory and Practice of Forensic Expertise in the Current Context”* (Moscow, March 22–23, 2015). Moscow: Prospekt, 2015. P. 119–124. (In Russ.)
4. Volynskij A.F. To the Centenary of the Forensic Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Unlearned Lessons of History. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2019. No. 4 (52). P. 90–100. (In Russ.)
5. Kulagin P.G. On the History of the Forensic Institutions’ Development in the USSR. *Expert Practice*. 1968. No. 2. P. 3–17. (In Russ.)
6. Sidorchik A. “A Unique Surge in Violence”. Historian Aleksandr Dyukov – on “The Great Terror”. *Arguments and Facts*. September 27, 2017. No. 39. (In Russ.). https://aif.ru/society/history/unikalnyy_vsplesk_nasiliya_istorik_aleksandr_dyukov_o_bolshom_terrore
7. Sokol V.Yu. *The Crisis of the Domestic Forensic Science*. Krasnodar: [b.i.], 2017. 332 p. (In Russ.)
8. Aver'yanova T.V. *Forensic Science. General Theory Course*. Moscow: Norma, 2006. 479 p. (In Russ.)
9. Volynskij A.F. Subject of Criminalistics and “Scientific Separatism”: Consequences and Opportunities of Their Overcoming. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2018. No. 1 (45). P. 175–185. (In Russ.)
10. Volynskiy A.F. The Ratio of Judicial Examination and Research Specialist. *Vestnik of Economic Security*. 2018. No. 1. P. 24–28. (In Russ.)
11. Volynsky A.F. The Lessons of the Historical Experience of Using the Experiences of Other Countries in the Fight against Crime. *Society and Law*. 2016. No. 3 (57). P. 138–142. (In Russ.)
12. Snetkov V.A. The Problems of Improving the Efficiency of Forensic Expert Service (in the Period of 1984–1991). *85 Years of the Russian Internal Affairs Bodies’ Forensic Expert Service. Collection of Papers*. Moscow: Forensic Science Centre of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The Centre of Social Programs of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. P. 113–125. (In Russ.)

13. Возгрин И.А. О структуре методик расследования отдельных видов преступлений / Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л.: ВПУ МВД СССР, 1974. С. 74–84.
14. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. 2-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. 607 с.
15. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и тактика / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Юрайт, 2011. 535 с.
16. Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики. Монография. М.: Экономика, 2020. 476 с.
13. Vozgrin I.A. On the Structure of the Investigation Techniques for Certain Types of Crimes. *Theoretical and Practical Issues of Fighting Crime*. Leningrad: VPU MVD SSSR, 1974. P. 74–84. (In Russ.)
14. Foinitskii I.Ya. *Course of Criminal Procedure*. Vol. 2. 2nd ed. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899. 607 p. (In Russ.)
15. Rossinskaya E.R. (ed). *Forensic Examinations in Civil Proceedings: Organization and Tactics*. Moscow: Yurait, 2011. 535 p. (In Russ.)
16. Volynskii A.F., Prorvich V.A. *Computer Forensics in the System of Criminal Law Protection of "Traditional" and Digital Economics. Monograph*, Moscow: Ekonomika, 2020. 476 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волынский Александр Фомич – д. юр. н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации:
e-mail: svetzhavoron@yandex.ru

*Статья поступила: 11.10.2020
После доработки: 14.01.2021
Принята к печати: 05.02.2021*

ABOUT THE AUTHOR

Volynskii Alexander Fomich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminalistics at the Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot, Professor at the Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia: e-mail: svetzhavoron@yandex.ru

*Received: October 11, 2020
Revised: January 14, 2021
Accepted: February 05, 2021*

Формирование знаний о стандартизации в области судебно-экспертной деятельности в России

 Е.В. Чеснокова^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Россия

Аннотация. На основе анализа исторических событий и достижений в области судебной экспертизы предложена периодизация формирования знаний по стандартизации в судебно-экспертной деятельности (СЭД) в нашей стране. Показано, что на внедрение стандартизации в СЭД и разработку соответствующих прикладных процедур на разных этапах определяющее влияние оказывали изолированность советской системы и последующие устойчивые научно-практические международные контакты; совершенствование нормативной базы в области СЭД, стандартизации и технического регулирования в Российской Федерации; преемственность отечественной советской науки и практики в области судебной экспертизы. Для целостного понимания функционирования всех инструментов и механизмов стандартизации на разных этапах развития судебной экспертизы предложено разработать и внедрить в экспертную практику модель частной теории стандартизации СЭД.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, стандартизация, судебно-экспертная деятельность, частная теория*

Для цитирования: Чеснокова Е.В. Формирование знаний о стандартизации в области судебно-экспертной деятельности в России // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 141–151. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-141-151>

Building of Knowledge on Standardization of Forensic Expert Activities in Russia

 Elena V. Chesnokova^{1,2}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia,

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russia

Abstract. Basing on the analysis of historical events and achievements in forensic science, the author proposes a periodization for the building of knowledge on the standardization in forensic activities in Russia. The author also shows that implementation of the standardization in forensic activities and the development of appropriate practical procedures were critically influenced by the isolation of the Soviet system and subsequent stable scientific and practical international contacts; improvement of the regulatory framework of forensic activities, standardization, and technical regulation in the Russian Federation; continuity of the domestic Soviet science and practice in forensic expertise. For a holistic understanding of the functioning of all the tools and mechanisms of standardization at different stages of the evolution of forensic expertise, the author proposes to develop a model of a subtheory of standardization for forensic expert activity and implement it.

Keywords: *forensic science, standardization, forensic expert activity, subtheory*

For citation: Chesnokova E.V. Building of Knowledge on Standardization of Forensic Expert Activities in Russia. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 141–151. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-141-151>

Введение

Современные знания о стандартизации в судебно-экспертной деятельности (СЭД) как системной деятельности, обладающей собственным инструментарием – валидацией экспертных методик, сертификацией компетентности экспертов и методических материалов, системой менеджмента качества, как деятельности, интегрированной в технологию экспертного производства и осуществляемой в соответствии с законодательством, формировались в течение многих десятилетий. Их уровень определяется достижениями ученых и практиков в области судебной экспертизы, менеджмента качества, метрологии, судебной медицины и некоторых отраслей экономики. В настоящее время можно считать, что знания о стандартизации в СЭД систематизированы и структурированы, при этом интеграция знаний из перечисленных отраслей продолжается, они отображаются в структуре знаний о стандартизации в СЭД в виде определенных алгоритмов (стандартных процедур), каждый из которых со временем создает новые взаимосвязи.

Цель исследования – на основе анализа исторических событий, достижений в области судебной экспертизы предложить периодизацию формирования знаний и прикладных процедур по стандартизации в СЭД. Основой исследования являлась совокупность научных трудов по теории судебной экспертизы, метрологии, менеджменту качества, правовая основа СЭД, нормативно-техническая документация, а также результаты деятельности аккредитованных судебно-экспертных организаций, внедривших инновационные механизмы обеспечения качества в свою работу.

Представляется, что на внедрение стандартизации в области судебной экспертизы в России определяющее влияние оказывали: особенность системы советского общества, которая вплоть до распада СССР и модернизации 1991–1993 гг. характеризовалась почти полной изоляцией; налаживание последующих устойчивых научно-практических международных контактов, которые способствовали обмену опытом, информационной помощи между странами; совершенствование нормативной базы в области СЭД, стандартизации и технического регулирования; преимущество отечественной науки и практики в сфере судебной экспертизы.

1-й период: советское время и перестроечный этап (с 1960-х до 1999 г.)

Доперестроечный период. На фоне отсутствия у судебной экспертизы статуса самостоятельной науки и системных теоретических знаний о ней, пополняются соответствующие разделы криминалистики – общая теория криминалистики и криминалистическая техника. Разрабатываются и применяются в производстве по уголовным делам технико-криминалистические средства и методы собирания (обнаружения, фиксации, изъятия) и исследования вещественных доказательств, а также криминалистические подходы к оценке результатов исследований и использованию этих результатов в доказывании.

В судебной экспертизе возрастает роль количественных методов, получены практически значимые результаты, например, при использовании методов спектрографического анализа [1].

В систему общенаучных методов криминалистики Р.С. Белкин включает математические методы, цель их использования – разработка экспертных методик, они обогащают традиционные виды криминалистических экспертиз (почерковедческую, портретную, дактилоскопическую и некоторые другие); эти методы «...не только способствовали объективизации выводов эксперта, но создавали зачастую предпосылки для формулирования выводов именно в вероятной форме, ибо многие указанные методы исследования по своему содержанию были вероятностно-статистическими» [2].

Часто создание практически значимой методики не исчерпывается лишь математическим построением: возникает необходимость в разработке процедур, которые эксперт может использовать на практике. В качестве примера приведем количественную методику, разработанную во Всесоюзном научно-исследовательском институте судебной экспертизы, по определению пригодности папиллярных следов для идентификации [3]. Однако, вслед за началом внедрения количественных методов в судебной экспертизе проявилась, по утверждению Ю.К. Орлова [4, с. 65], «тенденция к искусственному “подтягиванию” вероятных выводов до уровня достоверных» и подмены вероятных выводов (при решении идентификационных задач) выводами «о физической возможности», которые, хотя и являются категорическими по форме, но по

информационной значимости существенно уступают вероятным выводам [5].

Становится актуальной задача каталогизации (систематизации) методик для каждого рода экспертизы по видам и подвидам исследований. Отмечается, что для ее выполнения необходима предварительная разработка стандартизированной формы изложения [6]. Вводятся понятия «вариационная статистика» и «вероятность» [7] при исследовании объектов биологической природы. Для судебной трасологии актуальна разработка теоретических основ программируемых и ситуалогических методик. Так, Г.Л. Грановский разрабатывает алгоритмы в судебно-трасологической экспертизе [8, с. 8].

Отметим роль Госстандарта СССР как организации, осуществляющей управление стандартизацией. Система принимаемых им стандартов служит действенным инструментом государственного регулирования. Каждый документ из огромного фонда стандартов был обязателен для исполнения, несоблюдение ГОСТов преследовалось по закону вплоть до уголовной ответственности. При отсутствии рыночной экономики обязательные стандарты выполняли функции жесткого регулятора качества товаров и услуг.

Нормативно-техническая документация, в том числе и стандарты, широко применяются при решении классификационных и диагностических задач. Так, стандарты в строительстве, изготовлении товаров различного назначения, химической и автомобильной промышленности повлияли на информационную составляющую соответствующих родов и видов судебных экспертиз.

Ссылки на ГОСТы содержатся в методических, учебных пособиях и памятках [9, с. 56–57, 10], выпускаемых МВД России по исследованиям маркировочных данных автотранспортных средств, а также по признакам подделки таких данных. Помимо системы национальных стандартов в области технологии производства транспортных средств в качестве высшего международного стандарта можно рассматривать Женевское соглашение 1958 года¹, в котором участвует наша страна.

Подобная система нормативно-технической документации, включающая ГОСТы,

характерна и для судебной автотехнической, судебной строительно-технической, судебной товароведческой экспертиз, криминалистической экспертизы материалов, веществ, изделий и некоторых других видов судебных экспертиз.

1991–1993 гг. Советское общество переживает очередной, объективно назревший этап модернизации, это обуславливает изменения в экономической, политической, социальной, культурной сферах, а также в области общественного сознания и психологии. По существу, распад СССР начался во второй половине 1980-х гг. и проявился в стремлении союзных республик к большей государственной и экономической независимости от союзного центра.

Стандартизация (единый механизм государственного контроля качества в СССР) после 1991 г. стала развиваться в бывших республиках в качестве самостоятельного направления. Модернизация экономики привела к осознанию необходимости новых методов управления на предприятиях, пониманию качества как основы для успешного бизнеса. И хотя указанные процессы не касались СЭД напрямую, они укрепились в промышленном производстве², а уже оттуда позже вошли в эту область деятельности как инструменты управления качеством посредством международных стандартов ISO серии 9000.

Важным этапом по установлению государственного регулирования в области обеспечения единства измерений при переходе с плановой экономики на рыночную, а также попыткой контроля за качеством выпускаемой продукции при невозможности использования инструментов контроля советского периода, явился принятый в 1993 году в Российской Федерации закон «Об обеспечении единства измерений»³. Государство посредством стандартизации терминов и определений, механизмов и процедур проведения измерений начало контролировать соблюдение единых правил. Дальнейшими мерами по стандартизации в области производства товаров и услуг являются принятые в 1993 году новые законы⁴.

² Окрепилов В.В. Организационные методы управления качеством в условиях рыночной экономики. Дисс. ... доктора экономических наук. Санкт-Петербург, 1992. 364 с.

³ Закон РФ «Об обеспечении единства измерений» от 27.04.1993 № 4871-1 (утратил силу с 30.12.2008).

⁴ Закон РФ от 10.06.1993 № 5154-1 «О стандартизации» (утратил силу с 01.07.2003) и Закон РФ от 10.06.1993 № 5151-1 «О сертификации продукции и услуг» (утратил силу с 01.07.2003).

¹ Соглашение о принятии единообразных технических предписаний для колесных транспортных средств, предметов оборудования и частей, которые могут быть установлены и/или использованы на колесных транспортных средствах, и об условиях взаимного признания официальных утверждений, выдаваемых на основе этих предписаний (заключено в Женеве 20.03.1958). <https://docs.cntd.ru/document/902259041> (дата обращения: 11.01.2021).

Закон «О стандартизации» устанавливал правовые основы стандартизации в нашей стране, обязательные для всех государственных органов управления, предприятий и предпринимателей, общественных объединений, и определял меры государственной защиты интересов потребителей и государства посредством разработки и применения нормативных документов по стандартизации. В нем провозглашались следующие понятия: качество, конкуренция, запрет на создание барьеров в хозяйственной деятельности субъектов (бизнеса), в реализации требований стандарта, стимулирование внедрения технологий в деятельность, опережающих современный научно-технический прогресс. Закон «О сертификации продукции и услуг» устанавливал правовые основы обязательной и добровольной сертификации продукции, услуг и иных объектов в Российской Федерации, права, обязанности и ответственность участников сертификации.

В судебной экспертизе 1997 год ознаменовался публикацией коллективной монографии под редакцией Ю.Г. Корухова [11]. В ней представлены теоретические аспекты применения в судебной экспертизе математических методов и ЭВМ, вводятся понятия «вариационная статистика» и «вероятность». Отмечена невозможность применения количественных методов к формированию экспертной версии, но вместе с тем ведется речь о возможности формализованного описания экспертного опыта [11, с. 258, 320].

В области судебной экспертизы появляется все больше работ, посвященных статистической оценке признаков, в конечном итоге влияющих на результаты выводов. В судебном почерковедении происходит дальнейшее развитие и адаптация к экспертной практике количественных методов, в том числе для диагностики состояний автора текста [12]. Актуальна проблематика формулирования и использования вероятных выводов в заключениях эксперта. Исследователей занимают вопросы о сущности вероятных выводов эксперта, их логической природе, а также механизма воздействия такого доказательства на формирование убеждения следователя и/или суда при принятии окончательного решения по делу. Данные вопросы приводят к анализу такой дефиниции, как «достоверность заключения эксперта» [2, с. 93–97].

2-й период: активное международное сотрудничество (1999–2015 гг.)

Можно сказать, что новый этап внедрения стандартизации в СЭД в нашей стране начался на ежегодном собрании представителей сети европейских судебно-экспертных учреждений (European Network of Forensic Science Institutes – ENFSI), которое состоялось в Москве в 1999 г. На этом собрании члены организации приняли первую конституцию ENFSI.

С этого момента отечественные судебно-экспертные учреждения (СЭУ) начинают налаживать связи с европейским экспертным сообществом, что означает окончание их изоляции от остального мира. Этому способствует вступление в ENFSI двух учреждений Минюста России: Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы (2012 г.) и Российского федерального центра судебной экспертизы (2015 г.).

Укрепление связей отечественных судебных экспертов и медиков с европейским сообществом становится основой для включения в библиотечные базы нашей страны публикаций зарубежных авторов [13, с. 375–392]. Механизмы стандартизации активно внедряются в судебной медицине [14, с. 3–5].

В 2002 г. вышел в свет Федеральный закон «О техническом регулировании»⁵. В нем обозначена цель стандартизации в Российской Федерации, установлены ее основополагающие принципы, введены основные понятия, технические регламенты, подтверждение соответствия посредством обязательной и добровольной сертификации, введена аккредитация органов сертификации и провозглашен государственный контроль за соблюдением нормативных требований. О роли этого закона для стандартизации в СЭД пишут С.А. Смирнова и Н.А. Замараева: «...большое значение приобретает направление стандартизации деятельности экспертов, которое должно кардинальным образом отразиться на конечном результате процесса расследования преступлений. В пользу такого утверждения говорит отечественный и зарубежный опыт внедрения стандартных процедур в различные сферы судебно-экспертной деятельности» [15, с. 47].

⁵ Закон РФ от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании». <https://docs.cntd.ru/document/901836556> (дата обращения: 05.01.2021).

Необходимо отметить, что правила применения национальных стандартов РФ утверждены ГОСТ Р 1.0–2004⁶. Настоящий стандарт разработан в целях изложения рекомендаций по реализации установленных в Законе РФ «О техническом регулировании» положений.

С начала 2000-х в области судебной экспертизы актуальными становятся процессуальные вопросы, что закономерно связано с принятием в 2001 г. ФЗ о ГСЭД⁷. Это послужило импульсом для анализа ключевых вопросов СЭД: статуса эксперта, его функционала, взаимодействия эксперта с другими участниками процесса, а также появления большого количества публикаций [16–19].

Продолжается внедрение стандартизации в судебно-медицинскую экспертизу. В научной литературе поднимаются вопросы компетентности экспертов, стандартизации региональных медицинских учреждений, документирования процессов стандартизации (стандартных процедурах) [20].

Более доступны международные публикации. В иностранной и отечественной литературе обсуждается тема ДНК-анализа. Методология данного метода во многом строится на теории вероятности, поэтому количественные методы и соотношение правдоподобия наиболее актуальны [21].

В связи с отсутствием законодательного закрепления критериев оценки компетентности сведущих лиц (негосударственных судебных экспертов), а также способов определения достоверности используемых ими методических материалов и их научной обоснованности в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России разработана и зарегистрирована в установленном порядке система добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы⁸.

В сложившихся условиях (принятие ФЗ о ГСЭД, вступление ФБУ РФЦСЭ при

Минюсте России в ENFSI) при внедрении стандартизации в СЭД значимую роль сыграли слаженные действия руководства, экспертов и менеджеров по качеству, поскольку некоторые механизмы стандартизации потребовалось адаптировать к СЭД. На теоретическом уровне осознание происходящих процессов связано с подготовкой и публикацией трехтомного издания «Судебная экспертиза: перезагрузка», в частности энциклопедического словаря судебной экспертизы [22].

Нельзя не отметить авторов, на протяжении многих лет формировавших информационный фонд, ставший базисом для становления теоретических основ стандартизации в СЭД, ими стали: С.А. Смирнова, Г.Г. Омелянюк, А.И. Усов, С.А. Кузьмин, Н.А. Замараева, Г.И. Бебешко.

Развитие процессов стандартизации в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России ведется по следующим направлениям:

- выстраивание системы менеджмента качества – управления организацией на новом уровне в соответствии с положениями международных стандартов;
- внедрение инструментов стандартизации [23, 24]: валидации методик [25], межлабораторного профессионального тестирования, добровольной сертификации [26];
- изучение зарубежных публикаций по стандартизации;
- подготовка специалистов в области управления качеством;
- международная деятельность: взаимный обмен экспертным опытом посредством участия в конференциях ENFSI.

По стандартизации в отдельных родах и видах судебных экспертиз опубликованы работы Н.А. Хатунцева, Е.С. Карпухиной [27], М.А. Сониса [28], А.Р. Чудиевича [29] и многих других.

Результатом аккредитации и контактов с европейским экспертным сообществом отечественных экспертов по судебно-баллистической и судебной компьютерно-технической экспертизам стали публикации на тему организации производства указанных родов экспертиз, валидации методик, нормативно-техническом регулировании, а также ежегодные отчеты о конференциях рабочих групп по указанным направлениям.

Опыт аккредитации СЭУ Минюста России на соответствие ИСО/МЭК 17025 приведен в коллективной публикации [30] ру-

⁶ ГОСТ Р 1.0-2012 «Стандартизация в Российской Федерации» (введен 01.07.2013). <https://docs.cntd.ru/document/1200102193> (дата обращения: 05.01.2021).

⁷ Федеральный закон от 05.04.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изм. от 26.07.2019). <https://docs.cntd.ru/document/901788626?section=status> (дата обращения: 05.01.2021).

⁸ Система добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы (РОСС RU.B175.040Э00 от 02.03.2005). <http://www.sudexpert.ru/certification/> (дата обращения: 06.01.2021).

ководителей и работников ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. В ней рассмотрены подходы к валидации судебно-экспертных методик и проведению межлабораторного профессионального тестирования – процедур, используемых при аккредитации судебно-экспертных организаций на соответствие требованиям международных стандартов. В приложениях к статье представлены два регламента: по проведению валидации методик в СЭД и межлабораторного профессионального тестирования в государственных СЭУ. Н.А. Замараева делится опытом внедрения системы менеджмента качества в Северо-Западном РЦСЭ Минюста России [31].

Зарубежные исследователи публикуют результаты положительного опыта аккредитации СЭУ и сертификации судебных экспертов [32]. Эффективность внедрения механизмов валидации и аккредитации в СЭД зависит от соразмерного (цели и ожидаемых результатов – повышение качества) финансирования. Вопросы рентабельности внедрения указанных механизмов раскрываются на примере работы Бельгийского государственного института криминалистики и криминологии [33]. Недостаток финансирования судебно-экспертных лабораторий создает риски снижения качества экспертного производства, появлению недостоверных экспертных выводов и, следовательно, неверным судебным решениям, влияющим на судьбы конкретных людей.

3-й период: введение в действие закона «О стандартизации в РФ» (2015 г. – настоящее время)

Определяющим событием стало принятие в 2015 г. ФЗ «О стандартизации в РФ»⁹. В сфере регулирования нового закона находятся отношения в области стандартизации, включая отношения, возникающие при разработке (ведении), утверждении, изменении (актуализации), отмене, опубликовании и применении документов по стандартизации. К таким документам относятся: 1) документы национальной системы стандартизации, 2) общероссийские классификаторы, 3) стандарты организаций, в том числе технические условия,

4) своды правил, 5) документы по стандартизации, устанавливающие обязательные требования в отношении особых объектов стандартизации¹⁰.

В ведении закона «О техническом регулировании» остается регулирование отношений, возникающих на всех этапах, приводящих к исполнению обязательных требований к продукции (зданиям и сооружениям), а также к процессам, связанным со строительством, монтажом, наладкой и пр.; применения и исполнения на добровольной основе требований к продукции и процессам.

Современный этап внедрения стандартизации в СЭД характеризуется активным участием Российской Федерации в работе международной организации по стандартизации (ИСО¹¹), созданием национального технического комитета «Судебная экспертиза» (ТК 134), активным участием в международной стандартизации посредством совместно созданного с Республикой Казахстан, Республикой Армения и Кыргызской Республикой межнационального технического комитета (МТК 545). Секретариат данного МТК (председатель, заместитель и ответственный секретарь) представляют сотрудники ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России.

Как отмечалось ранее, после распада СССР процессы стандартизации, в том числе и в СЭД, в той или иной мере затронули все бывшие союзные республики. Наиболее яркий пример – Республика Беларусь. Весомым вкладом специалистов научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь в адаптацию основополагающего документа международной организации по аккредитации лабораторий (ILAC) – Руководства ILAC-G19:08/2014 «Модули в судебно-экспертном процессе» в СНГ является подготовка и опубликование в 2016 г. его перевода на русский язык¹².

Совокупность вышеперечисленного и надежда на законодательное (в обновлен-

⁹ Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации». <https://docs.cntd.ru/document/420284277?section=status> (дата обращения: 06.01.2021).

¹⁰ Ст. 6 ФЗ «О стандартизации в РФ».

¹¹ В настоящее время Россия серьезно работает в ИСО как на уровне управления, так и на техническом уровне; например, Борис Алешин был Президентом ИСО с 2011 по 2013 гг. <https://kachestvo.pro/kachestvo-produktsii/standartizatsiya/rossiya-nuzhna-iso-a-iso-nuzhna-rossii/> (дата обращения: 19.01.2021).

¹² Перевод на русский язык Руководства ILAC-G19:08/2014 “Modules in a Forensic Science Process”. <https://ilac.org/language-pages/russian/> (дата обращения: 19.01.2021).

ном ФЗ «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») закрепление стандартизации в области судебной экспертизы дает импульс к оптимизму в развитии стандартизации в СЭД на современном этапе [34].

Теоретическое осмысление накопленного опыта в аккредитации судебно-экспертных лабораторий и создания системы менеджмента качества отражено в диссертационной работе С.А. Кузьмина¹³.

Усиление роли международных связей, в частности в рамках Евразийского экономического союза, приводит к осознанию представителями стран-участниц доминирующих тенденций его развития: гармонизации законодательства в сфере СЭД, консолидации усилий всех субъектов использования специальных знаний во всех видах судопроизводства.

Компетентность эксперта (сведущего лица) на протяжении долгих лет была темой пристального внимания отечественных и зарубежных ученых. Формируется современный взгляд на компетентность эксперта с учетом вступившего в действие международного стандарта ИСО 17025-2017 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий», в соответствии с требованиями которого аккредитованы СЭУ Минюста России [35]. Отдельные вопросы стандартизации в СЭД на национальном и международном уровнях затронуты в докторских диссертациях Ф.Г. Аминова¹⁴ и Ш.Н. Хазиева¹⁵.

Актуальной темой исследований остается использование статистических подходов в судебной экспертизе. Но теперь они анализируются с учетом зарубежных достижений в этой области [36], в частности интерпретации выводов эксперта на основе теоремы Байеса [37].

Валидации методик различных родов и видов посвящены публикации Г.Г. Омелянюка [37], А.И. Усова, Г.И. Бебешко, И.П. Любецкой [38] и других специалистов.

Исследования возможности адаптации к экспертной практике процессного подхода, стандартных процедур, привносимых в СЭД и теорию судебной экспертизы международными и национальными стандартами, посвящены системам менеджмента качества и общим требованиям к испытательным и калибровочным лабораториям. Высказывается предположение, что СЭД можно представить как систему процессов [39]. Выходят в свет публикации по аккредитации экспертно-криминалистических лабораторий Федеральной таможенной службы Российской Федерации [40].

Заключение

Таким образом, можно с определенной долей уверенности заключить, что для достижения цели стандартизации СЭД необходимо выполнение нескольких условий:

- законодательная база, отвечающая современным реалиям развития судебно-экспертной деятельности;
- актуализированная база нормативно-технической документации;
- поддержание и дальнейшее расширение международных связей с экспертным сообществом и специальными организациями по стандартизации;
- понимание необходимости конкуренции, стремление к качеству и единообразию в деятельности СЭУ, реализации единого научно-методического подхода в СЭД;
- стремление и желание высшего руководства СЭУ внедрить механизмы стандартизации в деятельность организаций, вовлечение персонала всего учреждения в этот процесс;
- совершенствование научно-методического обеспечения и использование современных технических средств;
- соответствующее финансовое обеспечение.

Для целостного понимания функционирования всех инструментов и механизмов стандартизации на разных этапах развития СЭД необходимо внедрение в экспертную практику разработанной нами модели частной теории стандартизации в СЭД.

¹³ Кузьмин С.А. Организационно-правовое обеспечение менеджмента качества судебно-экспертной деятельности. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 30 с.

¹⁴ Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения. Дисс. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 482 с. (С. 190–197).

¹⁵ Хазиев Ш.Н. Теоретические основы и организация международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2016. 44 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колосова В.М. О системе спектрографического исследования объектов судебной экспертизы с целью идентификации // Экспертная техника. 1963. № 1-2. С. 7–10.
2. Овсянников И.В. Проблемы формулирования и использования вероятных выводов экспертного заключения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1 (220). С. 93–97.
3. Эдзубов Л.Г., Брудовский Б.С. Количественный метод определения пригодности папиллярных следов для идентификации / Применение ЭВМ в судебно-экспертных исследованиях и поиск правовой информации. Сб. науч. трудов ВНИИСЭ. Вып. 15. М.: ВНИИСЭ, 1975. С. 121–143.
4. Орлов Ю.К. Категории вероятности и возможности в экспертном исследовании / Вопросы теории судебной экспертизы. Сб. науч. трудов ВНИИСЭ. Вып. 39 / Отв. ред. В.Д. Арсеньев. М.: ВНИИСЭ, 1979. С. 49–82.
5. Орлов Ю.К. Формы выводов в заключении эксперта. Методическое пособие. М.: ВНИИСЭ, 1981. 162 с.
6. Устинов А.И., Сонис М.А. О стандартизации методик в судебной экспертизе / Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы. Сб. науч. тр. / Гл. ред. Ю.Г. Корухов. М.: ВНИИСЭ, 1989. С. 96–106.
7. Рокицкий П.Ф. Основы вариационной статистики для биологов. Минск: Белгосуниверситет, 1961. 222 с.
8. Грановский Г.Л. Теоретические вопросы программирования трасологической экспертизы / Программированные и ситуалогические методики трасологических исследований. Сб. науч. трудов. Вып. 37. М.: ВНИИСЭ, 1979. С. 3–31.
9. Веденеев В.В., Дюжаев А.В., Серпак А.Н., Чубченко А.Л. Тактика выявления и задержания угнанных и похищенных транспортных средств. Методическое пособие. 2-е изд. М.: ЭКЦ МВД России, 1994. 68 с.
10. Лютов В.П., Митричев Л.С., Нагайцев А.А., Пушнов А.В., Стариков Е.В., Чалкин П.П., Чубченко А.Л. Памятка о признаках подделки водительских документов, маркировочных данных легковых автомобилей и способах их выявления. М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. 56 с.
11. Основы судебной экспертизы. Часть 1. Общая теория / Отв. ред. Ю.Г. Корухов. М: РФЦСЭ, 1997. 430 с.
12. Левицкий А.Б., Молоков Э.П., Серегин В.В. Методика вероятностно-статистической оценки совпадающих частных признаков почерка в прописных буквах русского алфавита. Учеб. пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1996. 336 с.
13. Jakobs L.E.M.P., Sprangers W.J.J.M. A European View on Forensic Expertise and Counter-Expertise // Criminal Law Forum. 2000. Vol. 11. No. 3. P. 375–392.

REFERENCES

1. Kolosova V.M. On the System of Spectrographic Examination of Objects of Forensic Examination for the Identification Purpose. *Expert Technique*. 1963. Issue 1-2. P. 7–10. (In Russ.)
2. Ovsyannikov I.V. Problems of Formulating and Using Prospective Conclusions of Expert Opinion. *News of Higher Educational Institutions. Legal Studies*. 1998. No. 1 (220). P. 93–97. (In Russ.)
3. Edzhubov L.G., Brudovskii B.S. A Quantitative Method for Determining the Suitability of Papillary Traces for Identification. In: *The Use of Computers in the Forensic Research and the Search for Legal Information. Collection of Scientific Works of VNIISE*. Issue 15. Moscow: VNIISE, 1975. P. 121–143. (In Russ.)
4. Orlov Yu.K. Concepts of Probabilities and Possibilities in Expert Research. In: *Questions of the Theory of Forensic Examination. Collection of Scientific Works of VNIISE*. Issue 39. Moscow: VNIISE, 1979. P. 49–82. (In Russ.)
5. Orlov Yu.K. *Forms of Conclusions in an Expert's Report. Methodical Guide*. Moscow: VNIISE, 1981. 162 p. (In Russ.)
6. Ustinov A.I., Sonis M.A. On Standardization of Methods in Forensic Expertise. In: Korukhov Yu.G. (ed). *Current Issues of Theory and Practice of Forensic Science. Collection of Scientific Works*. Moscow: VNIISE, 1989. P. 96–106. (In Russ.)
7. Rokitskii P.F. *Basics of Variation Statistics for Biologists*. Minsk: Belgosuniversitet, 1961. 222 p. (In Russ.)
8. Granovskii G.L. Theoretical Issues of Programming of Trasological Expertise. In: *Programmed and Situational Methods of Trasological Research. Collection of Scientific Works*. Issue 37. Moscow: VNIISE, 1979. P. 3–31. (In Russ.)
9. Vedeneev V.V., Dyuzhaev A.V., Serpak A.N., Chubchenko A.L. *Tactics of Detection and Detention of Stolen Vehicles. A Methodological Guide*. 2nd ed. Moscow: EKTs MVD Rossii, 1994. 68 p. (In Russ.)
10. Lyutov V.P., Mitrichev L.S., Nagaitsev A.A., Pushnov A.V., Starikov E.V., Chalkin P.P., Chubchenko A.L. *Memo on Signs of Forgery of Driver's Documents, Marking Data of Passenger Cars and Methods of Their Detection*. Moscow: VNIИ MVD SSSR, 1989. 56 p. (In Russ.)
11. Korukhov Yu.G. (ed). *Fundamentals of Forensic Science. Part 1. General Theory*. Moscow: RF-CFS, 1997. 430 p. (In Russ.)
12. Levitskii A.B., Molokov E.P., Seregin V.V. *The Method of Probabilistic and Statistical Evaluation of Matching Handwriting Features in Capital Letters of the Russian Alphabet: Textbook*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 1996. 336 p. (In Russ.)
13. Jakobs L.E.M.P., Sprangers W.J.J.M. A European View on Forensic Expertise and Counter-Expertise. *Criminal Law Forum*. 2000. Vol. 11. No. 3. P. 375–392.

14. Фадеев С.П. Основы стандартизации в судебной медицине // Проблемы экспертизы в медицине. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–5.
15. Смирнова С.А., Замараева Н.А. Возможности технического регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 1 (37). С. 46–50. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2015-1-46-50>
16. Орлова В.Ф. Законодательная регламентация судебной экспертизы: состояние и пути совершенствования // Судебная экспертиза. 2004. № 1. С. 12–14.
17. Орлов Ю.К. Процессуальные проблемы судебной экспертизы // Судебная экспертиза. 2004. № 1. С. 21–22.
18. Россинская Е.Р. Вопросы совершенствования законодательства о судебной экспертизе // Судебная экспертиза. 2004. № 1. С. 25–38.
19. Омелянюк Г.Г. Правовое регулирование производства судебной экспертизы негосударственными судебными экспертами // Судебная экспертиза. 2004. № 1. С. 45–48.
20. Колкутин В.В., Пинчук П.В., Васнецова О.А. Об отборе экспертов для анализа конкурентоспособности аппаратно-технических средств для проведения судебных экспертиз // Проблемы экспертизы в медицине. 2005. Т. 5. № 1. С. 5–8.
21. Dixon L.A., Murray C.M., Archer E.J., Dobbins A.E., Koumi P., Gill P. Validation of a 21-Locus Autosomal SNP Multiplex for Forensic Identification Purposes // *Forensic Science International*. 2005. Vol. 154. No. 1. P. 62–77. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2004.12.011>
22. Мультиязычное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. 2. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под ред. С.А. Смирновой. М.: Эком, 2012. 456 с.
23. Усов А.И., Омелянюк Г.Г. Возможности аккредитации лабораторий СЭУ Минюста России на соответствие ИСО/МЭК 17025 // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. № 2 (14). С. 54–56.
24. Усов А.И., Омелянюк Г.Г., Ламухина О.А. Возможности использования международных стандартов в судебно-экспертной деятельности Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. № 3 (15). С. 56–62.
25. Омелянюк Г.Г. К вопросу о валидации судебно-экспертных методик // Теория и практика судебной экспертизы. 2010. № 2 (18). С. 64–68.
26. Омелянюк Г.Г. Опыт добровольной сертификации негосударственных судебных экспертов в области судебно-экологической экспертизы в системе РОСС RU.B175.040Э00 // Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 2 (2). С. 68–71.
27. Хатунцев Н.А., Карпукхина Е.С. Конференция ENFSI FIT WG «Информационные техноло-
14. Fadeev S.P. Fundamentals of Standardizing in the Forensic Medicine. *Problems of Expertise in Medicine*. 2002. Vol. 2. No. 3. P. 3–5. (In Russ.)
15. Smirnova S.A., Zamaraeva N.A. Opportunities for Technical Regulation of Forensic Science Services in the Russian Federation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No. 1. P. 46–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2015-1-46-50>
16. Orlova V.F. Legislative Regulation of Forensic Examination: Current State and Ways of Improvement. *Forensic Examination*. 2004. No. 1. P. 12–14. (In Russ.)
17. Orlov Yu.K. Procedural Issues of Forensic Examination. *Forensic Examination*. 2004. No. 1. P. 21–22. (In Russ.)
18. Rossinskaya E.R. Issues of Improving the Legislation on Forensic Expertise. *Forensic Examination*. 2004. No. 1. P. 25–38. (In Russ.)
19. Omelyanyuk G.G. Legal Regulation of the Conduct of Forensic Examination by Non-State Forensic Experts. *Forensic Examination*. 2004. No. 1. P. 45–48. (In Russ.)
20. Kolkutin V.V., Pinchuk P.V., Vasnetsova O.A. On the Selection of Experts for the Analysis of the Competitiveness of Hardware and Technical Means for Conducting Forensic Examinations. *Problems of Expertise in Medicine*. 2005. Vol. 5. No. 1. P. 5–8. (In Russ.)
21. Dixon L.A., Murray C.M., Archer E.J., Dobbins A.E., Koumi P., Gill P. Validation of a 21-Locus Autosomal SNP Multiplex for Forensic Identification Purposes. *Forensic Science International*. 2005. Vol. 154. No. 1. P. 62–77. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2004.12.011>
22. Smirnova S.A. (ed). *Multimodal Edition "Forensic Science: Reboot". Part 2. Encyclopedic Dictionary of Theory of Forensic Science*. Moscow: Ekom, 2012. 456 p. (In Russ.)
23. Usov A.I., Omelyanyuk G.G. Possibilities of Accreditation of Laboratories of Forensic Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation for Compliance with ISO/IEC 17025. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2009. No. 2 (14). P. 54–56. (In Russ.)
24. Usov A.I., Omel'yanyuk G.G., Lamukhina O.A. Availability of the International Standards for Forensic Examiners Activities in the Russian Federation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2009. No. 3 (15). P. 56–62. (In Russ.)
25. Omel'yanyuk G.G. On the Issue of Validation of Forensic Methods. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2010. № 2 (18). С. 64–68. (In Russ.)
26. Omel'yanyuk G.G. Experience of Voluntary Certification of Non-State Forensic Experts in the Field of Environmental Forensics in the System ROSS RU.B175.040Э00. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2006. № 2 (2). P. 68–71. (In Russ.)
27. Khatuntsev N.A., Karpukhina E.S. ENFSI Forensic IT Working Group Meeting «Information

- гии в судебной экспертизе, 2012» // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 1 (29). P. 133–134.
28. Сонис М.А. О методиках судебно-баллистической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 2 (30). С. 90.
29. Чудиевич А.Р. Проблемы эффективности нормативно-технического регулирования в строительстве // Теория и практика судебной экспертизы. 2010. № 1 (17). С. 68–72.
30. Смирнова С.А., Усов А.И., Омелянюк Г.Г., Бебешко Г.И., Король С.Г. Опыт аккредитации судебно-экспертных лабораторий Минюста России на соответствие ИСО/МЭК 17025 // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. № 2 (22). С. 40–56.
31. Замараева Н.А. Опыт внедрения системы менеджмента качества в Северо-Западном РЦСЭ Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3 (35). С. 142–145.
32. Репеле М., Алксне М., Ченторицка М. Аккредитация судебно-экспертных учреждений и сертификация судебных экспертов в Латвии // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 28–34.
33. Киндер Я.Д. О рентабельности валидации и аккредитации // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3 (35). С. 148–150.
34. Смирнова С.А. Перспективы стандартизации на современном этапе развития судебно-экспертной деятельности / Материалы Международной науч.-практ. конф. «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе «Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы» (Алматы, 15 октября 2015 г.). <http://www.zakon.kz/4752538-materialy-mezhdunarodnojj-nauchno.html>
35. Чеснокова Е.В., Дюваль Р.С. Компетентность эксперта и специалиста в свете положений международного стандарта ИСО 17025:2017 и зарубежного опыта использования специальных знаний // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 3. С. 63–71. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-3-63-71>
36. Усов А.И., Градусова О.Б., Кузьмин С.А. Использование вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебно-экспертной практике (сравнительный анализ) // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 6–15. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-6-15>
37. Бебешко Г.И., Войтов С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. К вопросу об использовании Байесовских методов для метрологической оценки и интерпретации результатов судебно-экспертного исследования // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 148–158.
- Technologies in Forensic Science», Rome, October 23–26, 2012. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2013. № 1 (29). P. 133–134. (In Russ.)
28. Sonis M.A. On the Methods of Forensic Ballistics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2013. № 2 (30). С. 90. (In Russ.)
29. Chudievich A.R. Problems of Efficiency of Normative and Technical Regulation in Building. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2010. № 1 (17). С. 68–72. (In Russ.)
30. Smirnova S.A., Usov A.I., Omeljanuk G.G., Bebeshko G.I., Korol S.G. Practice of Accreditation of Forensic Laboratories of the Ministry of Justice of Russia on Compliance with ISO/MEK 17025. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2011. No. 2 (22). P. 40–56. (In Russ.)
31. Zamaraeva N.A. Implementing a Quality Management System at the North-Western Regional Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. № 3 (35). P. 142–145. (In Russ.)
32. Rēpele M., Alksne M., Čentoricka M. Accreditation of Forensic Organizations and Certification of Forensic Examiners in Latvia. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 1 (33). P. 28–34. (In Russ.)
33. Kinder J.D. Costs of Validation and Accreditation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 3 (35). P. 148–150. (In Russ.)
34. Smirnova S.A. Perspectives of Standardization at the Current Stage of Development of Forensic Expert Activities. In: *Proceeding of International Scientific and Practical Conference "East-West: Partnership in Forensic Science: Topical Issues of Theory and Practice of Forensic Expertise" (Almaty, October 15, 2015)*. (In Russ.). <http://www.zakon.kz/4752538-materialy-mezhdunarodnojj-nauchno.html>
35. Chesnokova E.V., DuVal R.S. Addressing the Competence of Experts and Specialists in the Light of Provisions of ISO/IEC 17025:2017 and International Experience in Applying Specialized Knowledge. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 63–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-3-63-71>
36. Usov A.I., Gradusova O.B., Kuz'min S.A. The Use of Probabilistic and Statistical Methods to Test the Significance of Scientific Evidence: Comparative Analysis of Current Forensic Practices in Russia and Abroad. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 6–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-6-15>
37. Bebeshko G.I., Voytov S.A., Omelyanyuk G.G., Usov A.I. Applying Bayesian Methods for Metrological Evaluation and Interpretation of Forensic Evidence. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 1 (33). P. 148–158. (In Russ.)

38. Бебешко Г.И., Любечкая И.П., Брунова Л.П., Ханукаева М.А., Омелянюк Г.Г. Валидация методики измерения цвета окрашенных волокон на микроскопе-спектрофотометре МСФУ-К // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 2. С. 71–80. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-2-71-80>
39. Чеснокова Е.В. Процессный подход в судебно-экспертной деятельности как формализованное отражение ее этапов и алгоритмов // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 4. С. 56–65. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-56-65>
40. Ознобишина Е.А. Проведение аккредитации и организация СМК (системы менеджмента качества) в судебно-экспертном учреждении в рамках ГОСТ ISO/IEC 17025-2019 / Сборник научных трудов Международной конференции «Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности» (Москва, 25 июня 2020 г.). М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 189–194.
38. Bebeshko G.I., Lyubetskaya I.P., Brunova L.P., Khanukaeva M.A., Omel'yanyuk G.G. Measuring Dyed Fiber Color with MSFU-K Microscope Spectrophotometer: Methodology Validation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 2. P. 71–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-2-71-80>
39. Chesnokova E.V. The Process Approach in Forensic Activity as a Formalized Reflection of Its Stages and Algorithms. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 56–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-56-65>
40. Oznobishina E.A. Conducting Accreditation and Organizing the QMS (Quality Management System) in a Forensic Expert Institution within the Framework of GOST ISO/IEC 17025-2019. In: *Collection of Scientific Papers of the International Conference "Actual Problems of Forensic Expert Activity" (Moscow, June 25, 2020)*. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2020. P. 189–194. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чеснокова Елена Владимировна – к. юр. н., зам. заведующего отделом научно-методического обеспечения производства судебной экспертизы в системе СЭУ Минюста России; ученый секретарь объединенного диссертационного совета на базе ФГАОУ ВО РУДН и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: elenaches@yandex.ru

Статья поступила: 12.01.2021
После доработки: 10.02.2021
Принята к печати: 25.02.2021

ABOUT THE AUTHOR

Chesnokova Elena Vladimirovna – Candidate of Law, Deputy Head of the Forensic Research Methodology Department in the system of forensic institutions of the Russian Ministry of Justice; Academic Secretary of the Joint Dissertation Board of the Russian Federal Centre of Forensic Science of Russian Ministry of Justice and RUDN University; e-mail: elenaches@yandex.ru

Received: January 12, 2021
Revised: February 10, 2021
Accepted: February 25, 2021

Памяти Орловой Валерии Федоровны

**18 марта 2021 года на 96 году жизни скончалась
Орлова Валерия Федоровна, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, ведущий ученый
в области криминалистики и судебной экспертизы**

С 1962 года Валерия Федоровна работала в Центральном научно-исследовательском институте судебных экспертиз (впоследствии Всесоюзный, Всероссийский НИИСЭ, а затем и РФЦСЭ), где занимала должности старшего научного сотрудника, заведующего лабораторией, сектором, заместителя директора ВНИИСЭ по научной работе, главного научного сотрудника, с 1995 года являлась главным экспертом лаборатории судебно-почерковедческой экспертизы РФЦСЭ.

Более чем за 50 лет научно-исследовательской работы она провела значительное количество научных исследований фундаментального и прикладного характера в области судебного почерковедения. Валерия Федоровна внесла существенный вклад в дальнейшее развитие теоретических основ судебной экспертизы: общую теорию судебной экспертизы, экспертную криминалистическую идентификацию и диагностику. Результаты ее научных исследований опубликованы почти в 150 работах: монографиях, методических пособиях, методических рекомендациях, научных статьях, а также учебниках и курсах криминалистики. Она являлась научным редактором методических пособий, сборников научных трудов и других публикаций.

Орлова В.Ф. много сил отдала разработке Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», долгие годы была членом ученого и диссертационного советов РФЦСЭ, членом диссертационного совета Московской государственной юридической академии. В ней органично сочетались ответственность за любое дело, бескомпромиссность, требовательность, в

первую очередь к себе, трудолюбие, доброжелательность, внимательное отношение к людям, готовность оказать им помощь, в том числе в самых сложных ситуациях.

За заслуги в деле укрепления законности, за успехи в научной и экспертной работе Валерия Федоровна была награждена государственными наградами, а также наградами Минюста России. Как участник Великой Отечественной войны и за заслуги перед отечеством она была награждена орденом Отечественной войны II степени.

Коллектив ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и редакция журнала «Теория и практика судебной экспертизы» приносят глубокие соболезнования родным и близким Орловой Валерии Федоровны.

Краткие правила для авторов

Редакция журнала просит авторов строго соблюдать следующие правила. Присылаемые статьи не должны быть уже где-либо опубликованы или представлены для публикации в других изданиях. Оригинальность текста рукописи составляет более 75 %.

В редакцию в электронном виде (через сайт журнала www.tipse.ru или по электронной почте tipse@sudexpert.ru) должны быть предоставлены: 1) отсканированная копия сопроводительного письма с места работы (учебы) автора, 2) файл статьи в формате Word, 3) отсканированный текст статьи, подписанный всеми авторами, 4) файлы рисунков.

Материалы рукописи размещаются в одном файле в следующей последовательности.

1. Название статьи.
2. Инициалы и фамилия автора(ов).
3. Официальное наименование учреждения, в котором работает автор, город и индекс, страна.
4. Аннотация статьи на русском языке (150–250 слов).
5. Ключевые слова на русском языке.
6. Название статьи на английском языке.
7. Транслитерированные в формате BSI (написанные латиницей) имя, отчество и фамилия автора(ов) (сайт для автоматической транслитерации в формате BSI: <https://antropophob.ru/translit-bis>).
8. Место(а) работы автора(ов), город, индекс, страна на английском языке.
9. Аннотация на английском языке (Abstract).
10. Ключевые слова на английском языке (Keywords).
11. Текст статьи.
12. Список литературы.
13. Список References (для выгрузки списка литературы в зарубежные информационные системы).
14. Сведения об авторе(ах) на русском и английском языках.

Изложение материала должно быть ясным, лаконичным и последовательным, без дублирования в тексте данных таблиц и рисунков. Статья должна быть структурирована и включать рубрики: введение / краткий литературный обзор, цель работы, материалы и методы, результаты и обсуждение, заключение / краткие выводы. Произвольная структура допустима для теоретических и обзорных статей.

Для выделения используется курсив; все иллюстрации, графики и таблицы располагаются в соответствующих местах в тексте, а не в конце статьи. Объем статьи не должен превышать 25 страниц.

В тексте ссылки на цитируемые публикации приводятся в квадратных скобках с указанием их порядкового номера в списке литературы (в порядке встречаемости в тексте). При наличии нескольких источников они перечисляются в порядке возрастания номеров через запятую, например [3, 5, 12] или [3–7]. При цитировании после номера источника указывается страница, например: [1, с. 5], [5, с. 10–12; 10, с. 225].

При необходимости используются подстрочные ссылки со сквозной нумерацией (арабскими цифрами).

Источники в списке литературы располагаются в порядке их приведения в тексте.

Нормативно-правовые акты, архивные документы, «неавторские» интернет-источники, статистические сборники, словари, энциклопедии указываются в сносках и в списке литературы не дублируются.

Ссылки в списке литературы на журнальные публикации должны содержать их DOI. Пример оформления: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-6-15>

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Ссылки на диссертационные исследования следует заменить статьями соответствующего автора или же дать ссылку на диссертацию (автореферат) в виде сноски.

Самоцитирование не должно превышать 20 % от общего количества цитируемых источников.

Подробные правила для авторов доступны на сайте журнала по ссылке:

<https://www.tipse.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Индекс УДК: 343 977
Объем издания: 15,80 уч. изд. л.
Подписано в печать: 17.04.2021.
Тираж 200 экз.